

ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2013

№ 3

<http://www.ojkum.ru>

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 3 (26)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА : СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

От редактора рубрики	5
Сухаренко А.Н. Правовое регулирование обеспечения безопасности в России	7
Комарова Т.М. География социальной безопасности регионов Дальнего Востока России	12
Жерновой М.В. Экономическая безопасность ДФО: состояние и проблемы обеспечения	18
Вайсман А.Л. Нелегальный оборот флоры и фауны между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем	26
Хренков О.В. Незаконный оборот морских биоресурсов: российско-китайский аспект	38
Самойлюк Н.В. Незаконная миграция и региональная безопасность	43

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Маклюков А.В. Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в годы первого пятилетнего плана (1928 – 1932 гг.)	51
---	----

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Троякова Т.Г., Волошина А.В. Регулирование трудовой миграции в Россию: возможности использования зарубежного опыта	58
Бреславский А.С. Субурбанизация в постсоветской Бурятии и особенности внутренних миграционных потоков	68

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Фадеева Е.В. Роль женщины в традиционных родовых праздниках и промысловых обрядах у коренных народов Нижнего Амура	76
---	----

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Болдырев Е.В. Экономическая политика США в отношении стран Восточной Азии в 1980-х – начале 1990-х гг.	86
--	----

ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Колесниченко К.Ю. Военная авиация в Приморье в 1980-е-2000-е годы: военно-политический и социальные аспекты	95
Синенко И.Ю. Проблема региональной безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте угрозы нового витка гонки вооружений в XXI веке	106

Владивосток
2013

Научные сообщения

Сухаренко А.Н. Криминальная ситуация на Дальнем Востоке в зеркале статистики	113
Никитенко И.В. Преступность иностранцев: состояние и проблемы борьбы с ней (на примере азиатской части России)	118
Федоренко Т.А. Транснациональные аспекты наркобизнеса в ДФО	125
Информация по вопросам депутатов ГД РФ к Министру РФ по развитию Дальнего Востока В.И. Ишаеву в рамках «правительственного часа»	129
Заключительный отчёт о научно-исследовательской работе «Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»	137

Научная жизнь

Кузнецов А.М., Золотухин И.Н. Идентичность versus государство. Международная конференция «Политика коренной идентичности: национальные и глобальные перспективы». Сидней, 11-14 июля 2013 г.	155
Латушко Ю.В. Молодёжь и профсоюз РАН: итоги Санкт-Петербургского форума	163

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 3 (26)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: THE SOCIAL SECURITY OF INHABITANTS OF THE FAR EAST

From the editor of the heading	5
Sukhareno A.N. The legal regulation of security in Russia.	7
Komarova T.M. Geography of social security of the regions of Far East of Russia	12
Zhernovoy M.V. The economic security of the Far East: the status and problems of its providing	18
Waysman A.L. The illegal trafficking of flora and fauna between the Russian Far East and Northeast China	26
Khrenkov O.V. Illicit trafficking of marine biological resources: Russian-Chinese dimension	38
Samoilyuk N.V. Illegal migration and regional security ..	43

ECONOMY AND NATURE

Maklyukov A.V. Power building in the Far East during the First Five-Year Plan (1928 – 1932)	51
---	----

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Troyakova T.G., Voloschina A.V. Development of labor migration to Russia: opportunities for managing of foreign practice	58
Breslavskij A.S. Suburbanization in the Post-Soviet Buryatia and Internal Migration Flows	68

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Fadeeva E.V. The role of women in traditional tribal festivals and rituals of fishing for indigenous peoples of the Lower Amur	76
---	----

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

Boldyrev E.V. U. S. Economic Policy toward East Asian States in 1980 – early 1990s.	86
--	----

MILITARY AND POLITICAL GEOGRAPHY OF EAST ASIA

Kolesnichenko K.Yu. Military aircraft in Primorye in the 1980s-2000s: the military-political and social aspects	95
Sinenko I.Y. The problem of regional security in the North-East Asia in the context of new arms race upturn threats in the XXI century	106

SCIENTIFIC MESSAGES

Sukhareno A.N. The crime situation in the Far East through statistics	113
---	-----

Vladivostok
2013

Nikitenko T.A. Crime Aliens: state and problems of its control (on the example of the Asian part of Russia)	118
Fedorenko T.A. Transnational aspects of drug trafficking in the FEFD	125
Information on questions of deputies of the State Duma of the Russian Federation to the Minister on the development of the Far East, V.I. Ishayev under the "government hour"	129
Final report of the research "Study of public opinion on the level of security of the person and work of internal affairs of the Russian Federation"	137
SCIENTIFIC LIFE	
Kuznetsov A.M., Zolotukhin I.N. Identity versus State. International Conference «The Politics of Indigenous Identity: National and Global Perspectives». Sydney, 11-14 July 2013.	155
Latushko Yu.V. Youth and trade union RAS: results of the St. Petersburg forum	163

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij,
A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina,
V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov,
Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov,
Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Дальневосточный Федеральный округ (ДФО) – самый крупный по площади федеральный округ России. Он занимает 36% территории страны – 6216 тыс. кв. км, омывается водами морей Тихого и Северного Ледовитого океанов, имеет самую протяжённую береговую линию.

Доля населения значительно скромнее – около 5% всего населения России. Плотность населения – всего 1 чел./кв.км.

Огромные размеры региона, его протяжённость с запада на восток на 3 тыс. км и с севера на юг на 3200 км обусловили чрезвычайное разнообразие природных условий и несметных богатств недр и прибрежных вод двух океанов. Здесь есть повсеместно каменный и бурый уголь, нефть и газ (Сахалин), полиметаллы, олово, графит (Приморский край), железные и марганцевые руды (Еврейская АО). Но главное для Дальнего Востока – его геополитическое положение.

В состав округа входят 9 субъектов РФ: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Административный центр округа – г. Хабаровск.

Семь субъектов округа являются приграничными. Приморский, Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область непосредственно граничат с Китайской Народной Республикой; Камчатский край, Сахалинская область и Чукотский автономный округ имеют морские границы с США и Японией. Протяжённость границы с КНР составляет примерно 3200 км, на 40 км тянется граница с КНДР.

Уязвимое место региона – его слабая транспортная связь с остальной территорией России. Практически действуют лишь воздушный транспорт и единственная, сильно перегруженная железная дорога – Транссиб. Внутренние связи между регионами весьма слабы; в летнюю навигацию выручают реки. Ведущее место в межрегиональных перевозках принадлежит морскому транспорту.

В течение последних лет численность населения Дальневосточного округа неизменно сокращается. Согласно данным статистики, на начало 2012 года на территории ДФО проживали 6, 2 млн. человек. Начиная с 1991 года, регион потерял 1, 8 млн. человек, из которых 1, 6 млн. – за счёт оттока в другие районы России. Потеря 22% населения за 20 лет – не новость, но если разложить полученные данные по краям и областям, то картина складывается угрожающая. Чукотка потеряла 66% своих жителей, Магаданская область – 57%, Камчатка – 32%, Сахалин – 31%, Амурская область – 23%, Хабаровский край – 17% по отношению к общей численности населения в 1991 году.

Регион теряет специалистов, имеющих учёные степени. Так, в 2005 году уехали 6 докторов наук, а в 2010 году уже 19. В 2005 году Дальний Восток покинули 4929 специалистов с высшим образованием, а в 2010 году – уже 9174. В миграционных потоках более 90% лиц в трудоспособном возрасте. Число трудоспособных граждан сокращается темпами, вдвое превосходящими уменьшение общей численности населения.

В 1995-2010 годах номинальная заработная плата в экономике Дальнего Востока в среднем увеличилась в 32 раза, а в среднем по России – в 45 раз. Номинальные денежные доходы населения ДФО составляют чуть выше 80%, а реальные доходы – 40% от среднероссийского уровня. Каждый четвёртый житель Камчатки и Амурской области, каждый пятый Республики Саха (Якутия), Приморского края и Хабаровского края имеет доход ниже прожиточного уровня. В России в целом бедным является каждый восьмой.

Между тем основным условием реализации программ регионального развития считается создание механизма закрепления населения. При существующем качестве жизни численность граждан к 2050 году сократится до 4 млн. человек, а экономический прогноз – «катастрофа на восточных рубежах РФ, может стать объективной реальностью.

Согласно «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», реальное противодействие потенциальной угрозе безопасности страны на Дальнем Востоке может оказать лишь особая стратегия комплексного социально-экономического развития этой территории, ориентированная на закрепление населения путём формирования комфортной среды обитания. В этой связи авторы рубрики предлагают своё видение существующих проблем в сфере обеспечения социальной безопасности дальневосточников и путей их решения.

Так, в статье А.Н. Сухаренко анализируется правовая основа обеспечения общественной безопасности в РФ и Приморском крае в частности. Предметом исследования Т.А. Комаровой территориальная дифференциация регионов ДФО с точки зрения уровня социальной безопасности. Статья М.В. Жернового посвящена выявлению корреляции между экономической безопасностью личности и региона. В работе А.Л. Вайсмана проанализирована нелегальная российско-китайская торговля объектами фауны и флоры, а также предложены меры по её минимизации. В статье О.В. Хренкова рассматривается состояние незаконного оборота морских биоресурсов на Дальнем Востоке и российско-китайского сотрудничества в борьбе с ним. Статья Н.В. Самойлюк сфокусирована на вопросах незаконной миграции, представляющей угрозу региональной безопасности.

Приложением к статьям рубрики служат материалы, публикуемые в разделе «Научные сообщения». В их число вошел составленный А.Н. Сухаренко обзор «Криминальная ситуация на Дальнем Востоке в зеркале статистики», а также научные сообщения Т.А. Федоренко и И.В. Никитенко, посвященные различным аспектам преступности иностранцев на территории ДФО. Кроме того, в качестве справочных материалов по теме в раздел включены выдержки из отчета по НИР «Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» и справочная информация Министерства по развитию Дальнего Востока России, подготовленная к «правительственному часу» в Государственной Думе РФ.

А.Н. Сухаренко

УДК 343.4

*Сухаренко А.Н.
Sukharenko A.N.*

Правовое регулирование обеспечения безопасности в России

The legal regulation of security in Russia

В статье содержится краткий анализ нормативной базы обеспечения общественной безопасности в России и Приморском крае.

Ключевые слова: *безопасность, преступность, стратегия*

The article provides a brief analysis of the regulatory framework to ensure public safety in Russia and Primorsky Krai.

Key words: *security, crime, strategy*

Эффективность обеспечения общественной безопасности напрямую зависит от состояния правового регулирования в этой сфере. Сегодня вопросы общественной безопасности регламентированы множеством нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней.

Обеспечение общественной безопасности имеет многоуровневый характер. В соответствии с п. «б» статьи 72 Конституции РФ обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и её субъектов. В ст. 132 Конституции РФ говорится, что осуществление охраны общественного порядка относится также и к ведению местного самоуправления. По вопросам участия граждан в обеспечении правопорядка в субъектах РФ были приняты 63 отдельных закона.

В целях модернизации правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения безопасности был принят Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». Согласно ему, государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики России и представляет собой совокупность скоординированных и объединённых единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер. Она реализуется органами государственной власти и местного самоуправления на основе Стратегии национальной безопасности РФ, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом. Наряду с этим в её реализации участвуют также граждане и общественные объединения [5].

Ранее действовавший Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 «О безопасности» определял безопасность как *состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних*

СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор АНО «Центр новых вызовов и угроз национальной безопасности» (г. Владивосток). **E-mail:** sukharenko@mail.ru

и внешних угроз. При этом жизненно важные интересы подразумевали совокупность потребностей, удовлетворение которых надёжно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства [2]. В связи с этим содержание деятельности по обеспечению безопасности определяется, прежде всего, реальной и потенциальной угрозой объектам безопасности, исходящей от внешних и внутренних факторов. Угроза безопасности всегда характеризуется совокупностью тех условий и факторов, которые создают опасность жизненно важным интересам личности, обществу и государству. Отсюда следует, что объектами безопасности являются: личность – её права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., утверждённой Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, «угроза национальной безопасности» определяется как *прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства.*

Основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: *деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя РФ, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путём применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ; экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране; деятельность транснациональных преступных организаций и групп, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ; сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, а также связанных с коррупцией [6].*

Главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения общественной безопасности на долгосрочную перспективу являются, в том числе, совершенствование нормативно-правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере, а также создание единой государственной системы профилактики преступности и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработку и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [7], определены следующие приоритеты в сфере обеспечения общественного порядка и противодействия преступности: снижение уровня преступности; повышение безопасности населе-

ния и защищённости критически важных объектов; обеспечение равной защиты прав собственности на объекты недвижимости; предотвращение и пресечение рейдерских захватов; сокращение количества контрольных и надзорных мероприятий, проводимых в отношении малого бизнеса; противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём; борьба с коррупцией.

Согласно Разделу I Концепции приграничного сотрудничества в РФ (2001 г.), одной из основных задач такого сотрудничества является содействие обеспечению национальных интересов и национальной безопасности на государственной границе РФ, в том числе в сфере борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и другими правонарушениями. При этом в Разделе III рекомендовано развивать сотрудничество в правоохранительной сфере, в том числе совместные действия по предупреждению и пресечению преступлений и административных правонарушений, осуществление взаимодействия в сфере охраны общественного порядка, борьбы с трансграничной организованной преступностью и терроризмом, контрабандой, незаконным оборотом наркотиков и преступлениями в сфере экономики [4]. Впоследствии эти рекомендации были закреплены в «Перечне мероприятий по реализации Концепции приграничного сотрудничества в РФ», утверждённом распоряжением Правительства РФ от 18 июня 2004 г. № 826-р.

Согласно ст. 2 Федерального закона № 390, деятельность по обеспечению безопасности включает в себя прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности; определение основных направлений государственной политики и стратегическое планирование; правовое регулирование; разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению и устранению угроз безопасности, локализации и нейтрализации последствий их проявления; применение специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности; разработку, производство и внедрение современных видов вооружения, военной и специальной техники в целях обеспечения безопасности; организацию научной деятельности в области обеспечения безопасности; координацию деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов; финансирование расходов на обеспечение безопасности, контроль за целевым расходованием выделенных средств; международное сотрудничество в целях обеспечения безопасности, а также осуществление других мероприятий в соответствии с законодательством РФ. Органы государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства РФ в области обеспечения безопасности [5].

Распоряжением Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 313-р утверждена государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [8]. Документ включает четыре подпрограммы: «Предварительное следствие», «Полиция», «Внутренние войска МВД России» и «Обеспечение реализации государственной программы». Её выполнение в целом предусматривается в один этап – с 2013 по 2020 год. Общий объём финансирования программы составляет 9 574 141 882, 77 тыс. рублей.

Цель программы – повышение качества и результативности противодействия преступности, охраны общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности и безопасности дорожного движения, а также повышение доверия к органам внутренних дел со стороны населения.

Целевые индикаторы программы: количество тяжких и особо тяжких преступлений, уголовные дела о которых впервые приостановлены по пп. 1 – 3 ч.1 ст. 208 УПК РФ, по отношению к 2011 году; удельный

вес возмещённого ущерба от фактически причинённого по уголовным делам, оконченным следователями, и по уголовным делам, оконченным дознавателями; количество разысканных преступников по отношению к 2011 году; число тяжких и особо тяжких преступлений, совершённых в общественных местах, по отношению к 2011 году; уверенность граждан в защищённости своих личных и имущественных интересов (доля положительных оценок в числе опрошенных); социальный риск (количество лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий, в расчёте на 100 тыс. населения).

По итогам выполнения программы планируется достижение таких результатов как:

- реализация принципа неотвратимости ответственности за совершённое преступное деяние за счёт сокращения числа наиболее общественно опасных (тяжких и особо тяжких) преступлений, оставшихся нераскрытыми, а также числа разысканных подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осуждённых;

- увеличение удельного веса возмещённого ущерба от фактически причинённого по оконченным уголовным делам за счёт повышения эффективности работы следователей и дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации;

- повышение уровня безопасности граждан за счёт сокращения числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершённых на улицах, площадях, в парках, скверах;

- повышение уровня уверенности граждан в защищённости своих личных и имущественных интересов;

- сохранение положительной динамики сокращения количества лиц, погибших в результате дорожно-транспортных происшествий.

Распоряжение предусматривает организацию мониторинга показателей (индикаторов) реализации программы, требующих официального статистического наблюдения, и утверждение в установленном порядке методик расчёта показателей (индикаторов) реализации.

Кроме того, учитывая, что программа направлена на решение вопросов, относящихся к предмету совместного ведения федеральных и региональных властей, распоряжением предусмотрено рекомендация органам государственной власти субъектов РФ о принятии соответствующих региональных программ.

Что касается Приморского края, то с середины 2000-х годов действует Закон № 138-КЗ от 09.08.2004 «Об участии населения в охране общественного порядка на территории Приморского края». Документ устанавливает правовые основы, принципы и формы добровольного участия жителей в охране общественного порядка, оказании содействия полиции.

В рамках реализации Стратегии социально-экономического развития Приморского края до 2025 г., утверждённой Законом Приморского края от 20 октября 2008 г. № 324-КЗ [3], предусмотрено проведение мероприятий, направленных на сокращение преступлений против личности, а также принятие профилактических мер по снижению преступности в целом.

Общезвестно, что уровень преступности, общественной и личной безопасности граждан, их защищённости является одним из ведущих факторов, влияющим на все сферы общественной жизни, в том числе на социально-экономическое развитие Приморского края, его инвестиционную привлекательность, а также уровень доверия жителей к полиции и иным органам государственной власти. Именно поэтому особую важность приобретает выработка комплексных мер, направленных на профилактику правонарушений и снижение уровня преступности, в том

числе на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений.

В целях совершенствования системы профилактики преступлений и иных правонарушений, повышения уровня обеспечения общественного правопорядка и общественной безопасности, в том числе в местах массового пребывания граждан, постановлением Администрации Приморского края от 19 августа 2011 г. № 219-па была утверждена краевая целевая программа «Комплексные меры программы профилактики правонарушений и борьбы с преступностью в Приморском крае» на 2011-2015 гг. Основными задачами программы являются: снижение уровня преступности, в том числе подростковой, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений, формирование позитивного общественного мнения о правоохранительной деятельности, проводимой на территории края с целью повышения уровня доверия к правоохранительным органам [1].

Несмотря на столь обширную нормативно-правовую базу, по-прежнему сохраняются пробелы в правовом регулировании отдельных аспектов обеспечения общественной безопасности. Так, до сих пор не приняты следующие федеральные законы: «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», «Об участии граждан в охране общественного порядка», «О потерпевших от преступлений», «О борьбе с организованной преступностью», «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Принятие перечисленных законов, несомненно, повысит эффективность деятельности государственных органов в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2008. № 89. Ст. 1-2.
2. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 15, Ст. 769.
3. Приморская газета от 26.08.2011.
4. Распоряжение Правительства РФ от 09.02.2001 г. № 196-р
5. Российская газета от 29.12.2010.
6. Российская газета от 19.05.2009.
7. Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
8. Собрание законодательства РФ. 2013. № 11. Ст. 1145.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vedomosti Zakonodatel'nogo Sobraniya Primorskogo kraja. 2008. № 89. St. 1-2.
2. Vedomosti S'ezda narodnykh deputatov Rossijskoj Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossijskoj Federatsii, 1992, № 15, St. 769.
3. Primorskaya gazeta ot 26.08.2011.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 09.02.2001 g. № 196-r
5. Rossijskaya gazeta ot 29.12.2010.
6. Rossijskaya gazeta ot 19.05.2009.
7. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 47. St. 5489.
8. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 11. St. 1145.

УДК 911.3(571.621)

*Комарова Т.М.
Komarova T.M.*

География социальной безопасности регионов Дальнего Востока России

Geography of social security of the regions of Far East of Russia

В статье на основе рассчитанного интегрального индикатора показана динамика социальной безопасности за 2000, 2005 и 2008 годы субъектов Дальневосточного федерального округа. Предложена типология субъектов ДФО по уровню социальной безопасности.

Ключевые слова: *социальная безопасность, интегральный индикатор, Дальневосточный регион, уровень социальной безопасности, типология*

This paper presents the dynamic of integrated indicator of social safety for 2000, 2005 and 2008 years of regions of the Far East of Russia. It has been suggested the typology on level of social safety of the Far Eastern regions.

Key words: *social safety, integrated indicator, Far East of Russia, level of social safety, typology*

Современная демографическая ситуация России характеризуется как изменением количественных, так и качественных показателей. В связи с тем, что в ближайшие годы продолжится сокращение численности населения страны, большее внимание необходимо уделить качественным параметрам живущего населения: уровню образования, здоровья и смертности населения, качеству социальной среды, так как в период кризиса количественное ухудшение демографических показателей непременно сопровождается снижением качественных характеристик. [3] В связи с этим особое значение имеет изучение вопросов национальной безопасности и, в первую очередь, одной из её составляющих – социальной безопасности.

Социальная безопасность – состояние общества, при котором обеспечивается номинальный уровень социальных условий и предоставляемых социальных благ, определяющих качество жизни человека и общества в целом, и гарантируется минимальный риск для жизни, физического и психического здоровья людей. Исследование проблем социальной безопасности приобретает особое значение, оно обусловлено рядом негативных социально-политических и экономических явлений, которые привели к нищете и духовно-нравственной бедности большую часть населения страны, способствовали резкой социальной поляризации общества. Указанные социальные явления и связанные с ними социальные процессы рассматриваются рядом исследователей в аспекте

КОМАРОВА Татьяна Михайловна, к.географ.н., доцент Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (г. Биробиджан). **E-mail:** carpi-komarova@yandex.ru

обеспечения социальной безопасности, однако эти проблемы требуют дальнейшего изучения. Социальная безопасность представляет собой совокупность взаимосвязанных систем и сама входит в системы более высокого порядка. Различают внешнюю и внутреннюю безопасность, которые в свою очередь имеют подсистемы «вертикального расположения» [5].

Как отмечают некоторые исследователи, в современной отечественной литературе вопросы социальной безопасности рассматриваются обычно по трём разрезам: во-первых, анализ социальной безопасности в основных сферах жизнедеятельности общества (политической, экономической, социально-бытовой, социокультурной, социально-экологической); во-вторых, ориентация на социальную сферу; в-третьих, защита гражданского населения от угроз на межгосударственном уровне; в-четвёртых, информационное обеспечение социальной безопасности [2]. На наш взгляд, на первоначальных этапах рассмотрение социальной безопасности того или иного региона должно, прежде всего, опираться на изучение именно социальных и социально-демографических параметров, рассматриваемых в контексте современной государственной политики в данных сферах жизнедеятельности.

В настоящее время социальная безопасность достаточно широко рассматривается различными науками, но ещё относительно слабо её исследование представлено в социальной географии. География как наука в последние годы всё чаще и чаще сталкивается с задачами, имеющими ярко выраженный междисциплинарный характер. И одной из таких задач является изучение территориальной дифференциации социальной безопасности регионов страны и выявление факторов её обуславливающих.

Уровень социальной безопасности можно определить через систему социальных индикаторов, основными из которых являются:

- ожидаемая продолжительность жизни,
- коэффициент смертности,
- уровень младенческой смертности,
- среднедушевые доходы населения,
- доля населения, находящегося за чертой бедности,
- коэффициент миграционного прироста;
- уровень экономически активного населения;
- уровень преступности.

Некоторые исследователи [1, с. 110] предлагают помимо вышеперечисленных показателей использовать также показатели половозрастной структуры населения, соотношение общего числа мужчин и женщин, численность мужчин и женщин по возрастным группам. На наш взгляд, данные показатели можно использовать только для углублённого анализа социальной безопасности и, прежде всего, для прогнозирования её развития в перспективе.

На первоначальном этапе для каждого дальневосточного субъекта РФ были рассчитаны уровни социальной безопасности по каждому из выше перечисленных индикаторов [4]. Затем был рассчитан обобщающий индикатор социальной безопасности в динамике за 2000, 2005 и 2008 гг. Ввиду отсутствия общепринятого обобщающего индикатора, выраженного в определённых единицах измерения, предпочтительной его заменой некоторые исследователи предлагают использовать многомерную среднюю арифметическую, рассчитанную адаптивным методом В.М. Рябцева [7]. Выбор данного вида средней обусловлен тем, что исследуемые показатели по своей природе аддитивны, так как до проведения процедуры нормирования они имели абсолютные значения [6].

$$Y = (X - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min})$$

Y – уровень безопасности,

X – показатель n -региона,

X_{\min} – минимальный показатель уровня безопасности,

X_{\max} – максимальный показатель уровня безопасности.

При мониторинге рейтинга субъектов РФ предпочтителен интервальный анализ, который позволяет более чётко классифицировать его изменения.

Таблица 1. Классификация уровней безопасности

Интервалы величин агрегированного показателя безопасности	Характеристика градаций
Менее 0, 3	Социальный кризис (К)
0, 31-0, 5	Социальная напряжённость (Н)
0, 51-07	Социальная стабильность (С)
0, 71- 1	Социальное благополучие (Б)

Источник: [7].

Как наглядно показано в *таблице 2*, ситуация в регионе достаточно нестабильна. Если в 2005 году более 70% субъектов региона относилась к уровню социальной стабильности, то уже к 2008 году ситуация значительно поменялась, только чуть выше 40% субъектов относились к данному уровню. При этом значительно расширилась группа регионов с социальной напряжённостью – с 22% до 55%. Среди причин, которые привели к снижению уровня социальной безопасности, можно отметить следующие: низкая продолжительность жизни, снижение среднедушевых доходов населения региона, увеличение в отдельных регионах смертности как общей, так и младенческой, рост миграционного оттока в северных субъектах, рост преступности и увеличение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

Еврейская автономная и Амурская области достаточно устойчиво удерживают позиции аутсайдеров и в отдельные годы по некоторым показателям относятся к регионам, находящимся в зоне социального кризиса – смертность, уровень экономически активного населения, среднедушевые доходы.

Большинство регионов Дальнего Востока, находятся в группе социальной стабильности в основном только из-за высокого показателя среднедушевых доходов. Если показатель среднедушевых доходов вычленишь из интегрального показателя картина существенно поменяется (*табл. 3*).

На основе анализа полученных показателей была разработана типология регионов Дальнего Востока по социальной безопасности (*табл. 4*). Было выделено 2 типа:

1. регионы с социальной напряжённостью;
2. регионы с социальной стабильностью

В связи с различием в динамике демографических и экономических показателей среди регионов, в каждом типе выделяются подтипы. В 1 типе с социальной напряжённостью выделяются 4 подтипа:

1. со снижением демографических и экономических показателей;
2. со снижением экономических и ростом демографических показателей;

Таблица 2. Уровень социальной безопасности регионов Дальнего Востока России

Показатель	Уровень социальной безопасности	2000	2005	2008
<i>Регионы ДВР</i>				
0, 01 - 0, 3	Социальный кризис	-	-	-
0, 31 - 0, 5	Социальная напряжённость	Приморский кр. Амурская обл. Еврейская АО Чукотский АО	Амурская обл. Еврейская АО	Приморский кр. Камчатский кр. Хабаровский кр. Амурская обл. Еврейская АО
0, 51 - 0, 7	Социальная стабильность	Республика Саха Хабаровский кр. Камчатская обл. Магаданская обл. Сахалинская обл.	Республика Саха Приморский кр. Хабаровский кр. Камчатская обл. Магаданская обл. Сахалинская обл. Чукотский АО	Республика Саха Магаданская обл. Сахалинская обл. Чукотский АО
0, 71 - 0, 9	Социальное благополучие	-	-	-

Источник: составлено автором

Таблица 3. Уровень социальной безопасности регионов Дальнего Востока России (без учёта денежных доходов населения)

Показатель	Уровень социальной безопасности	2000	2005	2008
<i>Регионы ДВР</i>				
0, 01 - 0, 3	Социальный кризис	-	-	-
0, 31 - 0, 5	Социальная напряжённость	Приморский кр. Хабаровский кр. Магаданская обл. Сахалинская обл. Амурская обл. Еврейская АО Чукотский АО	Амурская обл. Еврейская АО Приморский кр. Хабаровский кр. Магаданская обл. Сахалинская обл. Чукотский АО	Приморский кр. Хабаровский кр. Амурская обл. Еврейская АО Магаданская обл. Чукотский АО
0, 51 - 0, 7	Социальная стабильность	Республика Саха Камчатская обл.	Республика Саха Камчатская обл.	Республика Саха Сахалинская обл. Камчатский кр.
0, 71 - 0, 9	Социальное благополучие	-	-	-

Источник: составлено автором

Таблица 4. Типы регионов Дальневосточного федерального округа по уровню социальной безопасности

Социальная напряжённость				Социальная стабильность	
Со снижением экономических и демографических показателей	Со снижением экономических и ростом демографических показателей	С ростом экономических показателей и неустойчивостью демографических	С неустойчивыми демографическими и экономическими показателями	Со снижением экономических и ростом демографических показателей	С неустойчивыми демографическими и экономическими показателями
Магаданская обл.	Приморский край	Сахалинская обл.	Амурская обл.	Республика Саха	Чукотский АО
Хабаровский край			Еврейская АО	Камчатский край	

Источник: составлено автором

3. с ростом экономических показателей и неустойчивостью демографических;

4. с неустойчивыми демографическими и экономическими показателями.

Во 2 типе было выделено 2 подтипа:

1. со снижением экономических и ростом демографических показателей;

2. с неустойчивыми демографическими и экономическими показателями.

Анализ полученных результатов показал, что почти 70% регионов Дальнего Востока относятся к 1 типу и преобладающими являются подтипы со снижением или неустойчивостью демографических и экономических показателей. Во втором типе, к которому относится почти 30% дальневосточных регионов, преобладающим подтипом является – снижение экономических и рост демографических показателей.

В современных социально-экономических условиях низкий уровень социальной безопасности региона может являться одной из причин, сдерживающих или даже замедляющих развитие региона. Для выведения регионов из группы социальной напряжённости в группу социальной стабильности необходимы следующие меры: улучшение жизненного уровня населения, увеличение прожиточного минимума, рост минимальной оплаты труда, рост минимальной пенсии, снижение уровня инфляции. Кроме этого, наиболее важным является экономический рост, создание новых предприятий, что позволит увеличить занятость населения в регионе и повысить денежные доходы населения. Более пристальное внимание необходимо уделить депрессивным и отсталым территориям, выявить здесь возможные точки экономического роста с целью создания благоприятных условий для закрепления населения. Решение вопросов улучшающих качество жизни населения позволит повысить привлекательность дальневосточных территорий, снизить миграционный отток, сократить младенческую и общую смертность, что позволит несколько

увеличить продолжительность жизни. Таким образом, только комплексное улучшение жизни дальневосточников позволит снизить социальную напряжённость в регионе.

Литература

1. Виногоров А.В. Экономическая безопасность России и её регионов. Йошкар-Ола, 2008. 158 с.
2. Лига М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности. М., Гардарики, 2006. 223 с.
3. Попова Л.А. Качественные аспекты российского демографического кризиса // Национальные проекты и сбережение нации. М., 2008. с. 135-139.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 990 с.
5. Рудаков А.В., Стрельченко В.В. Проблемы внешней и внутренней безопасности. М., Изд-во РАГС, 2005. 220 с.
6. Рябцев В.М. Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. Самара, изд-во СГЭА, 2002.
7. Фомичева Т.А. Методологический аспект статистической оценки и межрегиональной дифференциации социальной безопасности // Вестник Самарского государственного экономического университета, 2009. № 60. с. 101-106.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vinogorov A.V. EHkonomicheskaya bezopasnost' Rossii i eyo regionov. Joshkar-Ola, 2008. 158 s.
2. Liga M.B. Kachestvo zhizni kak osnova sotsial'noj bezopasnosti. M., Gardariki, 2006. 223 s.
3. Popova L.A. Kachestvennyye aspekty rossijskogo demograficheskogo krizisa // Natsional'nye proekty i sberezhenie natsii. M., 2008. s. 135-139.
4. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2009: R32 Stat. sb. / Rosstat. M., 2009. 990 s.
5. Rudakov A.V., Strel'chenko V.V. Problemy vneshnej i vnutrennej bezopasnosti. M., Izd-vo RAGS, 2005. 220 s.
6. Ryabtsev V.M. Konkurentosposobnost' rossijskikh regionov: metodologiya otsenki i sravnitel'nogo analiza. Samara, izd-vo SGEHA, 2002.
7. Fomicheva T.A. Metodologicheskij aspekt statisticheskoy otsenki i mezhregional'noj differentsiatsii sotsial'noj bezopasnosti // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta, 2009. № 60. s. 101-106.

УДК 330.13.131.7

*Жерновой М.В.
Zhernovoy M.V.*

Экономическая безопасность ДФО: состояние и проблемы обеспечения

The economic security of the Far East: the status and problems of its providing

В статье представлен анализ состояния экономической безопасности регионов Дальнего Востока, а также предложены меры по повышению её уровня.

Ключевые слова: экономика, безопасность, угроза

The paper presents an analysis of the economic security of the Far East, as well as proposed measures to improve its level.

Key words: economy, security, threat

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., утверждённой Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537, национальные интересы России – это совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищённости и устойчивого развития личности, общества и государства.

Основными направлениями обеспечения национальной безопасности являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета страны.

Социально-экономическое и геополитическое положение Дальневосточного федерального округа (ДФО) определяет заинтересованность стран Азиатско-Тихоокеанского региона в распространении своего влияния на Дальний Восток. В связи с тем, что особенностью региональной экономики является сырьевая направленность, их внимание будет сосредоточено на бюджетобразующих отраслях.

В 2012 г. валовой региональный продукт ДФО составил 2, 5 трлн. рублей против 1 трлн. в 2006 г. Таким образом, стоимость всех произведённых товаров и услуг в регионе за 6 лет увеличилась в реальных ценах в 2, 5 раза, а в сопоставимых, то есть с учётом инфляции, – в 1, 4 раза. В пересчёте на душу населения дальневосточники произвели товаров и услуг на сумму в 390 тыс. руб. Можно говорить о повышении темпов роста дальневосточной экономики, поскольку с 2000 по 2006 г. объём регионального ВВП вырос лишь на 28% против 41% с 2006 по 2012 г. (в сопоставимых ценах). Тем не менее, в 2012 г. по объёму валового регио-

ЖЕРНОВОЙ Михаил Васильевич, к.ю.н., ведущий научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Приморскому краю (г. Владивосток). **E-mail:** primvnii@bk.ru

нального продукта ДФО по-прежнему занимал лишь 7-е место из восьми возможных, хотя отставание от идущего шестым Южного округа заметно сократилось.

Наряду с этим с 2006 по 2012 г. на 70% увеличился объём промышленного производства (с учётом повышения цен на продукцию). До 2006 г. рост промышленного производства составлял лишь 26%.

Численность занятых в регионе в 2012 г. осталась примерно на уровне 2006 г. – 3, 3 млн. человек. Не изменилось и число безработных: в 2012 г. их насчитывалось порядка 260 тыс. человек. Мировой финансовый кризис 2008 г. лишил работы около 100 тыс. человек (в 2009 г. количество безработных составляло 330 тыс.), так что можно говорить о постепенном увеличении числа занятых. Самыми проблемными регионами, с точки зрения уровня занятости населения, являлись Сахалинская область и Якутия.

Среднемесячная зарплата на Дальнем Востоке в 2012 г. достигла 31, 3 тыс. руб. В сравнении с 2006 г., когда жители региона зарабатывали в среднем 13, 7 тыс. руб., она увеличилась в 2, 3 раза.

Несмотря на реализацию крупных инвестиционных проектов, экономика ДФО не смогла преодолеть провалы 90-х годов. По итогам 2011 года общий объём привлечённых инвестиций составил 1, 1 трлн. рублей. Их структура такова: 80% – это инвестиции корпораций, 14% – федеральные инвестиции, 4% – инвестиции субъектов и 2% – прочие инвестиции.

По оценке инвестиционной привлекательности рейтингового агентства «Эксперт РА» по рангам инвестиционного потенциала субъекты округа занимают следующие места: Республика Саха (Якутия) – 24 место, Камчатский край – 69, Приморский край – 18, Хабаровский край – 30, Амурская область – 55, Магаданская область – 75, Сахалинская область – 53, Еврейская автономная область – 81, Чукотский автономный округ – 73 [4].

Основными ограничениями для развития бизнеса на территории России большинство иностранных инвесторов называют высокий уровень налогов и отсутствие значимых льгот, недостаточную квалификацию рабочей силы, недоступность кредитов, сложную криминальную обстановку, высокие энерготарифы, неэффективное функционирование судебной системы, неразвитость транспортной инфраструктуры, сложность получения разрешительных документов, ограничение доступа к земельным ресурсам.

Несмотря на то, что среднедушевые денежные доходы дальневосточников в номинальном выражении на 12, 3% превышают среднероссийский уровень, с учётом паритета покупательной способности их величина в целом по округу составляет лишь 87% средней величины по России. Таким образом, если среднестатистический россиянин на свои полученные доходы может приобрести 2, 25 фиксированного набора потребительских товаров и услуг, принятого для межрегиональных сопоставлений, то дальневосточнику доступно, исходя из его доходов, лишь 1, 95 такого набора, а пенсионеру и того меньше – всего 0, 8. Если говорить об уровне качества жизни в целом, то он на Дальнем Востоке отстаёт от среднероссийских показателей. В среднем по ДФО общая численность жителей с денежными доходами ниже уровня прожиточного минимума составляет 16% общей численности населения округа, тогда как в среднем по России – 13% [5].

Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 года», утверждённая в мае 2013 года Правительством России, ставит целью сформировать условия ускоренного развития этого макрорегиона, тем самым создать

мощную точку роста российской экономики в целом. Для реализации мероприятий программы планируется привлечь российские и иностранные инвестиции на сумму более 300 млрд. долларов [3]. Большие задачи и привлекаемые для их выполнения огромные средства требуют решения вопросов обеспечения экономической безопасности.

Одним из основных критериев экономической безопасности региона является соответствие институциональных условий региона задаче обеспечения экономической безопасности личности. Экономическая безопасность личности подразумевает такое состояние социально-экономической системы, при котором обеспечивается гарантированная защита жизненных интересов каждого члена общества, создаются равные возможности удовлетворения растущих материальных и духовных жизненных потребностей личности.

Для общего анализа и выявления основных зон кризиса экономическая безопасность рассматривается по следующим сферам: производственная; финансовая; продовольственная; социальная; демографическая; безопасность в сфере занятости.

Анализ по всем вышеперечисленным составляющим экономической безопасности позволяет ранжировать регионы ДФО на основе методики, разработанной С.В. Гук [2]. В качестве исследуемых показателей используются показатели, предложенные С. Глазьевым [1, с. 4], исследователями Уральского отделения РАН [6, с. 64] и данные Росстата.

Для определения ранга регионов ДВФО по каждой из предложенных сфер находим значение интегрального показателя безопасности (R_j) каждого объекта по формуле

$$R_j = \frac{\sum X_{ij}}{n} ; (1)$$

Где $i = 1...n$; n – количество применяемых показателей, $j = 1... -$ количество исследуемых составляющих экономической безопасности, X_{ij} – оценка используемого показателя, которая находится как отношение фактического значения показателя и порогового.

Для тех показателей, значение которых должны стремиться к увеличению

$$X_{ij} = \frac{a_{ij}}{\text{порог}.a_{ij}} ; (2)$$

для тех показателей, значение которых должно стремиться к уменьшению по сравнению с фактическим

a_{ij} – значение i -го показателя для j -ой сферы.

Если интегральная оценка от 0, 75 и выше – ситуация в данной сфере считается благополучной, если 0, 5-0, 74 – предкризисной, если интегральная оценка менее 0, 5 – ситуация в данной сфере считается кризисной.

В качестве пороговых величин целесообразно брать либо уже используемые другими исследователями пороговые показатели, либо (если таковых на данный момент не существует) среднероссийские значения, либо лучшие значения по областям и краям дальневосточного региона. Выбор значения пороговых показателей зависит от фактических значений по региону. Если все фактические значения регионов по какому-либо аспекту экономической безопасности значительно лучше пороговых общепринятых предкризисных значений, то в качестве эталона нужно взять лучшее значение по округу либо среднероссийское значение. Целесообразность такого подхода объясняется тем, что, во-первых, если

Таблица 1. Интегральная оценка экономической безопасности регионов ДВФО (баллы)

Показатель	Республика Саха (Якутия)	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Камчатская область	в г.ч. Корякский АО	Магаданская область	Сахалинская область	ЕАО	Чукотский АО
Производственная безопасность	0,39	0,85	0,75	0,41	0,48	0,65	0,27	0,62	0,59	0,28
Финансовая безопасность	0,58	0,62	0,60	0,48	0,53	0,69	0,49	0,62	0,42	0,56
Продовольственная безопасность	0,70	0,63	0,76	0,77	0,69	0,43	0,45	0,59	0,73	0,64
Безопасность в сфере занятости	0,65	0,67	0,65	0,46	0,80	0,30	0,53	1,00	0,82	1,00
Социальная безопасность	0,74	0,62	0,65	0,64	0,65	0,69	0,72	0,75	0,63	0,77
Демографическая безопасность	0,90	0,67	0,73	0,71	0,92	0,49	0,72	0,70	0,72	0,94
Средний балл по всем сферам безопасности	0,66	0,68	0,69	0,58	0,68	0,54	0,53	0,71	0,65	0,70
Ранг региона в ДВФО	6	5	3	8	4	9	10	1	7	2

значение какого-либо показателя в регионе значительно хуже значения данного показателя в соседних с ним краях и областях, в регионе возникает социальное напряжение (если речь идёт о показателях социальной сферы); во-вторых, использование в качестве порогового лучшего значения по округу позволяет оценить нереализованный потенциал региона.

Расчёт значения интегрального показателя для каждого анализируемого объекта производится как среднее арифметическое значение общих баллов набранных по всем шести сферам (табл. 1). В семи регионах ДФО существуют зоны кризиса, т.е. сферы экономической безопасности, требующие неотложного вмешательства центральных и местных властей. Наибольшее количество таких зон (по четырём составляющим экономической безопасности) в Магаданской области.

Интегральная оценка по всем составляющим экономической безопасности не превышает предкризисного значения (0, 75) и свидетельствует о неблагоприятной ситуации во всех регионах ДФО, которая с учётом геополитического положения Дальневосточного региона представляет угрозу не только экономической, но и национальной безопасности государства.

Относительно благополучное состояние социальной сферы ДФО (на фоне других составляющих) объясняется недостаточностью существующего подхода для определения безопасности социальной сферы.

В настоящее время общепринятая система показателей безопасности социальной сферы характеризует предельно допустимое снижение уровня обеспеченности основных групп населения материальными благами и услугами, за границами которого создаётся угроза снижения их трудоспособности или опасности возникновения неконтролируемых социальных, трудовых и межнациональных конфликтов. Такой подход нам кажется ошибочным, так как угрозу для экономической безопасности региона представляет не только возможные социальные конфликты, но и психологическое самочувствие населения, атмосфера доверия к местным и региональным властям. Соответственно существующий подход показывает более благоприятную ситуацию по сравнению с фактической и не оценивает степень реальной угрозы в социальной сфере региона.

По нашему мнению, одним из основных факторов возникновения большинства угроз экономической безопасности в Дальневосточном округе является несоответствие институциональных условий региона требованиям обеспечения экономической безопасности личности.

Повышение экономической безопасности личности является и условием и результатом снижения угроз экономической безопасности региона. В условиях повышения экономической безопасности личности снижается уровень теневой экономики, повышается рождаемость и продолжительность жизни, уменьшается отток высококвалифицированных специалистов в другие регионы, повышается мотивация и производительность труда, а также уровень инвестиций в экономику. Таким образом, только на основе объективной оценки уровня экономической безопасности личности, можно дать оценку качества и разработать меры по повышению экономической безопасности отдельного региона.

Соответственно эффективная социально-экономическая политика по обеспечению экономической безопасности региона должна основываться на совершенствовании институциональных условий региона с целью создания в регионах равных возможностей удовлетворения растущих материальных и духовных жизненных потребностей личности при улучшении предпринимательского климата.

Для оценки степени отклонения экономического положения личности от критического мы предлагаем использовать интегральный по-

Таблица 2. Интегральная оценка экономической безопасности регионов ДВФО (баллы)

	Индикатор уровня жизни	Индикатор социальной защищенности и экономической стабильности	Индикатор предпринимательской активности	Средний балл	Ранг региона в округе
Республика Саха (Якутия)	0, 698	0, 747	0, 340	0, 60	8
Приморский край	0, 658	0, 657	0, 880	0, 73	3
Хабаровский край	0, 811	0, 659	0, 755	0, 74	2
Амурская область	0, 605	0, 703	0, 715	0, 68	6
Камчатская область	0, 654	0, 601	0, 640	0, 63	7
В т.ч. Корякский АО	0, 558	0, 451	0, 430	0, 48	10
Магаданская область	0, 671	0, 680	0, 735	0, 70	5
Сахалинская область	0, 711	0, 776	0, 900	0, 80	1
Еврейская авт.область	0, 629	0, 680	0, 845	0, 72	4
Чукотский А.О.	0, 565	0, 586	0, 535	0, 56	9

Источник: составлено автором

казатель экономической безопасности личности $K_{об}$, который может быть рассчитан как среднеарифметическое обобщающих индикаторов:

$$K_{об} = \frac{R_1 + R_2 + R_3}{3} \quad (3)$$

где R_1 – *Индикатор, характеризующий уровень жизни* (соотношение среднемесячной зарплаты и прожиточного минимума, обеспеченность жильём, соотношение пенсии и прожиточного минимума пенсионера, качество медицинских и коммунальных услуг, покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения, среднедушевое потребление основных продуктов питания, доля в бюджете затрат населения на бытовые услуги).

R_2 – *Индикатор, характеризующий уровень социальной защищённости и экономической стабильности населения* (рост реальных доходов, доступность жилья, медицинских и образовательных услуг, развитость рынка труда, своевременность выплаты заработной платы, число регистрируемых преступлений, рост реального размера пенсий).

R_3 – Индикатор, характеризующий уровень предпринимательской активности в регионе (доля малых предприятий в общей численности всех предприятий, доля занятых на малых предприятиях в общей численности занятых в экономике).

Значения R_1 , R_2 и R_3 рассчитываются по формуле (2) и (3).

Главное отличие показателя $K_{\text{ж}}$ от используемых на данный момент показателей ИРЧП и показателей уровня жизни заключается в том, что:

♦ основным объектом исследования является среднестатистический человек, а не семья и домашнее хозяйство как при оценке уровня жизни;

♦ он учитывает не только степень текущей материальной обеспеченности, но и существующие тенденции;

♦ он может использоваться для ранжирования регионов страны по степени экономической безопасности личности.

Анализ результатов свидетельствует, что благополучным по уровню экономической безопасности личности не является ни один регион ДФО, т.к. по одному или нескольким блокам во всех регионах рассчитанные индикаторы хотя бы по одной составляющей ниже 0, 75 баллов (табл. 2).

Высокий уровень корреляции между показателями экономической безопасности личности и показателями экономической безопасности региона (коэффициент корреляции составляет 0, 9) доказывает необходимость социальных императивов в региональном развитии как одного из главных факторов обеспечения региональной экономической безопасности.

Приоритетными направлениями для Дальневосточного региона в сфере обеспечения экономической безопасности России являются:

- ♦ структурная модернизация экономики;
- ♦ закрепление населения;
- ♦ обеспечение энергетической безопасности региона и увеличение его энергетического потенциала;
- ♦ рациональное использование минерально-сырьевой базы;
- ♦ интеграция в экономическую систему АТР;
- ♦ развитие международных транспортных коридоров, системы экспортной поставки нефти и газа.

Литература

1. Глазьев С. Основа обеспечения экономической безопасности – альтернативный реформационный курс // РЭЖ. 1997. № 1.
2. Гук С. Экономическая безопасность регионального развития: институциональные условия, социальные императивы, инструментарий обеспечения (на примере Дальневосточного федерального округа): диссертация ... канд. экономических наук: 08.00.05. Ростов-на-Дону, 2008. 160 с.
3. Дальневосточный капитал. 2013. № 5.
4. Материалы заседания Межведомственной комиссии по безопасности в экономической и социальной сферах в Дальневосточном федеральном округе (г. Хабаровск, 07.04.2011 г.).
5. Российская газета. 01.03.2012.

6. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та. 1997.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Glaz'ev S. Osnova obespecheniya ehkonomicheskoy bezopasnosti – al'ternativnyj reformatsionnyj kurs // REHZH. 1997. № 1.

2. Guk S. EHkonomicheskaya bezopasnost' regional'nogo razvitiya: institutsional'nye usloviya, sotsial'nye imperativy, instrumentarij obespecheniya (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga): dissertatsiya ... kand. ehkonomicheskikh nauk: 08.00.05. Rostov-na-Donu, 2008. 160 s.

3. Dal'nevostochnyj kapital. 2013. № 5.

4. Materialy zasedaniya Mezhhvedomstvennoj komissii po bezopasnosti v ehkonomicheskoy i sotsial'noj sferakh v Dal'nevostochnom federal'nom okruge (g. Khabarovsk, 07.04.2011 g.).

5. Rossijskaya gazeta. 01.03.2012.

6. EHkonomicheskaya bezopasnost' regiona: edinstvo teorii, metodologii issledovaniya i praktiki. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 1997.

УДК 339.5

*Вайсман А.Л.
Waysman A.L.*

Нелегальный оборот флоры и фауны между Дальним Востоком России и Северо-Восточным Китаем

The illegal trafficking of flora and fauna
between the Russian Far East and Northeast China

В статье представлен анализ проблем борьбы с нелегальной торговлей объектами фауны и флоры на Дальнем Востоке, также предложены меры по её минимизации.

Ключевые слова: браконьерство, контрабанда, таможня

The paper presents an analysis of the problems in combating the illegal trade in objects of fauna and flora in the Far East, is also proposed measures to minimize them.

Key words: poaching, smuggling, customs

Дальний Восток России – один из самых, если не самый неблагоприятный регион нашей страны, с точки зрения развития нелегальной торговли животными и растениями, и, как следствие этого, – браконьерства. Объёмы нелегальной торговли объектами фауны и флоры в регионе в разы, а по некоторым видам – в десятки раз превышают объёмы легального оборота. Некоторые виды находятся исключительно в нелегальном обороте. Здесь как бы нарочно соединились вместе и природные, и политические, и социально-экономические факторы, способствующие нелегальному промыслу и бизнесу:

- ◆ Фауна и флора региона сказочно богата, здесь одной территорией объединены и северные, сибирские, и маньчжурские виды;
- ◆ Географическая близость к странам Восточной Азии – традиционным потребителям товаров животного и растительного происхождения;
- ◆ Рост экономического благосостояния стран-потребителей и платёжеспособного спроса населения этих стран;
- ◆ Падение доходов населения в российских регионах, безработица, разрушение многих экономических и производственных структур;
- ◆ Ранее одним из системообразующих видов производственной деятельности на Дальнем Востоке был пушной промысел. Случившаяся в силу как внешних, так и внутренних причин в 1990-х годах деградация структуры и системы этого промысла привела к резкому падению его доходности и поставила охотников-промысловиков на грань выживания. В результате более 90% охотников рассматривают незаконную добычу и сбыт перекупщикам таких продуктов их промысла, как женьшень, каба-

ВАЙСМАН Алексей Леонидович, главный координатор программы TRAFFIC Всемирного фонда дикой природы (WWF) России (г. Москва).

рожья струя, желчь медведя, панты и др., в качестве хорошего дополнения к доходам от добычи пушных видов.

♦ Изменение политической ситуации в стране в начале 1990-х годов. Несоответствие старой законодательной базы резко изменившимся условиям сделали таможенные и природоохранные органы зачастую бессильными перед напором нелегальной торговли.

♦ Слабость законодательной базы и несоответствие возможностей исполнительной власти стоящим перед нею проблемам и задачам явились одним из условий развития нелегальной торговли животными и растениями. На этой торговле родились и расцвели довольно многочисленные и сильные преступные группировки, которые втягивали в орбиту своего влияния исполнительную власть, правоохранительные и природоохранные ведомства.

♦ В итоге в регионе сложилась хорошо организованная система нелегальной торговли товарами растительного и животного происхождения, на границе с Китаем и КНДР организованы и сравнительно неплохо функционируют каналы безопасного незаконного перемещения их через границу.

Анализ экспортных и импортных операций, осуществляемых участниками ВЭД, а также выявленных и пресечённых фактов контрабанды и правонарушений в сфере таможенного дела показывает, что сегодня основными видами фауны и флоры, включёнными в Приложения СИТЕС и перемещаемыми через таможенную границу РФ как легально, так и нелегально, являются:

- ♦ дикорастущий женьшень, корни;
- ♦ продукция осетровых видов рыб;
- ♦ китообразные, живые особи и дериваты;
- ♦ бурый, гималайский и белый медведи, живые особи, части и дериваты;
- ♦ кабарга: шкуры, туши, дериваты;
- ♦ сайгак, рога;
- ♦ речная выдра, пушно-меховое сырьё;
- ♦ волк, части и шкуры;
- ♦ кошачьи: амурский тигр, дальневосточный леопард, рысь, живые особи, части и дериваты;
- ♦ живые особи отряда соколообразных;
- ♦ тропические виды диких животных, их части и дериваты;
- ♦ энтомологические объекты: бабочки, жуки, паукообразные.

Многие виды, массово вовлечённые в торговый оборот между Россией и Китаем, не занесены в Приложения Конвенции, но при этом не менее других страдают от энтузиазма коммерсантов и браконьеров. По результатам исследований, проводившихся в регионе, был составлен список 10 основных групп диких животных и дикорастущих растений, продукция из которых вовлечена в коммерческий оборот в большей степени (табл. 1).

За 1999-2009 годы таможенными ДФО пресечено 522 попытки незаконного перемещения через таможенную границу РФ объектов фауны и флоры, подпадающих под действие СИТЕС. В основном пресекались попытки незаконного перемещения дериватов и частей животных и растений, применяемых в традиционной китайской, корейской, японской, тибетской медицине, шкур пушных зверей, продукции осетровых видов рыб и корней дикорастущего женьшеня.

Кроме того, за указанный период было пресечено 32 попытки незаконного ввоза на территорию РФ объектов СИТЕС. Однако исследование внутреннего рынка на Дальнем Востоке показывает, что количество животных и растений, подпадающих под СИТЕС и не имеющих доку-

ментов, подтверждающих легальность ввоза, реализуемых в зоомагазинах и на рынках, значительно превышает количество объектов СИТЕС, зафиксированных таможенными органами при попытках незаконного ввоза на территорию РФ.

Основные направления незаконного перемещения специфического товара животного и растительного происхождения, подпадающего под СИТЕС, выглядели следующим образом:

- ♦ части диких животных и растений, использующиеся в традиционной восточной медицине, незаконно перемещаются в основном в КНР, КНДР, Республику Корея, Тайвань;

- ♦ животные, растения (продукция из них), применяемые в восточной кулинарии и обладающие высокими биостимулирующими свойствами, в основном незаконно перемещаются в КНР, Японию (мясо белухи и других китообразных, медведя и волка, дальневосточная мягкотелая черепаха);

- ♦ шкуры пушных зверей, подпадающих под СИТЕС, с нарушением установленного порядка и правил перемещаются в КНР, Италию, Турцию (шкуры речной выдры, калана, лесного амурского кота, волка);

- ♦ продукция из осетровых видов рыб, подпадающих под СИТЕС, незаконно перемещается в КНР, Великобританию, США, Японию;

- ♦ животные и растения, подпадающие под СИТЕС, их части и дериваты в основном незаконно вывозятся из Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Основной объём выявленных попыток незаконного перемещения через таможенную границу объектов фауны и флоры приходится на Китай. В настоящее время на территории Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области активно работают российские, корейские и китайские перекупщики. Конечная цель российских перекупщиков – перепродажа товара китайцам или корейцам. Объявления о скупке и продаже мускуса кабарги, желчи медведя, дикорастущего женьшеня – обычное явление в средствах массовой печати, на сайтах Интернет. Части животных наиболее активно скупаются во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске, Лесозаводске, Дальнереченске, Кавалерово.

Наибольшую обеспокоенность правоохранительных и природоохранных органов вызывает браконьерство со стороны граждан Китая, а также китайских перекупщиков, стимулирующих незаконную деятельность российских браконьеров. В настоящее время на территории Приморского края нет ни одного района, где бы ни осуществляли свою незаконную деятельность браконьеры и китайские перекупщики. Эта деятельность является мощным фактором, мотивирующим развитие незаконного промысла биоресурсов, в том числе и редких видов. О повсеместном распространении браконьерства, целью которого нередко является заготовка продукции для последующей контрабанды, говорят результаты деятельности природоохранных структур Минприроды, Минсельхоза и Росрыболовства.

Сведения о выявленных фактах браконьерства и контрабандного вывоза диких животных и дикорастущих растений в Дальневосточном регионе показывают, что наибольший ущерб наносится следующим популяциям:

- ♦ копытным (лосю, кабарге, изюбрю и пятнистому оленю);
- ♦ хищным (белому, бурому и гималайскому медведям, амурскому тигру и дальневосточному леопарду);
- ♦ птицам (кречету, даурскому журавлю);
- ♦ пушным животным (соболю, речной выдре, калану).

Наиболее характерные для Дальневосточного региона виды браконьерства:

- ◆ для Чукотского АО – на белого медведя, моржа, кречета;
- ◆ для Камчатского края – на бурого медведя, лося, кречета, соболя, снежного барана, лососёвые виды рыб;
- ◆ для Сахалинской области – на бурого медведя, трепанга, лососёвые виды рыб (вызывают беспокойство сведения о браконьерстве в отношении морского котика и сивуча);
- ◆ для Магаданской области – на лососёвые виды рыб, белого медведя, моржа, кречета;
- ◆ для Республики Саха (Якутия) – на лося, дикого северного оленя, соболя (вызывают беспокойство сведения о браконьерстве в отношении сокола-балобана и горного барана чубука);
- ◆ для Хабаровского края и Еврейской АО – на лося, бурого и гималайского медведя, кабаргу, соболя, осетровые и лососёвые виды рыб;
- ◆ для Приморского края – на гималайского медведя, кабаргу, амурского тигра, трепанга, лососёвые виды рыб (вызывают особое беспокойство сведения о браконьерстве в отношении дальневосточного леопарда);
- ◆ для Амурской области – на осетровые виды рыб, речную выдру (вызывают особое беспокойство сведения о возможном браконьерстве в отношении амурского тигра).

Примерная схема деятельности преступных групп, специализирующихся на контрабанде объектов фауны и флоры, выглядит следующим образом. Организатором и заказчиком в регионе, как правило, являются граждане Китая, реже – Южной Кореи, ещё реже – других стран. Заказчик периодически ввозит на территорию РФ крупную партию валюты (не менее 50 тыс. долл.) для закупки товара. С заказчиком непосредственно контактирует посредник – гражданин РФ. Посредник выезжает к местам браконьерской заготовки либо скупки браконьерски заготовленного товара. У посредника могут быть помощники. В отдельных случаях для проверки качества товара с посредником может выезжать представитель заказчика – гражданин КНР или Южной Кореи. Скупленный товар нелегально транспортируется железнодорожным, воздушным, морским, автомобильным транспортом к местам складирования и погрузки в транспортные средства фирм-перевозчиков. При транспортировке к месту складирования груз нередко сопровождается сотрудником государственных структур, наделённым определёнными полномочиями. Погрузка товара производится в транспортные средства со специально изготовленными тайниками. Тайники на грузовых автомобилях, как правило, изготавливаются в Китае. Тайники на морских судах изготавливаются во время ремонта в Корею, Китае, в отдельных случаях, силами экипажа. Перед отправкой груза российская сторона решает вопросы обеспечения сохранности груза и беспрепятственного перемещения через таможенную границу (при перемещении помимо мест таможенного контроля решается вопрос перемещения через государственную границу). Сторона покупателя решает вопрос перемещения через таможенные посты своего государства либо организует перемещение товара помимо мест таможенного контроля.

Проводившиеся в рамках проектов WWF и TRAFFIC исследования рынков Приморского и Хабаровского краёв позволяют сделать следующие выводы:

- ◆ торговля продукцией, добываемой как легально, так и нелегально (браконьерски), носит распространённый характер;
- ◆ продавцы и местные жители знают о существующих сезонных запретах на охоту промысловых видов и запретах на добычу и заготовку

Таблица 1. Группы диких животных и растений, вовлеченных в нелегальный оборот

Вид	Регион происхождения	Сектор рынка (легальный, нелегальный)	Приблизительные объемы оборота	Назначение товара (экспорт, внутренний оборот)	Вид экспорта (легальный, нелегальный)	Объемы нелегального вывоза	Страны назначения
1. Кошачьи: амурский тигр, дальневосточный леопард, рысь							
Шкуры	Дальний Восток (ДВ)	Нелегальный, легальный (для рыси)	До 50 – тигр 2 – леопард более 100 – рысь	Контрабанда	Нелегальный	От 5/1 -2/ от 10 и более	КНР, страны АТР
Кости	ДВ	Нелегальный	До 50/2/ более 10	Контрабанда	Нелегальный	От 5/1 -2/ от 10 и более	КНР, страны АТР
Мясо и пр.	ДВ	Легальный (для рыси), нелегальный	До 50/1 -2/ более 100	Контрабанда, вн. оборот	Нелегальный	От 2/1-2/ от 10 и более	КНР, страны АТР
2. Олени: пятнистый, изюбр, северный, кабарга							
Панты пятни- стого оленя	ДВ	Легальный, нелегальный	Значительный	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	Значительный	КНР, Южная Корея
Панты изюбра, марала	ДВ, Сибирь, Алтай	Легальный, нелегальный	Значительный	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	Значительный	КНР, Южная Корея
Панты север- ного оленя	ДВ, Сибирь.	Легальный, нелегальный	Значительный	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	Значительный	КНР, Южная Корея
Рога оленей	ДВ, Сибирь, Алтай	Легальный	Значительный	Экспорт	Легальный, нелегальный	Значительный	КНР
Пенисы оленей	ДВ, Сибирь.	Легальный, нелегальный	Значительный	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	Значительный	КНР
Мускусная железа кабарги	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	400–450 кг	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	От 100 до 400 кг	КНР, КНДР, Южная Корея

Вид	Регион происхождения	Сектор рынка (легальный, нелегальный)	Приблизительные объемы оборота	Назначение товара (экспорт, внутренний оборот)	Вид экспорта (легальный, нелегальный)	Объемы нелегального вывоза	Страны назначения
3. Медведи: бурый, гималайский, белый							
Желчь	ДВ, Сибирь, Алтай	Легальный, нелегальный	Не менее 100 кг	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 50 кг	КНР, КНДР, Южная Корея
Лапы	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 1000 шт.	Экспорт	Нелегальный	От 500 до 1000 шт.	КНР
Шкуры	ДВ	Легальный, нелегальный (белый медведь)	До 500/от 50 до 200/ около 200	Экспорт, внутренний оборот	Нелегальный	Не более 10 шт.	США, Европа
4. Хищные птицы							
Кречет	ДВ	Нелегальный	От 100 и более	Контрабанда	Нелегальный	От 100 и более	Ближний Восток
Сокол-балобан	ДВ	Нелегальный	От 100 и более	Контрабанда	Нелегальный	От 100 и более	Ближний Восток
Ястреб-тетеревятник	ДВ	Нелегальный	От 10 и более	Внутренний	Нелегальный	От 10 и более	
5. Пушные животные							
Шкуры соболя	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	От 10 000 и более	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 6000–7000 шт.	КНР
Шкуры колонка	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 10 000	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 5000 шт.	КНР
Шкуры норки	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 50 000	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 20 000 шт.	КНР
Шкуры белки	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	От 40 000 шт и более	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	От 40 000 и более	КНР
Шкуры лисицы	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 20 000 и более	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 10 000 шт.	КНР

Вид	Регион происхождения	Сектор рынка (легальный, нелегальный)	Приблизительные объемы оборота	Назначение товара (экспорт, внутренний оборот)	Вид экспорта (легальный, нелегальный)	Объемы нелегального вывоза	Страны назначения
Шкуры речной выдры	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 1000 шт.	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 1000 шт.	КНР
Шкуры песца	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 10 000 шт.	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 10 000 шт.	КНР
Шкуры енотовидной собаки	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 10 000 шт.	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 10 000 шт.	КНР
6. Земноводные							
Мясо лягушек	Приморский край	Нелегальный	Не менее 500 кг	Экспорт,	Нелегальный	Не менее 500 кг	КНР
Жироподобное в-во лягушек	Приморский край	Нелегальный	Не менее 100 кг	Экспорт,	Нелегальный	Не менее 100 кг	КНР
7. Пресмыкающиеся							
Дальневосточная мягкотелая черепаха	Приморский край	Нелегальный	От 100 и больше шт.	Экспорт	Нелегальный	От 100 и больше шт.	КНР
8. Беспозвоночные							
Трепанг	Приморский край, Сахалин	Нелегальный	От 3000 до 6000 кг	Экспорт	Нелегальный	От 3000 до 6000 кг	КНР
Медузы	Приморский край	Легальный, нелегальный	До 30 000 кг	Экспорт	Легальный, нелегальный	До 30 000 кг	КНР
Краб китайский мохнаторукий	Приморский край	Легальный, нелегальный	До 10 000 кг	Экспорт	Легальный, нелегальный	До 10 000 кг	КНР, Южная Корея
9. Рыбы							
Осетр амурский охлажденный	Хабаровский край, Амурская область	Легальный, нелегальный	До 250 т	Экспорт	Легальный, нелегальный	От 5 и больше т.	КНР

Вид	Регион происхождения	Сектор рынка (легальный, нелегальный)	Приблизительные объемы оборота	Назначение товара (экспорт, внутренний оборот)	Вид экспорта (легальный, нелегальный)	Объемы нелегального вывоза	Страны назначения
Калуга	Хабаровский край, Амурская область	Легальный, нелегальный	До 250 т	Экспорт	Легальный, нелегальный	От 5 т и больше	КНР
Икра осетровых	Хабаровский край, Амурская область	Легальный, нелегальный		Экспорт	Легальный, нелегальный	До 2т	КНР, Япония
Ауха охлажденная	Приморский край, Хабаровский край	Нелегальный	От 500 кг и больше	Экспорт	Нелегальный	От 500 кг и больше	КНР
10. Растения и грибы							
Папоротник орляк	Дальний Вос-ток	Легальный, нелегальный	Значительный	Экспорт	Легальный, нелегальный	Значительный	КНР
Женьшень дикорастущий	Приморский край	Нелегальный	До 1000 кг	Экспорт	Нелегальный	До 1000 кг	КНР, Япония
Элеутерокок	Приморский край	Легальный	До 10 000 кг	Экспорт	Легальный, нелегальный	До 10 000 кг	Европа, США
Солодка	ДВ, Сибирь	Легальный	До 10 000 кг	Экспорт	Легальный	-	США
Ландыш Кейске	ДВ, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 10 000 кг	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	Значительный	Европа
Грибы матсугаке	Приморский край	Нелегальный	От 1000 кг и больше	Экспорт,	Нелегальный	От 1000 кг и выше	КНР, Япония
Грибы чага	Приморский край, Сибирь	Легальный, нелегальный	До 3000 кг	Экспорт, внутренний оборот	Легальный, нелегальный	До 3000 кг	Япония, Южная Корея

редких видов животных и растений, охраняемых российским законодательством;

♦ существующие запреты на охоту и заготовку растений не останавливают жителей от браконьерства.

На территории российского Дальнего Востока в летне-осенний период в районах с преимущественно сельским населением активно осуществляются:

♦ сбор, заготовка и сдача в пункты приёма и продажа пищевых растений (папоротника орляка и осмунда, шиповника, иных ягодных растений);

♦ сбор, заготовка и сдача в пункты приёма и продажа ценных лекарственных растений, в том числе краснокнижных (женьшенья, кирказона маньчжурского и др.);

♦ незаконный вылов и реализация лососёвых и других видов рыб;

♦ незаконный вылов, варка, сушка и реализация трепанга;

♦ незаконный вылов, заготовка и реализация гребешка;

♦ незаконный вылов и сдача гражданам КНР лягушек, змей;

♦ сбор, заготовка и реализация грибов;

♦ сбор и торговля дикими декоративными цветами, в том числе краснокнижными;

♦ выкапывание в тайге и реализация декоративных кустарников, в том числе краснокнижных;

♦ браконьерская охота на копытных, пернатую и пушную дичь.

Товар на рынки городов Приморья и Приамурья поставляют:

♦ фермеры – продавцы сельхозпродукции из районов краёв и областей, приезжающие в города для реализации товара;

♦ жители пригородов, не имеющие постоянного заработка и промышленяющие сбором и реализацией дикоросов и выловом различных животных;

♦ жители населённых пунктов краёв и областей в сельской местности, специализирующиеся на сборе и заготовке дериватов с целью последующей продажи гражданам КНР;

♦ жители других субъектов ДФО, занимающиеся легальным и нелегальным бизнесом на данном направлении.

В некоторых субъектах Дальнего Востока подобным нелегальным и полуполегалным бизнесом занято от 40 до 70% населения. В отдельных местах процветает браконьерская добыча диких животных с целью перепродажи только для контрабандного вывоза. В Приморском крае это браконьерская охота на амурского тигра, добыча лягушек, змей, мягкотелых черепах. В Магаданской, Камчатской области и на Чукотке – отлов кречетов, в Республике Саха (Якутия) – отлов соколов-балобанов.

Государственные правоохранительные органы в лице сотрудников МВД и прокуратуры осуществляют либо эпизодический контроль за противоправной деятельностью на стихийных и стационарных рынках, либо не осуществляют совсем по разным причинам. Природоохранные органы не осуществляют контроль за нелегальной торговлей охраняемыми видами фауны и флоры на рынках ввиду отсутствия полномочий.

Исследование рынков КНР проводилось с 30 марта по 11 апреля 2008 года и с 13 сентября по 18 сентября 2009 года сотрудниками ТРАФ-ФИК Европа – Россия совместно с сотрудниками ТРАФФИК Восточная Азия – Китай. На китайской стороне исследование проводилось в городах Харбин, Чичихар (провинция Хэйлунцзян) и Далянь. Всего в Китае были исследованы четыре рынка, торгующих зоотоварами и антиквариатом, один птичий рынок, пять сельскохозяйственных рынков, три рынка, торгующих морепродуктами, один оптовый рынок торговли товарами и сырьём для народной китайской медицины (Чанкейшу, г. Харбин), а

также 10 магазинов, торгующих препаратами народной китайской медицины. Исследование торговли объектами фауны и флоры на рынках Китая показали, что отдельные виды товаров животного и растительного происхождения (корни женьшеня, сушёный трепанг, половые органы оленей, желчь медведя, панты пятнистого оленя и изюбря) поступают на прилавки китайских рынков с ферм, занимающихся искусственным разведением животных и растений в Китае, то есть не из дикой природы. Тем не менее, со слов продавцов, на рынках в открытой продаже имеются продукты, добываемые в дикой природе, которые ценятся значительно выше, чем культивируемые, например, трепанг, женьшень, мускусная железа кабарги, панты пятнистого оленя и изюбря, рога сайгака. Дикий женьшень дороже плантационного в 30-100 раз. Дикие панты – примерно вдвое дороже парковых.

Исследование оптово-розничного рынка Чанкейшу показало наличие большого спроса и фактов продажи добываемых (как легально, так и нелегально) в России продуктов животного происхождения, применяемых в китайской медицине. В первую очередь, это касается таких дериватов, как: рога сайгака, желчь медведя и, в особенности, мускусная железа кабарги (добыча кабарги запрещена в Китае, но разрешена в России). На момент исследования в реализации на оптово-розничном рынке находились дериваты пятнистого оленя и изюбря (панты, рога, пенисы, кровь, жилы, хвосты), дериваты сайгака (рога, стружка, готовая продукция в виде лекарственных препаратов), желчь медведя, женьшень дикий и культивируемый, пенисы сивуча и морского котика, сушёные гекконы, сушёные морские коньки, морские звёзды, трепанг, мускус кабарги, секреторное вещество жабы, дериваты лягушек (вяленое мясо, жироподобное вещество, неоплодотворённая вяленая икра) и многие другие товары животного и растительного происхождения. На рынках зоотоваров и антиквариата предлагаются различные предметы, изготовленные из панциря морской черепахи, слоновых бивней (несмотря на то, что торговля ими в Китае запрещена). В продаже есть предметы, изготовленные из частей преконвенционных животных и подпадающие под действие СИТЕС. Как показало исследование, торговля на рынках Китая изделиями декоративно-прикладного искусства из частей диких животных, охраняемых китайским и международным законодательством, – явление нередкое. В продаже на этих рынках имеются живые объекты фауны, применяемые в традиционной китайской кулинарии. В большом объёме предлагается на продажу продукция из различных диких видов земноводных и пресмыкающихся. В то же время, на сельскохозяйственных рынках и рынках, торгующих морскими продуктами, а также в магазинах и аптеках, торгующих препаратами народной китайской медицины, подобные товары не предлагались.

Совместное исследование рынков России и Китая позволило сделать следующие выводы:

1. Торговля в России товарами животного и растительного происхождения, в отношении которых установлены запреты на добычу и заготовку, в основном производится скрыто, практически «из-под прилавка», что свидетельствует об осведомлённости граждан о существующих запретах на торговлю редкими видами диких животных и дикорастущих растений. В Китае торговля подобными товарами ведётся открыто, что свидетельствует о более низком по сравнению с Россией уровне контроля природоохранными и правоохранительными органами над торговлей товарами из диких животных и дикорастущих растений.

2. Около 80% опрошенных российских и китайских торговцев, осуществляющих торговлю на территории России, были осведомлены, что торговля продукцией растительного и животного происхождения тре-

бует специальных разрешений и лицензий, а торговля продукцией из исчезающих видов животных и растений запрещена. Практически все опрошенные торговцы в Приморье знали о судебном процессе по факту контрабанды 480 лап медведя, шкуры тигра и набора костей тигра, выявленной правоохранительными органами в 2007 году. (Судебный процесс начался в Приморском крае незадолго до начала мониторинга рынков, в деле были замешаны трое граждан России и трое граждан Китая.) Осведомлённость торговцев свидетельствует о высокой эффективности освещения в СМИ судебных дел, связанных с контрабандой биоресурсов.

3. Исследование рынков на территории Китая показало, что большинство торговцев не знают о запретах на торговлю отдельными видами животных и растений, охраняемых китайским и международным законодательством (слоновая кость, продукция из панциря морской черепахи, мускус кабарги). Опрос на китайских рынках торговцев товарами животного происхождения, применяемыми в народной китайской медицине, показал, что более 60% товаров поступают в продажу нелегально. Однако это не мешает открытой торговле данными товарами.

4. Наличие в продаже на рынках Китая специфического товара животного и растительного происхождения из России, в отношении добычи, заготовки и транспортировки которого существуют китайские, российские и международные ограничения и запреты, свидетельствует о наличии на китайско-российской границе контрабандных каналов и существовании транснациональных преступных сообществ, специализирующихся на данном виде деятельности.

Дальний Восток России обладает обширным разнообразием видов флоры и фауны, значительная часть которых занесена в Красную Книгу РФ, Красные Книги субъектов Дальневосточного федерального округа и включена в Приложения Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения от 3 марта 1973 года.

За последние годы в результате браконьерства и последующего контрабандного вывоза нанесён ущерб более 160 видам дикой фауны и флоры Дальнего Востока. Наибольшему ущербу в результате браконьерства и контрабандного вывоза подвергаются: амурский тигр, дальневосточный леопард, гималайский медведь, кабарга, дальневосточная мягкотелая черепаха, женьшень, дальневосточный трепанг, калуга и амурский осётр.

На границе с Китаем и другими странами АТР образовались постоянно и бесперебойно действующие каналы незаконного вывоза дальневосточных животных и растений, их частей и дериватов. В регионе появились фирмы, специализирующиеся на незаконном промысле, переработке и вывозе за рубеж различных видов биосырья, в том числе дериватов диких животных и дикорастущих растений.

Важность работы всех заинтересованных сторон в этом направлении подтверждается не только актуальностью проблемы защиты природы и окружающей среды, нанесения крупного ущерба биологическому разнообразию, но и значительностью экономического ущерба, размер которого, по экспертным оценкам, может приближаться к 1 млрд. долл.

Торговля животными и растениями, особенно оборот в коммерческих целях, является наиболее сильной мотивацией для организации массового и неконтролируемого (часто браконьерского) изъятия диких видов из природы и, соответственно, важным фактором снижения их численности и исчезновения видов. Поэтому регулирование коммерческого, в том числе и международного оборота животных и растений, образцов СИТЕС, способствует снижению промышленной нагрузки на их

популяции, перераспределению промысла между различными частями ареала, введению его объёмов в приемлемые с экологической точки зрения рамки (устойчивое использование) и контролю объёмов и географии оборота. Всё это создаёт предпосылки для сохранения биологического разнообразия на нашей планете, а значит, и для поддержания качества окружающей природной среды и объёмов природных ресурсов на уровне, пригодном для жизни людей.

С другой стороны, противодействие нелегальному обороту таких высокодоходных товаров, как дикие животные и растения и товары из них, способствует минимизации чёрного рынка и перевода части этой торговли на легальную основу. Значит, растут таможенные платежи, производимые легальными экспортёрами и импортёрами, увеличиваются и поступления в бюджет государства.

Для осуществления этих планов потребуется наведение должного порядка в мониторинге ресурсов фауны и флоры, установление адекватных и реалистических лимитов на их добычу, налаживание действенного контроля как на территории, так и на границе. Понадобятся и изменения в законодательной и нормативной базе, направленные на упорядочивание трансграничной торговли животными и растениями. Проблему усиления контроля над оборотом объектов фауны и флоры и пресечению их незаконного перемещения через границу возможно решить лишь совместными согласованными действиями природоохранных и таможенных органов обеих стран как по усилению контроля, так и по повышению уровня информационного обмена.

Очевидно, что непринятие действенных мер ставит под угрозу уникальное биоразнообразие и экологическое благополучие Дальневосточного региона, и поэтому перед правоохранительными и природоохранными органами и организациями стоит задача по объединению усилий, направленных на пресечение незаконного оборота объектов фауны и флоры.

УДК 343.4

*Хренков О.В.
Khrenkov O.V.*

Незаконный оборот морских биоресурсов: российско-китайский аспект

**Illicit trafficking of marine biological resources:
Russian-Chinese dimension**

В статье анализируется состояние незаконного оборота морских биоресурсов на Дальнем Востоке и российско-китайского сотрудничества в борьбе с ней.

Ключевые слова: *биоресурсы, преступность, браконьерство*

The article examines the state of illicit trafficking in marine resources in the Far East and the Russian-Chinese cooperation in the fight against it.

Key words: *biological resources, crime, poaching*

Россия является одним из ведущих рыбопромышленных государств и занимает 6-8 место в мировом объёме производства рыбопродукции. Общая площадь всех акваторий России, в которых возможен промысел водных биоресурсов (ВБР), составляет около 24, 7 млн. км², в том числе исключительная экономическая зона (ИЭЗ) – 8, 2 млн. км². Около 50% сырьевой базы ВБР находится в Мировом океане и попадает в сферу действия международного права.

Основной вклад в суммарную добычу водных биоресурсов в морских водах традиционно вносит Дальневосточный рыбохозяйственный бассейн (ДВБ)² Сегодня в шести из 9 субъектов ДФО рыбное хозяйство занимает одно из ведущих мест. В общем объёме промышленного производства добыча и переработка рыбы составляют 15%. При этом для Камчатки этот показатель достигает 60%. В рыбной отрасли округа работают более 150 тыс. человек (около 40% от общего числа занятых в рыбном хозяйстве России). На Дальний Восток приходится более 60% общероссийского улова.

По данным Росрыболовства, в 2012 году общий улов в ДРБ составил 2 910, 9 тыс. тонн (более 81 % общего объёма добычи в ИЭЗ РФ), что больше на 36, 1 тыс. тонн или на 1, 3 % выше уровня 2011 года (*табл. 1*). Прирост уловов достигнут за счёт таких видов биоресурсов, как минтай, сельдь, сайра, тихоокеанские лососи, кальмары и крабы.

ХРЕНКОВ Олег Владимирович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*).

¹ В Дальневосточный бассейн входит акватория, прилегающая к территориям Приморского, Хабаровского и Камчатского краёв, Магаданской и Сахалинской областей, а также Чукотского автономного округа.

Таблица 1. Объём добычи (вылова) водных биоресурсов в 2007 – 2012 гг., в том числе по рыбохозяйственным бассейнам (тыс. тонн)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего по России	3438	3336, 1	3801, 4	4027, 9	4264, 7	4252, 6
в том числе по Дальневосточному бассейну	2189, 9	2182, 6	2483, 5	2613,3	2862, 5	2910, 9

Источник: Отчёт о работе Росрыболовства за 2012 г.

Тем не менее, насыщение рыбопродукцией внутреннего рынка субъектов ДФО снижается вследствие роста доли экспорта в общем объёме добычи: с 41% в 2008 г. до 45, 5% в 2011 г. При этом большую его часть (91%) составляет мороженая рыба. Ведущими импортёрами остаются Китай – 61% и Республика Корея – 30%, в то время как на Японию приходится 5%, поскольку туда поставляют в основном ценные виды биоресурсов.

Криминальная обстановка в округе во многом обусловлена территориальными и географическими особенностями. Наличие развитой транспортной инфраструктуры и морских портов, а также близкое расположение к развитым и развивающимся индустриальным странам (Япония, Республика Корея, Китай) создают условия для существования в регионе многочисленных организованных преступных групп, занимающихся незаконной добычей и контрабандой валютоёмких видов биоресурсов. По подсчётам Полпредства Президента России в ДФО, ежегодный ущерб от такой деятельности превышает 1 млрд. долл.

Преступления в сфере добычи, переработки и оборота водных биоресурсов имеют ряд специфических признаков, среди которых внешнеэкономическая направленность сбыта нелегальной морепродукции, высокая латентность, обусловленная невозможностью организовать эффективный контроль промысловой деятельности судов по причине большой площади акватории морских промысловых районов.

Сводя в ряде случаев к нулю эффективность принимаемых мер по сохранению и управлению биоресурсами, незаконный промысел приводит к спаду объёмов их добычи и подрыву усилий по восстановлению их запасов, утрате экономических и социальных возможностей обеспечения продовольственной безопасности населения страны.

Согласно Разделу III Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 г., одобренной распоряжением Правительства РФ от 21.07.2008 № 1057-р., одной из основных проблем отрасли является рост масштабов незаконного промысла водных биоресурсов и их нелегального вывоза за рубеж [6].

Анализ динамики и структуры российско-китайской внешней торговли показывает, что максимальное расхождение статистических данных характерно для экспорта рыбопродукции. Несмотря на рост физических объёмов поставок, доля незаконного экспорта составляет 30-35%. Так, в 2009 году, по данным ФТС России, было экспортировано более 529, 5 тыс. тонн на сумму около 648, 4 млн. долл., в то время как по данным Минсельхоза КНР, 759 тыс. тонн на сумму 1, 2 млрд. долл. Таким образом, разница составила около 230 тыс. тонн на сумму 602 млн. долл. [1, с. 71-73]. В 2011 году разница составила более 200 тыс. тонн в абсолютном и более 700 млн. долл. в денежном выражении [8].

По данным Минсельхоза России, за 8 мес. 2012 г. рыбный экспорт в Китай составил 488 млн. долл. Однако, по данным китайской таможни, за указанный период было ввезено 639 тыс. тонн на сумму более 946

млн. долл. Основой российского экспорта была мороженая рыба (99%): минтай, треска и сельдь, причём для обеспечения таких поставок было использовано минимум 50%, 20% и 72, 5% общероссийского улова перечисленных видов биоресурсов за указанный период соответственно [2].

Активные усилия по монополизации добычи, переработки, транспортировки и реализации рыбопродукции предпринимают иностранные компании. Помимо установления контроля над наиболее современной частью добывающего и перерабатывающего флота, ими разработаны разнообразные схемы извлечения безучётной прибыли из освоения биоресурсов. В немалой степени этому способствует как несовершенство законодательства РФ, так и экспортная ориентированность отечественных компаний. С другой стороны, внешнеэкономическая деятельность российских предприятий в значительной степени находится «в тени», что обусловлено сложностью организации действенного контроля со стороны госорганов, а также частым нежеланием иностранных партнёров предоставлять сведения о реальных объёмах торговой деятельности российских контрагентов.

Например, в феврале 2012 г. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) начала расследование в отношении двух десятков дальневосточных рыболовных компаний, а в декабре вынесла решение о существовании в 2006-2010 гг. так называемого «минтаевого картеля». Внимание ФАС привлекло публичное заявление, которое в конце 2011 г. сделала китайская корпорация «Pacific Andes International Holdings» в проспекте для инвесторов: «В 2009 и 2010 годах по российским квотам был обеспечен вылов 225 500 тонн и 317 500 тонн рыбы и других биоресурсов соответственно». Выяснилось, что её дочерняя компания – «China Fishery Group» – представляет собой цепочку китайских, оффшорных и российских компаний. Сегодня «Pacific Andes» контролирует более 20 рыболовных компаний в Сахалинской области, Приморском, Хабаровском и Камчатском краях, за которыми закреплены до 2018 года квоты на вылов минтая, сельди, трески и других рыб общим объёмом более 320 тыс. тонн в год. Для координации их деятельности создан «русский отдел», контролирующий работу флота, его бункеровку, фрахтование, перегрузы и реализацию продукции. Его сотрудниками являются граждане РФ, постоянно проживающие в Гонконге. В 2006 году они принимали участие в создании Ассоциации добытчиков минтая (АДМ) [3; 4].

Для решения проблемы браконьерства в конце 2012 г. было заключено российско-китайское межправительственное соглашение о сотрудничестве, которое предусматривает введение специального сертификата, подтверждающего законность добычи биоресурсов. Соглашение распространяется на такие объекты промысла, как тихоокеанские лососи, минтай, тихоокеанская сельдь, белокорый, стрелозубый и чёрный палтусы, различные виды краба, трепанг, морской ёж (полный перечень приведён в приложении № 1). Сертификат будет действителен в течение 3-х месяцев с даты выдачи и только для одной процедуры ввоза. Уполномоченные органы в течение 12 часов с момента выдачи экспортёру сертификата направляют его копию друг другу. Проверка оригинала сертификата включает проверку его подлинности, а также соответствия сведений о наименовании судна, объёме и наименовании ввозимых биоресурсов, информации, заявленной в порту. После проверки сертификата уполномоченные органы сообщают друг другу о её результатах и принятом решении (о ввозе или запрете). Выгрузку биоресурсов могут запретить в трёх случаях: если не был предъявлен оригинал сертификата, оригинал не соответствует копии или окажется, что он не выдавался компетентным органом страны происхождения груза [7].

Следует отметить, что Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 2261, предусматривающая ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, либо Государственную границу РФ с государствами-членами Таможенного союза *стратегически важных товаров и ресурсов* в крупном размере (более 1 млн. рублей). Для реализации данной статьи Постановлением Правительства РФ от 13.09.2012 № 923 был утверждён Перечень стратегически важных товаров и ресурсов, в который были включены *рыба, ракообразные и моллюски* [5].

Противодействие браконьерству и контрабанде ценных видов биоресурсов в Китай требует комплексного, системного подхода, отлаженного взаимодействия всех государственных органов, контролирующей деятельность в сфере промысла и экспорта гидробионтов.

Учитывая значимость рыбной отрасли в обеспечении продовольственной безопасности России, в целях развития производства отечественной рыбопродукции с высокой степенью переработки и переориентации поставок такой продукции на внутренний рынок, необходимо обеспечить своевременную реализацию положений Концепции развития рыбного хозяйства РФ до 2020 г.

Литература

1. Бюллетень Счётной Палаты РФ. 2012. № 3.
2. Вовченко Е. Россия лидирует в поставках водных биоресурсов в Китай. // Рыбацкая газета. 16.10.2012.
3. Горелов Н. «Русский отдел» «Пасифик Андес». // Камчатский край. 06.02.2013.
4. Итаров Е. Китайцы обвели ФАС вокруг минтая. // Золотой Рог. 02.07.2013.
5. Писарева К. Рыбакам дадут до 12 лет. // Коммерсант. 28.09.2012.
6. Собрание законодательства РФ. 2008. № 30. Ст. 3682.
7. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области предупреждения, сдерживания и ликвидации незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла живых морских ресурсов (Москва, 06.12.2012). Соглашение официально не опубликовано и пока не ратифицировано.
8. Юрьевич Л. Сельдь под прикрытием. // Российская газета. 20.11.2012.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Byulleten' Schyotnoj Palaty RF. 2012. № 3.
2. Vovchenko E. Rossiya lidiruet v postavkakh vodnykh bioresursov v Kitaj. // Rybatskaya gazeta. 16.10.2012.
3. Gorelov N. «Russkij otdel» «Pasifik Andes». // Kamchatskij kraj. 06.02.2013.
4. Itarov E. Kitajtsy obveli FAS vokrug mintaya. // Zolotoj Rog. 02.07.2013.
5. Pisareva K. Rybakam dadut do 12 let. // Kommersant. 28.09.2012.
6. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 30. St. 3682.

7. Soglashenie mezhdou Pravitel'stvom RF i Pravitel'stvom KNR o sotrudnichestve v oblasti preduprezhdeniya, sderzhivaniya i likvidatsii nezakonnogo, nesoobshhaemogo i nereguliruemogo promysla zhivyykh morskikh resursov (Moskva, 06.12.2012). Soglashenie ofitsial'no ne opublikovano i poka ne ratifitsirovano.

8. YU'evich L. Sel'd' pod prikrytiem. // Rossijskaya gazeta. 20.11.2012.

УДК 343.9

*Самойлюк Н.В.
Samoilyuk N.V.***Незаконная миграция и региональная безопасность****Illegal migration and regional security**

В статье содержится анализ противодействия незаконной миграции в России и на территории Дальнего Востока, а также предложены меры по стабилизации миграционной ситуации в регионе.

Ключевые слова: *миграция, преступность, политика*

The paper contains an analysis of illegal migration in Russia and in the Far East, as well as proposed measures to stabilize the migration situation in the region.

Key words: *migration, crime, politics*

Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации была включена норма, предусматривающая ответственность за организацию незаконной миграции. Установление уголовной ответственности за деяния, предусмотренные статьёй 322¹ УК РФ, свидетельствует об актуализации проблем противодействия незаконной миграции в целом и ее криминальной составляющей в особенности.

Статистический анализ данных Главного информационно-аналитического центра МВД России (ГИАЦ МВД России) свидетельствует о постоянном росте выявляемых фактов организации незаконной миграции. Так, в 2008 г. было зарегистрировано 624 преступления, окончено расследованием 488 уголовных дел, выявлено 431 лицо, совершившее данное противоправное деяние; в 2009 г. – 1389 преступлений, 1106 уголовных дел, выявлено 1048 лиц; в 2010 г. – 1739 преступлений, 1405 уголовных дел, выявлено 1033 лица; в 2011 г. – 2338 преступлений, 1448 уголовных дел, выявлено 1055 лиц.

Необходимость противодействия незаконной миграции обусловливается следующими фактами:

1) незаконная миграция и сопутствующие ей явления негативно влияют на криминогенный фон в России, а также на ее экономический потенциал, замедляют модернизацию производств и развитие технологий.

По мнению экспертов, незаконная миграция является одним из детерминант организованной преступности и сама по себе представляет прибыльную сферу организованной преступной деятельности [1, с. 78]. Согласно данным ГИАЦ МВД России, число зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ, в 2005 г. составило 51 225, в 2006 г. – 53

САМОЙЛЮК Наталья Владимировна, преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ДВЮИ МВД России, майор полиции. (г. Хабаровск).

014, в 2007 г. – 50 139, в 2008 г. – 53 875, в 2009 г. – 57 955, в 2010 г. – 48 992, в 2011 г. – 44 956. Полагаем, что снижение показателей данного вида преступлений не отражает реальную картину преступности в рассматриваемой сфере, так как значительная их часть является латентной;

2) ярко выраженный латентный характер, подтверждающийся соотношением количества въезжающих на территорию РФ и покидающих ее иностранцев, количеством выявленных правонарушений при пересечении государственной границы и нарушений миграционного законодательства в процессе пребывания на территории РФ, а также мнением экспертов, допускающих потенциальную возможность прибытия на территорию РФ иностранцев, ранее выдворенных и депортированных за пределы нашего государства, но изменивших метрические данные и соответствующие документы. В настоящее время не существует точных оценок количественных показателей незаконной миграции в России. По оценкам экспертов, в нашей стране незаконно проживают от 1, 5 до 15 млн. человек, из которых 80% составляют граждане СНГ. При этом число стран-реципиентов стремительно расширяется (Афганистан, Вьетнам, Индия, КНР, КНДР, Монголия, Пакистан);

3) увеличение масштабов незаконной миграции. В 2008 г. в России было выявлено 163 721 лицо, незаконно находящееся на ее территории, при этом к уголовной ответственности были привлечены 215 человек; в 2009 г. выявлено 272 160 незаконных мигрантов, к уголовной ответственности были привлечены 457 человек; в 2010 г. выявлено 246 767 незаконных мигрантов, к уголовной ответственности были привлечены 434 человека; в 2011 г. выявлено 219 536 человек, незаконно находящихся на ее территории, и только 428 были привлечены к уголовной ответственности;

4) несовершенство мер противодействия незаконной миграции. Росту незаконной миграции сопутствуют объемные административные процедуры, затрудняющие возможность легальной деятельности мигрантов и работодателей; ограниченность разрешенных каналов постоянной и временной миграции; малорезультативная работа органов иммиграционного контроля; отсутствие необходимой инфраструктуры для адаптации иммигрантов в новой среде.

Миграционная обстановка в Российской Федерации характеризуется наличием существенных различий в ее процессах на региональном уровне. Неслучайно одной из целей государственной миграционной политики РФ является учёт особенностей регионального развития [2]. Региональная специфика миграционных процессов дальневосточного региона определяется тем, что вопросы противодействия незаконной миграции здесь имеют особенное значение, поскольку Дальневосточный округ является одним из самых неблагоприятных субъектов РФ с низким демографическим балансом ввиду низкой плотности населения, неосвоенности территорий, удалённости от центральной, более населенной части страны, вместе с тем с высокой миграционной активностью населения.

Особенностью миграционных процессов в регионе является также то, что значительное количество иностранцев прибывают на Дальний Восток из Китая. На территории Дальнего Востока незаконно проживает более 100 тыс. китайских граждан. Опасность такого положения видится в том, что различия в географическом, демографическом, экономическом и других аспектах развития Дальнего Востока и КНР достаточно существенны. При этом по данным ГИАЦ МВД России, на территории ДФО количество преступлений, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ, постоянно растёт (в 2008 г. – 35; в 2009 г. – 41; в 2010 г. – 56; в 2011 г. – 82)

Дальневосточный федеральный округ имеет особое военно-стратегическое, природное и геополитическое положение. Площадь региона охватывает более трети всей территории страны и располагает значительными сырьевыми и биологическими ресурсами. На Дальнем Востоке сконцентрировано от 30 до 40 % всех российских энергетических и геологических ресурсов, а также значительные даже по общемировым критериям запасы лесных и водных биоресурсов, добыча рыбы и морепродуктов образует до 60% от общероссийского показателя. Геополитическое положение благоприятно в связи с тем, что округ граничит со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, КНДР, Япония, США), чья роль в мировом развитии усиливается.

Несмотря на меры, принимаемые государством, масштабы незаконной миграции в Дальневосточном регионе не сокращаются. В связи с этим необходимы новые, учитывающие региональные особенности подходы к решению проблем, связанных с незаконной миграцией.

Разработка мер противодействия незаконной миграции в Дальневосточном федеральном округе должна осуществляться с учётом демографических, экономических, социальных перспектив в регионе. Следует помнить, что миграция остается основным источником восполнения численности населения как в стране в целом, так и ее дальневосточном регионе в частности. Поэтому в ДФО необходимо развитие региональных программ по привлечению и закреплению населения. Сегодня единственной действующей программой постоянной миграции является Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом. В данной программе принимают участие 38 субъектов РФ, в том числе субъекты ДФО.

Региональное законодательство должно иметь дифференцированный подход к различным группам мигрантов, с учётом целей их пребывания. Оно должно быть направлено на сосредоточение лиц молодых возрастов с учётом рынка труда, в том числе его квалифицированной части.

Кроме того политика государства должна быть направлена на улучшение всех сфер жизни постоянного населения. Прежде чем привлекать трудовых мигрантов, необходимо обеспечить работой с достойной заработной платой собственное население. С другой стороны, трудовых мигрантов следует привлекать, исходя из потребностей рынка труда дальневосточного региона, наиболее дефицитных и избыточных профессий.

Таким образом, в дальневосточном регионе социально-экономическая сфера миграционной политики должна обеспечиваться полной занятостью постоянного населения, решением демографических проблем, модернизацией народного хозяйства на плановой основе.

Региональные программы по противодействию незаконной миграции должны быть направлены на сокращение масштабов незаконной миграции на территории ДФО. В программе должны быть закреплены понятия незаконной миграции и незаконного мигранта. Программы должны включать в себя следующие мероприятия:

- 1) создание банков данных, закрепляющих информацию о местах наиболее сконцентрированного нахождения незаконных мигрантов. На данных объектах необходимо усиление иммиграционного контроля. Учитывая тот факт, что наибольшее количество незаконно находящихся иностранных граждан в дальневосточном регионе являются лицами китайской национальности и занимаются они в основном торговлей, а также строительством, кроме того учитывая близость границ, необходимо ужесточить контроль за мигрантами в отдельных отраслях их жизнедеятельности. Создание таких банков данных позволит обеспечить

более эффективную систему профилактики незаконной деятельности иностранных граждан, прибывающих в дальневосточный регион;

2) проведение съездов руководителей предприятий и частных предпринимателей, привлекающих иностранных работников по вопросам разъяснения миграционного законодательства, деятельности, направленной на оказание помощи мигрантам в адаптации в трудовом коллективе и бытовой сфере;

3) разработка системы контроля предприятий, привлекаемых иностранную рабочую силу;

4) выявление мигрантов, склонных к совершению преступлений;

5) совершенствование системы учёта иностранных граждан и лиц без гражданства. Формирования банка единого учёта, куда должна поступать информация ото всех органов в сфере миграции. Данная информация должна касаться не только анкетных данных иностранных граждан и данных о въезде, пребывании, нахождении, но и других обстоятельств, имеющих значение для выработки системы профилактики правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, на территории округа;

6) обеспечение возможности посещения мигрантами центров по адаптации мигрантов;

7) заключение межправительственных соглашений по противодействию незаконной миграции. Такие соглашения должны быть заключены, прежде всего, со странами, откуда в большинстве своем прибывают мигранты. В настоящее время действует договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче, соглашение между Федеральной пограничной службой Российской Федерации и Министерством обороны Китайской Народной Республики о пограничном сотрудничестве, соглашение о сотрудничестве между Министерством безопасности Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской границы, соглашение о сотрудничестве между Министерством безопасности Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики о пунктах пропуска на российско-китайской государственной границе и др. Данные документы направлены на борьбу с незаконной миграцией, выполнение совместных мероприятий по пресечению противоправной деятельности на государственной границе, способствование возвращению лиц в случае взаимно установленного факта незаконного пересечения российско-китайской государственной границы, выдачу лиц для привлечения к уголовной ответственности.

В целях наиболее эффективной организации противодействия незаконной миграции необходимо заключение региональных соглашений с учётом реальной обстановки и особенностей миграционной ситуации дальневосточного региона.

8) организация механизмов досудебного решения трудовых конфликтов.

Кроме того, существование феномена незаконной миграции связано, в том числе с отсутствием необходимой инфраструктуры для адаптации иммигрантов в новой среде, в связи с чем необходимо создание адаптационных центров для иностранных граждан, прибывающих в РФ как на постоянное место жительства, так и временно. Основными направлениями деятельности таких центров должны стать:

– разъяснение иностранным гражданам и лицам без гражданства законодательства по вопросам их прав и обязанностей, въезда, выезда, пребывания, транзитного проезда, трудовой деятельности и др.;

– предоставление первой медицинской помощи;

– предоставление информации о жилищных услугах, рынке труда и другой справочной информации;

– проведение лекций по вопросам культуры, национальных обычаев, законодательства в принимающей стороне;

– оказание помощи в организации централизованного досуга, культурно-массовых мероприятий;

– проведение мероприятий, направленных на противодействие ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости, в том числе с использованием средств массовой информации.

В адаптационных центрах должны работать как представители принимающей стороны, так и представители стран выхода иностранных граждан и лиц без гражданства. Кроме того целесообразно создание адаптационных центров и на родине мигрантов.

Итак, для дальневосточного региона целесообразно:

1) создание условий для активного применения существующих форм, направленных на недопущение проникновения на территорию дальневосточного региона нелегальных мигрантов;

2) создание специализированных подразделений в системе органов ФМС, осуществляющих непосредственный контроль за соблюдением правил пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства на территории региона;

3) создание необходимой инфраструктуры для содержания иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих выдворению и депортации на территории региона;

4) разработка региональных программ противодействия незаконной миграции с учётом демографических и экономических особенностей региона;

5) противодействие вовлечению мигрантов в преступную деятельность;

6) увеличение комплекса социально-экономических возможностей приграничных территорий для их хозяйственного освоения и укрепления обороноспособности;

7) ведение профилактической и разъяснительной деятельности с мигрантами по вопросам миграционного законодательства и исключения случаев вовлечения иностранцев в преступную среду;

8) координация деятельности служб, ведущих миграционный учёт;

9) соблюдение приоритета госбезопасности при расселении населения региона.

Нет сомнений, что осуществление мероприятий, направленных на противодействие незаконной миграции в дальневосточном регионе, не достигнет своей цели без комплексного решения данной проблемы на федеральном уровне. Поэтому одной из главных задач миграционной политики России на современном этапе является установление такого социально приемлемого уровня масштабов незаконной миграции, чтобы наша страна не испытывала острого политического, экономического и иного ущерба. Российская Федерация постоянно совершенствует свою политику в области миграции, о чём свидетельствует принятая Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, реализация которой должна способствовать разрешению проблем, препятствующих эффективному регулированию миграции и снижению

социокультурных, экономических и политических рисков, связанных с притоками мигрантов [2].

Надо признать, что больших результатов в последнее время достигнуто не было: масштабы незаконной миграции в России постепенно увеличиваются. Поэтому России необходимо, опираясь на опыт прошлых лет, выработать комплекс таких мер, которые послужат как препятствием для возникновения причин незаконной миграции, так и механизмом уничтожения негативных последствий миграционных процессов и обеспечат благоприятные условия для социально полезной деятельности иностранных граждан на территории России. При этом миграционная политика России должна быть выстроена таким образом, чтобы при ее реализации иммигранту было выгоднее не нарушать миграционное законодательство, организациям, использующим иностранный труд, выгоднее привлекать его легальную часть, а у органов власти существовала бы возможность противодействовать незаконной миграции не силовыми, а правовыми и экономическими способами.

Думается, что существование такой системы миграционных процессов возможно при совершенствовании миграционного законодательства и четком исполнении его предписаний. При этом мы не призываем к полной либерализации закона. Но следует отметить, что в некоторых случаях жесткие нормы не являются источником противодействия незаконной миграции, а, наоборот, провоцируют ее. Здесь надо вспомнить о нововведениях в связи с принятием Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» относительно уведомительного порядка въезда в Россию трудовых мигрантов, а также об эксперименте по легализации незаконных мигрантов, проводимых в некоторых субъектах Российской Федерации. Нет сомнений, что подобные меры, направленные на либерализацию миграционных отношений, будут иметь положительный эффект в противодействии незаконной миграции. В то же время мы выступаем за ужесточение санкций при нарушении миграционного законодательства в отношении как самих иностранных граждан, так и лиц, способствующих таким нарушениям.

Здесь хотелось бы отметить и то, что миграционная политика России должна носить дифференцированный характер по отношению к тем, кто, прибывая на ее территорию, не планирует оставаться на постоянное место жительства и получать российское гражданство (это в основном граждане дальнего зарубежья), и к тем, кто стремится стать гражданином России и жить на ее территории (это русскоязычное население стран СНГ, цели которого отличаются от целей граждан первой группы, стремящихся извлечь только материальную выгоду от своей деятельности).

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что для стабилизации негативных проявлений миграционных процессов в Российской Федерации необходимо принятие решений по следующим блокам проблем:

1. изменение национального законодательства применительно к существующим негативным проявлениям действующего механизма миграционных процессов. Так, следует ужесточить ответственность за нарушение миграционного режима в Российской Федерации. При этом данные меры должны распространяться как на лиц, которые совершают уголовно противоправные и иные деяния в области миграции, так и на государственные органы, ведающие различного рода вопросами миграции, в случаях несоблюдения или ненадлежащего соблюдения ими законодательства Российской Федерации. В частности, необходимо усилить ответственность органов ФПС России за некачественное заполнение почтовых уведомлений и бланков о прибывших мигрантах, т.к. вследствие этого не в полном объеме происходит формирование информационных

учётов. Другим положительным элементом пресечения негативных проявлений миграционных процессов могли бы стать разработанные нормы в области легализации трудовых мигрантов, которые по различным причинам не сумели получить необходимые разрешительные документы на право трудовой деятельности и временного пребывания в Российской Федерации. Необходимо внести изменения и дополнения в Федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», «О гражданстве Российской Федерации», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и ряд других нормативных актов. Изменения и дополнения в вышеперечисленных законах должны быть направлены на получение Российской Федерацией максимальной выгоды от миграционных процессов и одновременно на извлечение положительных результатов в противодействии незаконной миграции, а также на реализацию защиты прав иностранных граждан, желающих осуществлять трудовую деятельность и жить в Российской Федерации. Необходимо внесение изменений в законодательство относительно вопросов о реадмиссии в связи с вновь принятыми соглашениями. В настоящее время созрела необходимость в принятии закона «Об иммиграции»;

2. регулирование миграционных процессов в масштабах всего государства, но с дифференцированным подходом со стороны федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Федерации с учётом территориальных особенностей регионов страны;

3. формирование профилактической деятельности в области нелегальной миграции во избежание возможных конфликтов на международной почве в регионах страны;

4. развитие систем информационного взаимодействия всех государственных структур в области миграционных процессов. Совершенствование механизмов передачи сведений о регистрации иностранных граждан по месту жительства и постановки их на учёт по месту пребывания из территориальных органов ФМС России в органы государственной статистики и налоговые органы;

5. создание инфраструктуры, отвечающей национальным и региональным интересам и выгодной с экономической и политической стороны, по привлечению и использованию иностранной рабочей силы;

6. совершенствование взаимодействия федеральных органов власти и органов государственной власти субъектов Федерации в противодействии незаконной миграции;

7. введение инфраструктуры по адаптации мигрантов. Создание центров подготовки мигрантов как в России, так и на их родине. Проведение разъяснительных бесед по вопросам порядка постановки на миграционный учёт;

8. развитие цивилизованных механизмов по возвращению незаконных мигрантов в места их постоянного проживания. С этой целью осуществлять взаимодействие с зарубежными государствами в борьбе с незаконной миграцией;

9. усовершенствование действующей системы квотирования в соответствии с миграционной обстановкой в регионах России;

10. контроль над исполнением законодательства в области здравоохранения в целях предупреждения проникновения мигрантов, являющихся носителями инфекционных заболеваний. Совершенствование организации медицинского освидетельствования мигрантов в части его стоимости, доступности медицинского обслуживания, реальных сроков обследования;

11. реализация функций ФМС России по координации деятельности органов исполнительной власти в сфере миграции;

12. координация работы по созданию центров для лиц, подпадающих под реадмиссию;

13. реализация на практике вступивших в законную силу международных договоров о реадмиссии;

Развивая систему противодействия незаконной миграции, необходимо учитывать, что существование современных обществ и государств немислимы без миграционных процессов, что в свою очередь обусловлено естественным стремлением человека к свободе передвижения и выбору места пребывания, а также постоянного поиска более комфортных условий жизни. Сегодня трудно представить развитие и экономический рост без перераспределения производственных сил и трудовых ресурсов, что также обусловлено миграционной активностью населения. Задача оптимизации уголовного и криминологического обеспечения миграционной политики осложняется поступательной либерализацией миграционных правоотношений, о чём свидетельствуют вступившие в силу поправки в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», касающиеся патентного порядка оформления трудовых отношений между трудовыми мигрантами и работодателями [3].

Вместе с тем история развития миграционных отношений показывает, что либеральная миграционная политика приносит позитивные результаты только при условии эффективного миграционного контроля и четкой системы предупреждения незаконной миграции, одним из основных элементов которой является уголовное законодательство. Выполняя функцию общей превенции в условиях «мягкой» миграционной политики, уголовное законодательство должно стать эффективным средством противодействия незаконной миграции, особенно в наиболее неблагоприятных в миграционном отношении регионах, таких как Дальневосточный федеральный округ.

Позитивным является и то, что по итогам реализации государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года предполагается приостановление миграционного оттока населения из районов Дальнего Востока, а по итогам третьего – к 2026 году обеспечить миграционный приток населения в районы Дальнего Востока.

Литература

1. Бабаев М.М. Методы анализа влияния различных факторов социально-экономической ситуации на состояние оперативной обстановки. М., 1999.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения: 01.09.2013.).
3. Собрание законодательства РФ. 2010. № 21. Ст. 2524.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Babaev M.M. Metody analiza vliyaniya razlichnykh faktorov sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii na sostoyanie operativnoy obstanovki. M., 1999.
2. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoy politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 g. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/acts/15635> (data obrashheniya: 01.09.2013.).
3. Sbranie zakonodatel'stva RF. 2010. № 21. St. 2524.

УДК 94:621.311.1(571.6)

Маклюков А.В.
Maklyukov A.V.

Энергетическое строительство на Дальнем Востоке в годы первого пятилетнего плана (1928 – 1932 гг.)

Power building in the Far East during the First Five-Year Plan (1928 – 1932)

В статье рассматриваются основные аспекты и проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока СССР в годы осуществления первого пятилетнего плана (1928 – 1932 гг.). Автор приходит к выводу, что экономика Дальнего Востока развивалась в условиях жёсткого дефицита электроэнергии.

Ключевые слова: энергетическая база, энергетическая система, промышленный район, выработка электроэнергии, Дальний Восток

The article deals with the main aspects and problems of electric power in Russian Far East during the First Five-Year Plan (1928 – 1932). The author comes to conclusion that the war economy of Russian Far East developing under conditions of a severe energy deficit.

Key words: energy basis, power system, industrial area, power generation, Russian Far East

После завершения восстановления народного хозяйства в СССР началась его реконструкция. На XIV съезде ВКП(б) в апреле 1926 г. была выдвинута развёрнутая программа индустриализации страны. Поставленные в ней задачи по развитию народного хозяйства страны требовали подъёма электроэнергетики как отрасли, предопределяющей техническое перевооружение всех отраслей экономики: промышленности, транспорта, сферы коммунально-бытовых услуг, сельского хозяйства. Поэтому с началом осуществления первого пятилетнего плана по всей стране развернулось энергетическое строительство.

Энергетика Дальнего Востока базировалась на мелких, разобщённых и морально устаревших электростанциях, построенных для нужд отдельных потребителей энергии. В годы восстановления народного хозяйства энергетика региона развивалась экстенсивно, за счёт восстановления и расширения старых предприятий, в то время как в стране уже начался переход к централизованному энергоснабжению от крупных районных электростанций. Такое положение дела в энергетике Дальневосточного края было связано с общими проблемами экономического развития региона в восстановительный период, а также с тем, что край не был включён в государственную программу энергостроительства – план ГОЭЛРО. В результате, к началу реконструкции народного хозяйства Дальнего Востока был нарушен главный принцип плана ГОЭЛРО

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** alekseymaklyukov@yandex.ru

– опережающий рост электроэнергетических мощностей и условия пропорционального развития экономики.

На IX Дальневосточной краевой партийной конференции, прошедшей в феврале – марте 1929 г., был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства края, в котором ставились задачи по реконструкции и переоснащению старых предприятий, строительству новых заводов, фабрик, шахт и рудников, созданию собственной топливно-энергетической базы [11, с. 81]. В этих условиях вопросы развития электроэнергетики выступали на первый план. Между тем состояние этого сектора экономики не отвечало требованиям не только новых, но и текущих задач. Поэтому, уже с началом осуществления первого пятилетнего плана на Дальнем Востоке стали приниматься крупные шаги по разработке направлений развития электроэнергетики. В 1928 г. при Дальневосточном краевом совете народного хозяйства (ДКСНХ) был создан особый сектор по электрификации (энергетики) края (ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 5. Л. 183. Л. 195). В декабре 1930 г. Госплан СССР начал разрабатывать «Генеральный план электрификации СССР». На Дальний Восток из Москвы были направлены специалисты для составления плана электрификации региона (РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1412. Л. 121, 157).

Постановлением Госплана СССР от 25 февраля 1931 года был образован Оркомитет по составлению генерального плана электрификации СССР, под руководством первого заместителя Госплана СССР Г.И. Ломова [5, с. 2]. Президиум Далькрайисполкома от 20 марта 1931 г. постановил создать специальную комиссию для разработки генплана электрификации Дальневосточного края. Такие комиссии были образованы во всех регионах страны, для разработки региональных планов развития электроэнергетики и сведения их в единый государственный генплан. На Дальнем Востоке заседание комиссии проходило с 29 апреля по 9 мая 1931 г. в г. Владивостоке. В её работе приняли участие учёные Дальневосточного политехнического института (проф. В.П. Вологдин, проф. В.С. Пак, проф. Ф.И. Трухин), видные экономисты и политики, всего 119 специалистов разного направления (ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 142. Л. 184). Созданная рабочая группа рассматривала различные вопросы энергетического строительства в крае, перспективы исследования и использования энергетических ресурсов региона. Говорилось о необходимости строительства на Дальнем Востоке 30 тепловых электростанций на крупнейших угольных месторождениях и 19 гидроэлектростанций (ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 142. Л. 51).

Однако с самого начала при составлении плана электрификации ДВК возникло немало трудностей. Главная из них заключалась в слабой изученности энергетических ресурсов региона, особенно гидроресурсов, которые были известны учёным лишь приблизительно. Также у составителей генплана не было чётких представлений о перспективах промышленного развития Дальнего Востока, месторасположении будущих крупных предприятий, для которых требовалось строительство электростанций. Поэтому «Генеральный план электрификации ДВК» был составлен лишь в приблизительном варианте и на деле практической значимости не имел. Многие электростанции, упомянутые в нём (за исключением Артём ГРЭС на юге Приморья), не только не были построены, но и не имели точной географической привязки. В целом в генплане отмечалось, что необходимо увеличить мощность энергетической базы Дальнего Востока с 23 000 кВт (на 1932 г.) до 350 000 кВт к 1937 г. или в 15 раз [4, с. 78].

Необходимо отметить, что составленный «Генеральный план электрификации СССР» в 1932 г. имел огромное значение для развития эко-

номики страны и электроэнергетики в частности. Основные принципы, разработанные в плане, осуществлялись в энергетической политике государства вплоть до конца 1980-х гг. Это был, по сути, второй план ГОЭЛРО, главная идея которого заключалась в технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства на базе электрификации. Однако в послевоенные годы информация о разработанном Генплане тщательным образом скрывалась, и в литературе до сегодняшних дней о нём практически ничего не упоминалось.

Итак, разработать план электрификации Дальнего Востока специалистам практически не удалось, в силу выше названных причин. Предпринимались также и попытки создать региональный центр по управлению строительством объектов энергетики. Так президиум Далькрайисполкома в постановлении от 6 июня 1931 г. указывал на необходимость создания в регионе районного управления по энергетике и строительству – Дальэнергоцентра. В его обязанности должны были входить: контроль над строительством электростанций в крае; регулирование энергохозяйства всех отраслей промышленности; приём в эксплуатацию строящихся станций и районных электроцентралей и т.д. [8, с. 18]. Однако в эти годы он так и не был создан.

Энергетическое строительство на Дальнем Востоке с первых лет осуществления пятилетнего плана развивалось децентрализованно и нерационально, без какого либо плана и понимания его общих задач как со стороны краевых, так и со стороны центральных властей [6, с. 7]. В основе такого строительства лежал ведомственный подход, сущность которого заключалось в том, что каждое ведомство для своих предприятий строило и расширяло собственные маломощные электростанции, не увязывая планы энергостроительства с другими ведомствами. Сооружение электростанций на Дальнем Востоке начиналось вместе со строительством новых и реконструкцией старых промышленных предприятий. Задачи сооружения таких энергетических предприятий исходили из общих планов развития таких промышленных объектов. Строительство, финансирование, управление и эксплуатация промышленных электростанций осуществлялись тем ведомством, которому подчинялось предприятие. Сооружались, как правило, силовые тепловые электростанции, работающие на местном угле, дизельные и локомотивные станции.

Строительство одной из первых электростанций на Дальнем Востоке началось в угольной промышленности. В апреле 1929 г. военизированный батальон приступил к сооружению центральной электростанции треста «Сучануголь», первая мощность которой (2000 кВт) была введена в эксплуатацию в сентябре 1931 г. [12, с. 355-356]. В том же году началось строительство электростанций Спасского цементного завода, Сихотелинского полиметаллического комбината «Сихали», Иманского лесопильного завода и других предприятиях края. Электрические станции строились практически на всех крупных предприятиях региона.

В дальневосточных городах с началом промышленного строительства новых фабрик и заводов всесоюзного и республиканского значения разразился острый дефицит в электроэнергии. Коммунальные электростанции, построенные ещё в начале XX в., оказались неспособны обеспечить промышленную нагрузку. Особенно остро дефицит электроэнергии проявлялся в г. Хабаровске, где с началом строительства крупных предприятий – нефтеперерабатывающего завода им. Орджоникидзе, судоремонтно-судостроительного завода им. Кирова, авторемонтного завода им. Кагановича и других, резко возросла потребность в электрической энергии. Своевременное строительство и введение новых промышленных объектов в эксплуатацию сдерживалось слабостью энергетических мощностей. Дефицит электроэнергии в Хабаровске приводил

к тому, что в вечернее время для работы на предприятиях пользовались даже керосиновыми лампами, а жилые кварталы города регулярно отключались от сети (РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 1075. Л. 11).

В целях преодоления энергодефицита в 1931 – 1932 гг. проводились работы по реконструкции коммунальной электростанции в городах Дальнего Востока. Так во Владивостоке к октябрю 1932 г. мощность городской электростанции за счёт установки нового генерирующего оборудования была увеличена в 2 раза с 4000 до 8000 кВт (ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17а. Л. 2). Реконструкция электростанций также проводилась в Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске. Вместе с тем, средства, выделяемые на развитие коммунальной электроэнергетики края, подчас расходовались нерационально. Так 25 августа 1931 г. президиум ДКИК принял постановление о переоборудовании Хабаровской электростанции в теплоцентраль для теплофикации города [9, с. 4]. Это решение было необоснованным, до конца не проработанным, в результате чего работы по теплофикации Хабаровска завершены не были, а финансовые средства заморожены.

Несмотря на все принимаемые меры, с самого начала осуществления первого пятилетнего плана электроэнергетики на Дальнем Востоке значительно отставала от темпов развития народного хозяйства края. В результате самые неотложные производственные и социальные потребности в электроэнергии едва покрывались в 1931 г. на 50 % (ГАХК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 6. Л. 93). В конце декабря 1931 г. ДКИК констатировал, что в Хабаровском районе из-за критического состояния энергохозяйства была создана угроза срыва промышленного производства [7, с. 135].

Дальневосточная рабоче-крестьянская инспекция в августе 1931 г. изучив состояние электроэнергетики региона, сделала вывод, что неудовлетворительное состояние энергетики края (маломощность и устарелость энергоустановок на 70 – 75 %, являющихся установками ещё довоенного времени) тормозило развитие всего народного хозяйства. Инспекция признала что, развитию электроэнергетики мешает ведомственная автономность и параллелизм, распыляющий материальные и денежные средства и понижающий эффективность капиталовложений в сферу энергетики. Отмечалось также, что энергетическое строительство в крае находится на самотёке, без какого либо планового на него воздействия со стороны органов власти (ГАХК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 6. Л. 93-94).

Кардинальным образом изменить положение в энергетике Дальневосточного края, а также решить проблемы с энергообеспечением промышленных предприятий можно было только за счёт строительства крупных электростанций и линий электропередач. Но большая территориальная разобщённость, невысокий уровень хозяйственной освоенности территорий региона, слабая изученность топливно-энергетических ресурсов и удалённость формирующихся промышленных центров от топливных баз – все эти факторы создавали сложности в строительстве в крае таких энергетических предприятий. Например, исторически так сложилось, что один из крупнейших центров региона – Хабаровск, располагался в значительной отдалённости от ближайших месторождений угля, поэтому специалистами считалось нерациональным строить здесь крупную тепловую электростанцию, которая бы работала на привозном топливе. В то же время в других регионах страны с первых лет индустриализации разворачивалось строительство мощных электростанций, например, таких как в Западной Сибири – Кузнецкая ТЭЦ, (мощностью 50 000 кВт) [1, с. 115]. На Дальнем Востоке только на юге Приморья существовали условия для строительства мощной тепловой электростанции Артём ГРЭС на базе месторождения бурого угля, расположенного недалеко от крупнейшего промышленного центра – Владивостока.

В то же время, проектирование и строительство крупных электростанций требовало значительных капиталовложений. Дальневосточный край в первой пятилетке не был включён в число интенсивно развивающихся регионов страны. Лишь только в годы осуществления второго пятилетнего плана в регионе развернулись масштабные индустриальные процессы, вместе с которыми развернулось строительство первых крупных энергетических объектов – Артём ГРЭС, ТЭЦ-2 в Комсомольске-на-Амуре и ГЭС ДЕСНА в Советской Гавани.

Таким образом, электроэнергетическое строительство на Дальнем Востоке в годы первой пятилетки шло не по линии создания крупных электростанций и теплоцентралей, как в других регионах страны, а по линии расширения энергетической базы за счёт строительства мелких промышленных и реконструкции старых коммунальных электростанций. Такие маломощные энергетические предприятия не могли в полной мере покрыть всё возрастающие нагрузки, вследствие чего дефицит электроэнергии в регионе продолжал возрастать из года в год.

Тем не менее, определённые успехи в развитии электроэнергетики на Дальнем Востоке в годы первой пятилетки были достигнуты. Общая мощность всех электростанций края к 1932 г. по сравнению с 1928 г. возросла более чем в 2 раза (с 11, 2 тыс. до 23, 7 тыс. кВт), а производство электроэнергии почти в 3 раза (с 19, 6 млн. до 58, 0 млн. кВт/ч). Изменения произошли в структуре производства и потребления электроэнергии. Если в 1928 г. промышленными электростанциями производилось 29 % от общего количества электроэнергии в регионе, то в 1932 г. уже 46 %. И если в 1928 г. промышленностью потреблялось 38 % от всей производимой в крае электроэнергии, то в 1932 г. уже 61 % [3, с. 9]. Это свидетельствовало о высокой роли электроэнергетики в развитии промышленности Дальнего Востока и отражало генеральную линию развития всего народного хозяйства края – процесс индустриализации.

Однако темпы развития энергетики Дальневосточного края оставались ниже среднего уровня по стране. Если генерирующие мощности в среднем по СССР за пятилетку выросли на 145, 4 %, то на Дальнем Востоке только на 111, 1 % (табл. 1).

Таблица 1. Мощность электростанций и выработка электроэнергии в годы первой пятилетки в СССР и на Дальнем Востоке

	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Мощность электростанций СССР (тыс. кВт).	1905	2296	2875	3972	4677
Мощность электростанций Дальнего Востока (тыс. кВт)	11, 2	14, 3	21, 5	22, 1	23, 7
Удельный вес региона в общей мощности станций страны (в %)	0, 57	0, 62	0, 74	0, 55	0, 50
Выработка электроэнергии в СССР (млн. кВт/ч).	5007	6224	8368	10686	13540
Выработка электроэнергии на Дальнем Востоке (млн. кВт/ч).	19, 6	26, 4	35, 2	41, 2	58, 0
Удельный вес региона в общем производстве энергии в стране (в %)	0, 39	0, 42	0, 42	0, 38	0, 42

Источник: РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 575. Л. 49; ГАХК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 142. Л. 334; ГАХК. Ф. 907. Оп. 1. Д. 6. Л. 93; ДВК в цифрах. Статистический справочник на 1932 г. Хабаровск, 1932, С. 75; Развитие электроэнергетического хозяйства СССР. Хронологический указатель. М., Энергоатомиздат, 1987, С. 33 – 41; Электроэнергетика районов. Экономико-статистический справочник. М – Л., 1935, С. 128 – 134.

Электрификация промышленности Дальнего Востока также находилась на низком уровне. Электротехническая вооружённость промышленных предприятий региона была в 2 раза ниже общесоюзной. Если в 1932 г. на предприятиях края на один рабочий час приходилась 0,67 кВт/ч, то в среднем по СССР – 1,28 кВт/ч [2, с. 41]. К концу первой пятилетки на Дальнем Востоке мощность электростанций при расчёте на 1 жителя была на 47 % ниже, чем в среднем по СССР [10, с. 157].

Таким образом, по уровню развития электроэнергетики и электрификации народного хозяйства Дальний Восток в годы первой пятилетки заметно отставал от других регионов страны. Слабая и децентрализованная энергетическая база региона, состоящая из мелких разрозненных ведомственных предприятий, была неспособна в полном объёме обеспечить всё возрастающие потребности народного хозяйства в электроэнергии. Только крупное электроэнергетическое строительство могло вывести энергетику Дальнего Востока на новый качественный уровень. Поэтому, в годы осуществления второго пятилетнего плана параллельно строительству крупных промышленных предприятий развернулось строительство первых мощных электростанций и высоковольтных линий электропередач. Именно в эти годы была практически заново воссоздана электроэнергетическая база края и сформированы кадры дальневосточных энергетиков.

Литература

1. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч.1 (1885 – 1950) Новосибирск, Наука, 1973. 284 с.
2. Андросов П.И. КПСС во главе борьбы за претворение в жизнь ленинских идей электрификации народного хозяйства Дальнего Востока // Из истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке СССР (1917 – 1975 гг.). Владивосток, 1976. С. 40-48.
3. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М., Изд-во АН СССР, 1954. 159 с.
4. Генеральный план электрификации СССР. Т. 8. Ч. 1. Сводный план электрификации. М.-Л., 1932. 882 с.
5. Проблемы Генплана электрификации СССР. М.-Л., 1931. 235 с.
6. Тимофеев И.Н. Основы рационального энергостроительства и перспективы его развития в Дальневосточном крае. Труды Дальневосточного Политехнического института. Вып. 7. Владивосток, 1931. 10 с.
7. Савченко С.Н, Шестаков А.В. План ГОЭЛРО и электроэнергетика Дальнего Востока в 1920 – 1938 гг. // Материалы 57-й научной конференции преподавателей и аспирантов Дальневосточного Государственного Гуманитарного Университета, сотрудников Гродековского музея. Хабаровск, 2011. Т. 2. С. 130-140.
8. Сборник постановлений и распоряжений Далькрайисполкома за 1931 г. № 11. 92 с.
9. Сборник постановлений и распоряжений Далькрайисполкома за 1931 г. № 12. 97 с.
10. Ткачева Г.А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941 – 1945 гг. Владивосток, 2005. 331 с.
11. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток, 1972. 264 с.
12. Электрификация СССР: документы и материалы. 1926 – 1932 гг. М., 1966. С. 730 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseev V.V. EHlektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie. CH.1 (1885 – 1950) Novosibirsk, Nauka, 1973. 284 s.
2. Androsov P.I. KPSS vo glave bor'by za pretvorenie v zhizn' leninskikh idej ehlektrifikatsii narodnogo khozyajstva Dal'nego Vostoka // Iz istorii sotsialisticheskogo i kommunisticheskogo stroitel'stva na Dal'nem Vostoke SSSR (1917 – 1975 gg.). Vladivostok, 1976. S. 40-48.
3. Vilenskij M.A. Problemy razvitiya ehlektroehnergetiki Dal'nego Vostoka. M., Izd-vo AN SSSR, 1954. 159 s.
4. General'nyj plan ehlektrifikatsii SSSR. T. 8. CH. 1. Svodnyj plan ehlektrifikatsii. M-L., 1932. 882 s.
5. Problemy Genplana ehlektrifikatsii SSSR. M-L., 1931. 235 s.
6. Timofeev I.N. Osnovy ratsional'nogo ehnergostroitel'stva i perspektivy ego razvitiya v Dal'nevostochnom krae. Trudy Dal'nevostochnogo Politekhnicheskogo instituta. Vyp. 7. Vladivostok, 1931. 10 s.
7. Savchenko S.N, SHestakov A.V. Plan GOEHRLO i ehlektroehnergetika Dal'nego Vostoka v 1920 – 1938 gg. // Materialy 57-j nauchnoj konferentsii prepodavatelej i aspirantov Dal'nevostochnogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta, sotrudnikov Grodekovskogo muzeya. Khabarovsk, 2011. T. 2. S. 130-140.
8. Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij Dal'krajispolkoma za 1931 g. № 11. 92 s.
9. Sbornik postanovlenij i rasporyazhenij Dal'krajispolkoma za 1931 g. № 12. 97 s.
10. Tkacheva G.A. Oboronno-ehkonomicheskij potentsial Dal'nego Vostoka SSSR v 1941 – 1945 gg. Vladivostok, 2005. 331 s.
11. Unpelev G.A. Sotsialisticheskaya industrializatsiya Dal'nego Vostoka. Vladivostok, 1972. 264 s.
12. EHlektrifikatsiya SSSR: dokumenty i materialy. 1926 – 1932 gg. M., 1966. S. 730 s.

УДК 314.74

Троякова Т.Г., Волошина А.В.
Troyakova T.G., Voloschina A.V.

Регулирование трудовой миграции в Россию: возможности использования зарубежного опыта

Development of labor migration to Russia:
opportunities for managing of foreign practice

В статье рассматриваются особенности регулирования внешней миграции экономически активного населения зарубежных стран в Россию с целью трудоустройства. Предлагаются варианты использования опыта ряда западноевропейских стран по урегулированию внешней трудовой миграции.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудящийся-мигрант, нелегальная миграция, миграционная политика

The article presents various characteristics related to the development of international labor migration in Russia and models of the regulation of the international labor market in West European countries.

Key words: labor migration, migrants, illegitimate migration, immigration policy

В миграционных потоках в Россию на протяжении последних лет стала доминировать трудовая миграция. По некоторым оценкам, основанным на данных Федеральной миграционной службы, в России в настоящее время насчитывается около 7 млн. трудовых мигрантов, в основном из Узбекистана, Украины, Таджикистана и Киргизии. Последствия трудовой миграции создают проблемы и представляют вызовы, как международным отношениям, так и внутривосточной стабильности большинства развитых стран. Предметом общественных дискуссий является выбор между либеральной и ограничительной моделями миграционной политики. Поиски ответов определяют актуальность исследований по миграционной тематике.

В данной статье рассматриваются особенности миграционной политики Великобритании, Германии и Франции по привлечению и интеграции иностранной рабочей силы. Авторы не претендуют на комплексный анализ миграционной политики этих стран и ограничиваются анализом этой политики и предложениями по использованию их опыта в нашей стране.

Из многочисленной литературы по вопросам международной трудовой миграции и места России на мировом рынке труда можно упо-

ТРОЯКОВА Тамара Гавриловна, к.и.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** tamaratroyakova@gmail.com

ВОЛОШИНА Анна Валерьевна, выпускница Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** anna-voloshina1136a@yandex.ru

мянуть монографию С.Е. Метелева [6]. Статьи и фрагменты из книг, собранные в хрестоматии «Миграция в России. 2000 – 2012», дают хорошую возможность для получения информации по данной тематике [7]. Публикация хрестоматии была инициирована Российским советом по международным делам, что является ещё одним подтверждением актуальности миграционных исследований. Известные специалисты в этой области Ж.А. Зайончковская, Е.В. Тюрюканова и Ю.Ф. Флоринская утверждают: «В настоящее время Россия реформирует своё миграционное законодательство и стратегические подходы к регулированию миграции в соответствии с изменением её роли в экономике и социокультурном развитии страны» [7, с. 661].

Сравнительному анализу зарубежного опыта миграционной политики посвящена статья А.Ю. Сунгурова [11]. По его мнению, «... для большинства современных стран Западной Европы сегодня проявляются следующие тенденции, которые можно охарактеризовать как переход от политики мультикультурализма к новому, третьему виду интеграционной политики, который мы ранее условно называли «политика социальной интеграции и культурно-языковой адаптации» [11, с. 71]. А.Ю. Сунгуров также рассматривает возможные направления политики интеграции трудовых мигрантов в современной России на основе трёх блоков интеграционной политики: политико-правовом, социально-экономическом и культурно-религиозном.

Критический настрой характерен для публикаций О.В. Троицкой об особенностях миграционного режима на постсоветском пространстве и проблематичных последствиях иммиграции в Россию [13; 14]. «Движение в сторону более последовательной и эффективной миграционной политики в России сдерживается противоречием между установками российского руководства, направленными на поддержание либерального режима перемещения в СНГ, и ограничительными настроениями большинства населения», – пишет О. В. Троицкая [14, с. 58].

Для большинства западноевропейских стран характерна либеральная модель государственного устройства, которая предполагает решение вопросов по въезду на работу и получению гражданства на индивидуальной основе, исходя из потребности государства и его обязательств по международным гуманитарным конвенциям.

Благодаря введению гражданства Европейского союза в соответствии с Маастрихтским договором 1992 г. граждане стран-членов получили право свободно выбирать не только место работы, но и место жительства. После включения Шенгенских соглашений в свод европейского права и передачи ряда вопросов миграционного управления на наднациональный уровень открытость внутренних границ стала неотъемлемой характеристикой членства в Евросоюзе.

Вместе с тем, для Великобритании была характерна политика по поддержанию «единства в разнообразии», которая предполагает поддержку культурным инициативам различных этнических групп со стороны государственных институтов и местных сообществ. В Германии в 1990-х годах забота о мигрантах предполагала их сегрегацию по культурно-конфессиональному признаку, а государство финансировало организации, которые занимались решением проблем мигрантов. Парадокс заключался в том, что мигранты получали поддержку только при условии членства в той или иной культурной группе, а не социальной дифференциации. В последние годы политика мультикультурализма в ряде западноевропейских странах подверглась значительным изменениям.

В нашей стране этнический критерий в отношении мигрантов применяется при решении вопросов разрешения на регистрацию в том или

ином месте. Однако запреты не решают проблем, а скорее обостряют их. Стремление регулировать перемещения трудовых мигрантов, в конечном счёте, приводит к вытеснению их за пределы правового поля. Этническое отличие от основного населения принимающего сообщества способствует превращению их в членов социальных групп, формирующихся по принципу происхождения.

Примечательно, что в российском и германском дискурсе можно найти сходные мотивы. Например, нация рассматривается как общность происхождений, предполагающая единую культурную идентичность, а не как политическое сообщество, которое состоит из множества культурных идентичностей его членов. До 1999 г. мигранты немецкого происхождения считались в ФРГ репатриантами. В 2005 г. был создан государственный департамент иммиграции и интеграции и введено несколько типов виз для трудовых мигрантов. В соответствии с этим документом также учреждены государственные «курсы интеграции», предусматривающие 600 часов обучения на немецком языке для всех переселенцев. Однако, постепенно в законодательстве ФРГ произошли значительные изменения, свидетельствующие об отходе от этноцентричного подхода. В российском же законодательстве изменения были направлены в сторону ужесточения, что, в конечном счёте, закрепляло этноцентричный идеал нации как сообщество происхождения.

Таким образом, неоднозначный опыт западноевропейских стран по созданию «мультикультурного сообщества» не мешает развитию в Европе тенденции к пересмотру традиционной модели национальной идентичности.

Очевидно, что использование разнообразного опыта привлечения и регулирования трудовой миграции в западноевропейских странах может оказаться полезным для России. Использование этого опыта может способствовать формированию и проведению более сбалансированной и выверенной миграционной политики, направленной на последовательную интеграцию мигрантов. Разумеется, что интеграция предполагает не только адаптацию своей культуры и поведения к нормам принимающего общества, но и модификацию самого общества. Очевидно, что стоит расстаться с привычкой смешивать культурную принадлежность с этнической и что в действительности культурные идентификации современных индивидов имеют весьма сложную природу.

Следует признать, что в последние годы большинство российско-го населения не поддерживает политику увеличения внешней трудовой миграции. Впрочем, если правительство не будет предпринимать меры по росту легальной трудовой миграции, то будет расти нелегальная миграция, что приведёт только к росту мигрантофобии.

Миграционный всплеск 1990-х гг. принёс России несколько миллионов новых жителей. По данным руководителя Федеральной миграционной службы (ФМС) К.О. Ромодановского, в конце 2011 г. в России находилось около 9 млн. мигрантов [3, с. 18]. В настоящее время перед Россией стоят задачи перехода от политики реагирования на ситуацию и последствия миграций к политике миграционного управления и планирования.

По мнению российского исследователя миграционной политики В.И. Мукомеля, в последние годы актуальной стала «увязка миграционной политики с политикой социально-экономического развития и национальной (этнической) политикой...» [8, с. 42]. Сторонники экономического подхода рассматривают положительные и негативные аспекты влияния зарубежной трудовой миграции.

Российская экономика развивается в условиях постоянных колебаний предложений рабочей силы, и это требует выработки гибкой систе-

мы и инструментов управления миграционными потоками. Перед государственной миграционной политикой России стоят задачи перехода к управлению миграционными процессами путём формирования системы мониторинга потребности работодателей в трудовых ресурсах, в том числе в трудящихся-мигрантах. Для выполнения этой задачи необходимо создать систему отбора необходимых экономике иностранных специалистов и условия для легального использования мигрантов в тех профессиональных сферах, где работодатели испытывают нехватку трудовых ресурсов.

В настоящее время в России используется методология оценки потребностей в рабочей силе и установлении квот для трудоустройства мигрантов, в которой учитываются заявки работодателей на трудоустройство мигрантов [9]. Однако такой подход не позволяет в полной мере определить потребности рынка труда, что, в конечном счёте, не обеспечивает привлечения иностранных работников в соответствии с необходимыми потребностями.

Для политики западноевропейских стран характерной чертой является не только контроль, а скорее управление миграционными процессами. Это подразумевает использование гибких систем оценки потребности в трудовых ресурсах, селективный приём мигрантов, ориентацию на использование комплексного подхода, на тесную координацию различных институтов и направлений миграционной политики.

В Великобритании большая часть потребности в работниках удовлетворяется за счёт граждан стран-членов ЕС, обладающих правом свободы перемещения, и в меньшей мере граждан других стран. Для выявления недостатка рабочей силы в том или ином секторе проводится регулярный мониторинг рынка труда Великобритании. Селективный подход направлен на привлечение в страну высококвалифицированных специалистов, инвесторов, предпринимателей, учёных и представителей творческих профессий из других стран. Для создания эффективной системы управления миграционными потоками в стране была разработана стратегия избирательной миграции, в соответствии с которой кандидаты на получение работы в Великобритании должны набрать определённое количество баллов. Количество набранных баллов зависит от возраста, квалификации, знания языка, возможности приносить прибыль и т.д. [17].

Централизованный контроль осуществляется Управлением пограничного и иммиграционного контроля Соединённого Королевства. Определением привлечения работников по необходимым специальностям занимается Консультативный комитет по вопросам миграции (Migration Advisory Committee). Эта самостоятельная неправительственная общественная организация координирует через свой секретариат деятельность с Управлением пограничного и иммиграционного контроля. Консультативный комитет использует различные источники информации, в том числе и данные, получаемые от организаций работодателей, профсоюзов и многочисленных общественных групп. Сочетание нисходящего и восходящего процессов формирования данных позволяет осуществлять регулярный и эффективный мониторинг рынка труда для выявления недостатка или избытка рабочей силы в том или ином секторе британской экономики. Помимо определения уровня квалификации кандидатов Комитет рассматривает уровень оплаты труда, соотношение вакансий и уровня безработицы, оценивает возможность занятости местных жителей через активное участие в поиске работы и программах переобучения, что помимо всего прочего помогает осуществлять прогнозирование ситуации на рынке труда.

Использование британского опыта могло бы дать возможность российским специалистам проводить более точную оценку потребностей рынка труда, использовать данные о вакансиях, регулярно консультироваться с работодателями. Такая оценка потребностей рынка труда позволила бы устанавливать объективные квоты для привлечения иностранных рабочих. В свою очередь, эти меры могли бы способствовать уменьшению количества нелегальных мигрантов, часть из которых становится таковыми в результате несоответствия квот реальным потребностям.

Ещё одной мерой по улучшению российской миграционной политики могло бы стать выстраивание селективной модели, способной формировать миграционные потоки, отвечающие по своим качественным и количественным характеристикам потребностям российского общества и национальной экономики.

Гибкая политика в области трудовой миграции в странах ЕС предполагает разработку специальных программ найма персонала для восполнения кадровых пробелов. В дополнение к мерам миграционной политики в целях привлечения высококвалифицированных кадров в Великобритании и Франции используются специальные меры финансового поощрения, например, освобождение от уплаты некоторых видов налогов.

Для улучшения возрастной структуры в ряде стран был открыт доступ на рынок труда иностранным выпускникам вузов, на определённых условиях и для ряда специальностей. Эта политика также стала важным инструментом международной конкуренции в привлечении высококвалифицированных мигрантов. Для иностранных студентов предусматривается возможность работы во время обучения. Во Франции иностранные студенты имеют право на работу без получения специального разрешения при условии, что время работы не будет превышать 60% всего времени за отдельно взятый год. Право получения статуса квалифицированного мигранта после обучения предоставляется студентам, окончившим вузы в Германии. В Великобритании право остаться работать в стране с визой категории «Tier 4» имеют студенты, получившие предложение от работодателя-спонсора [16].

Рассматривая эти аспекты миграционного регулирования в западноевропейских странах, можно отметить, что и в России уже имеются определённые достижения. Например, в целях продвижения развития в России высокотехнологичного современного производства, восстановления престижа страны в мировой науке весной 2010 г. были приняты решения о привлечении высококвалифицированных специалистов из зарубежных стран. В Дальневосточном федеральном университете развивается практика приглашения иностранных специалистов для чтения курсов лекций и осуществления совместных проектов [10]. Учебная миграция – одна из перспективных и востребованных в мире. И России нужно активно использовать этот ресурс. В российских вузах ежегодно учится около 160 тысяч иностранцев, а в Великобритании – 350 тысяч, Франции и Германии – по 250 тысяч.

Таким образом, в деле создания условий и механизмов привлечения специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, миграционная практика пока касается лишь узкой категории высококвалифицированных специалистов. Необходимо создавать более гибкую систему, опирающуюся на данные анализа рынка труда, с расширенным числом категорий мигрантов, для которых будет упрощён визовый режим и бюрократические процедуры. Стоит задуматься и о возможности ввода балльной системы, которая гораздо более соответствует задачам селективного отбора мигрантов.

Очевидно, что необходимо принятие комплекса мер по привлечению иностранных студентов в российские вузы, которые будут включать совершенствование нормативно-правовой базы по вопросам занятости во время обучения и после его завершения; улучшение социально-бытовых условий их пребывания, медицинского обслуживания и безопасности; активизацию информационно-рекламной работы и даже снижение платы за обучение.

Одновременно следует понимать, что в связи с возрастающей конкуренцией за привлечение квалифицированной рабочей силы, возможности России в использовании этого ресурса развития достаточно ограничены. С учётом того, что главным донором миграционного прироста являются страны Центральной Азии, по мнению ректора ВШЭ Я. Кузьмина, следует приложить усилия к улучшению обучения и воспитания детей мигрантов в российских школах, дошкольных и внешкольных учреждениях, создавать широкую сеть курсов обучения русскому языку [5, с. 3].

Адекватное, компетентное и эффективное администрирование является залогом проведения успешной миграционной политики. В 2009 г. для координации деятельности федеральных органов и органов исполнительной власти была образована Правительственная комиссия по миграционной политике. Однако необходимость обеспечения более тесной связи между иммиграционной политикой, взаимоотношениями со странами, являющимися источниками миграционных потоков, социальной и налоговой политикой, рынком труда, сферой образования и безопасности не потеряла актуальности. В России необходимо создавать специальные институты, занимающиеся миграционными вопросами. Примером может служить британский Консультативный комитет по вопросам миграции, поддерживающий прямые контакты с экономистами в сфере труда, представляющий интересы работодателей и работников. В рамках Комитета созданы отраслевые консультативные группы для работы в приоритетных сферах; осуществляется сотрудничество и консультации с деловыми кругами, профсоюзами, общественными группами [16]. Работа соответствующих агентств облегчает координацию всех участников процесса и повышает прозрачность процедур и информационных систем.

Следует признать, что проблема незаконной миграции в странах ЕС сохраняет актуальность [15]. Незаконная миграция остаётся главной проблемой в сфере трудовых отношений и в нашей стране. Предпринятые в середине 2000-х гг. меры по ужесточению процедуры трудоустройства мигрантов привели к росту нелегальной миграции. В интервью журналу «Российская миграция» директор ФМС К.О. Ромодановский признавал, что лучший способ пресечения незаконной миграции – простые правовые практики [11, с. 2].

Введение основной массы мигрантов в правовое поле – неотъемлемое условие их успешной интеграции, уменьшения коррупции в сфере миграции и снижения миграционных рисков. Показателен пример принятия Директивы 2008/115/ЕС об общих стандартах и процедурах по возврату незаконно пребывающих иностранных граждан, необходимых к применению в государствах-членах ЕС. В нашей стране пока ещё не используется опыт миграционных амнистий, нацеленных на легализацию статуса незаконно находящихся в иностранцев или возврата.

Важную роль в противодействии незаконной миграции играют Соглашение государств-участников СНГ о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией и ряд двусторонних соглашений. В Концепции миграционной политики РФ до 2025 г. определены направления развития международного сотрудничества в этой сфере. Очевидно, что комплекс-

ная реализация положений Концепции миграционной политики позволит уменьшить риски, связанные с незаконной миграцией в России [9].

Методы и оценки масштабов нелегальной миграции в России различаются в зависимости от того, кто проводит подсчёты: государственные органами, частные компании или эксперты. Например, количество китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке, оценивалось цифрами от нескольких миллионов до нескольких сотен тысяч. В.Г. Гельбрас в своей книге «Россия в условиях глобальной китайской миграции» писал о ста тысячах человек и утверждал, что «... по состоянию на конец 2002 г. нет никаких объективных оснований для утверждений о гигантских масштабах китайской миграции на Дальнем Востоке» [2, с. 40]. Ряд экспертов признают, что в нашей стране ещё «не проводились серьёзные исследования, направленные на количественную оценку масштабов нелегальной миграции» [7, с. 790]. Подобное состояние дел позволяет предложить реализацию специального проекта, посвящённого адекватной количественной оценке нелегальных мигрантов, например, на российском Дальнем Востоке.

Рассмотрение проблем трудовой миграции требует обращения к вопросам адаптации и интеграции приезжих в принимающее общество, которое зачастую демонстрирует в этой сфере нетолерантность и ксенофобию. Во многих странах ведутся дискуссии о путях эффективного решения возникших в этой связи проблем, которые зачастую принимают острую публичную форму. В деле реализации интеграционных проектов необходимо расширение сотрудничества с неправительственными организациями, занимающимися решением проблем мигрантов, с диаспорой, со СМИ.

В современном мире страны всё больше приходят к осознанию того, что эффективное регулирование миграции невозможно без развития сотрудничества на международном уровне. Руководствуясь этими соображениями, государства Западной Европы всё больше расширяют проводимую работу со странами исхода мигрантов.

Либерализация миграционного управления, как и ограничительная политика, имеет свои преимущества и недостатки. Правительства, проводящие либерализацию, должны быть готовы к росту миграционных потоков, что в перспективе может вызвать рост напряжённости в обществе. Возможно, либерализацию миграционного управления нужно осуществлять вместе с программами, направленными на развитие стран исхода трудящихся мигрантов.

Планы применения этой практики на постсоветском пространстве уже существуют. В октябре 2007 г. в Душанбе был образован Совет руководителей миграционных органов СНГ и подписана Декларация о согласованной миграционной политике. В рамках Единого экономического пространства, объединяющего Белоруссию, Казахстан и Россию, в 2011 г. было принято и ратифицировано всеми сторонами Соглашение о правовом статусе трудящихся мигрантов и членов их семей, гарантирующее право гражданам государств-участников свободу передвижения и трудоустройства в каждом из них. На очереди унификация трудового и миграционного законодательства, а в перспективе и визовой политики.

Мировая практика показывает, что режим, основанный на сочетании либеральных и ограничительных принципов, успешно действует между развитыми странами, но в условиях серьёзного социально-экономического разрыва между участниками миграционного обмена приводит к росту негативных последствий. До сих пор реформирование миграционной политики не привело к снижению нелегальной миграции и изменению потоков в пользу квалифицированных мигрантов.

Для формирования эффективной миграционной политики важно определить приоритеты: или сдерживание иммиграции и защита российского рынка труда, или формирование пространства свободного перемещения и общего рынка труда со странами СНГ. Если будет сделан выбор в пользу сдерживания, то нужно усиливать все доступные механизмы контроля. Если выбор за формированием общего рынка, то следует уменьшить государственное вмешательство и упростить правила трудоустройства и проживания мигрантов.

В западноевропейских странах основные реформы в сфере миграционной политики подготавливаются политическими партиями и институтами гражданского общества, и после широкого обсуждения принимаются законодательной властью, становясь нормой для власти исполнительной. В России принципы и нормы создаются исполнительной властью и затем одобряются партиями, представленными в Государственной Думе, и Федеральным Собранием. Участие экспертного сообщества и широкой общественности в выработке и реализации миграционной политики весьма ограничено, а возможность принятия неадекватных политических решений, напротив, чрезвычайно велика. Более того, такое положение зачастую способствует популизму.

Литература

1. Гапонова А.Ю. Международная миграция высококвалифицированных специалистов: направления, масштабы, регулирование. // Демоскоп Weekly. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php> (дата обращения: 11.08.2013 г.).
2. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М., «Муравей», 2004.
3. Итоги деятельности ФМС России в 2011 г. Сб. материалов расширенного заседания Коллегии Федеральной миграционной службы. М., 2012.
4. Карачурина Л. Иммиграционная политика Германии: успешный – неуспешный опыт. // Мировая экономика и международные отношения, 2008, № 7, с. 50-60. // Демоскоп Weekly. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0351/analit02.php> (дата обращения: 17.08.2013 г.).
5. Кузьминов Я.И. И всё-таки зачем России мигранты? Интервью // Миграция XXI век. 2011. № 2 (5). Март-апрель.
6. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и нелегальная миграция в России. М., ЮНИТИ – ДАНА, Закон и право, 2012. 175 с.
7. Миграция в России. 2000-2012. Хрестоматия в 3 томах. НП РСМД: под общ. Ред. И.С. Иванова. Отв. Ред. Ж.А. Зайончковская. М., Спецкнига, 2013. Том 1. 880 с.
8. Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005.
9. Официальный сайт ФМС России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/migrate/condition/> (дата обращения: 11.08.2013 г.).
10. Официальный сайт ДВФУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitiia/-vedusie-rossijskie-i-zarubeznye-ucenye-gotovatsa-priehat-na-rabotu-v-dvfu-v-ramkah-proekta-akademiceskaa-mobilnost-> (дата обращения: 1.08.2013 г.).
11. Ромодановский К.О. Интервью.// Российская миграция. 2009., № 5-6 (36-37). Август-сентябрь.

12. Сунгуров А.Ю. Миграционная политика: сравнительный анализ зарубежного опыта и некоторые рекомендации для России. // Публичная политика. 2010. Сборник статей. СПб: Норма, 2011. С. 59-75.

13. Троицкая О. Количество вместо качества: почему иммиграция несёт России больше проблем, чем возможностей // Россия в глобальной политике. 2011. Сент. – окт. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kolichestvo-vmesto-kachestva-15355>; <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Kolichestvo-vmesto-kachestva-15355> (дата обращения: 1.08.2013 г.).

14. Троицкая О. Миграционная дилемма России. // Pro et Contra. 2012. Май – июнь. С. 47-61.

15. Immigration in the European Union: problem or solution? // OECD Observer [Электронный ресурс]. URL: http://www.oecdobserver.org/news/archivestory.php/aid/337/Immigration_in_the_European_Union:_problem_or_solution_.html (дата обращения: 18.08.2013 г.).

16. UK Border Agency. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/visas-immigration/studying/> (дата обращения: 18.08.2013 г.).

17. UK Border Agency. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bia.homeoffice.gov.uk>; <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/visas-immigration/working/> (дата обращения: 18.08.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gaponova A.YU. Mezhdunarodnaya migratsiya vysokokvalifitsirovannykh spetsialistov: napravleniya, masshtaby, regulirovanie. // Demoskop Weekly. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0441/analit07.php> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

2. Gel'bras V.G. Rossiya v usloviyakh global'noj kitajskoj migratsii. М., «Muravej», 2004.

3. Itogi deyatelnosti FMS Rossii v 2011 g. Sb. materialov rasshirenogo zasedaniya Kollegii Federal'noj migratsionnoj sluzhby. М., 2012.

4. Karachurina L. Immigratsionnaya politika Germanii: uspehnyj – neuspehnyj opyt. // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, 2008, № 7, s. 50-60. // Demoskop Weekly. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0351/analit02.php> (дата обращения: 17.08.2013 г.).

5. Kuz'minov YA.I. I vsyo-taki zachem Rossii migranty? Interv'yu // Migratsiya XXI vek. 2011. № 2 (5). Mart-aprel'.

6. Metelev S.E. Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya i nelegal'naya migratsiya v Rossii. М., YUNITI – DANA, Zakon i pravo, 2012. 175 s.

7. Migratsiya v Rossii. 2000-2012. KHrestomatiya v 3 tomakh. NP RSMD: pod obshh. Red. I.S. Ivanova. Otv. Red. Zh.A. Zajonchkovskaya. М., Spetskniga, 2013. Tom 1. 880 s.

8. Mukomel' V.I. Migratsionnaya politika Rossii. Postsovetskie konteksty. М.: Dipol'-T, 2005.

9. Ofitsial'nyj sayt FMS Rossii. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/migrate/condition/> (дата обращения: 11.08.2013 г.).

10. Ofitsial'nyj sayt DVFU. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dvfu.ru/web/ispolnitelnaa-direkcia-programmy-razvitiya/-/vedusie-rossijskie-i-zarubeznye-ucenye-gotovatsa-priehat-na-rabotu-v-dvfu-v-ramkah-proekta-akademiceskaa-mobilnost-> (дата обращения: 1.08.2013 г.).

11. Romodanovskij K.O. Interv'yu. // Rossijskaya migratsiya. 2009., № 5-6 (36-37). Avgust-sentyabr'.

12. Sungurov A.YU. Migratsionnaya politika: sravnitel'nyj analiz zarubezhnogo opyta i nekotorye rekomendatsii dlya Rossii. // Publichnaya politika. 2010. Sbornik statej. SPb: Norma, 2011. С. 59-75.

13. Troitskaya O. Kolichestvo vmesto kachestva: pochemu immigratsiya nesyt Rossii bol'she problem, chem vozmozhnostej // Rossiya v global'noj politike. 2011.

Sent. – okt. № 5. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kolichestvo-vmesto-kachestva-15355>; <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Kolichestvo-vmesto-kachestva-15355> (data obrashheniya: 1.08.2013 g.).

14. Troitskaya O. Migratsionnaya dilemma Rossii. //Pro et Contra. 2012. Maj – iyun'. S. 47-61.

15. Immigration in the European Union: problem or solution? // OECD Observer [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.oecdobserver.org/news/archivestory.php/aid/337/Immigration_in_the_European_Union:_problem_or_solution_.html (data obrashheniya: 18.08.2013 g.).

16. UK Border Agency. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/visas-immigration/studying/> (data obrashheniya: 18.08.2013 g.).

17. UK Border Agency. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bia.homeoffice.gov.uk>; <http://www.ukba.homeoffice.gov.uk/visas-immigration/working/> (data obrashheniya: 18.08.2013 g.).

УДК 314.727

Бреславский А.С.
Breslavskij A.S.

Субурбанизация в постсоветской Бурятии и особенности внутренних миграционных потоков

Suburbanization in the Post-Soviet Buryatia and Internal Migration Flows

Основной замысел статьи заключается в стремлении охарактеризовать процессы субурбанизации в постсоветской Бурятии. Анализируя случай города Улан-Удэ, автор показывает, как внутренняя миграция в республике повлияла на его пригородные поселения, как изменила их внешний облик, инфраструктуру, структуру местных сообществ.

Ключевые слова: пригороды, субурбанизация, внутренняя миграция, Бурятия, Улан-Удэ

The processes of suburbanization in the post-Soviet Buryatia are characterized in the article. Analyzing the case of Ulan-Ude, the author shows how the internal migration in the republic affected his suburban settlements and changed their appearance, infrastructure, the structure of local communities.

Key words: suburbs, suburbanization, internal migration, Buryatia, Ulan-Ude

В России, массово урбанизированной в советские годы, процессы субурбанизации – роста пригородных зон крупных городов – получили активное развитие в основном лишь в последние 10-15 лет. Постепенно, вслед за Москвой, Санкт-Петербургом и другими городами-миллионерами, население которых в постсоветский период в основном лишь росло, в эти процессы оказались вовлечены и региональные центры – столицы республик, областей, краёв и пр. По общероссийской тенденции за последние 20 лет они активно стягивали население из близлежащих сельских поселений и городов, менее ресурсных с точки зрения рынка труда, развитости экономики, образовательной и культурной инфраструктуры. При том, что сегодня субурбанизация в регионах России принимает всё большие масштабы, «обретая своё лицо», пока мы не имеем возможности проводить широкие сопоставительные, сравнительные исследования российских пригородов, поскольку региональных исследований по этой тематике практически нет [3; 4; 7; 8]. Решить эту ситуацию способны широкие эмпирические обследования в регионах. Именно эмпирика даст возможность выстраивать аналитические, сопоставительные модели отечественной субурбанизации.

БРЕСЛАВСКИЙ Анатолий Сергеевич, к.и.н., младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). **E-mail:** anabres05@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Большая игра» в современной Внутренней Азии: проблемы нестабильности и безопасности в регионе), проект № 12-03-00007а.

В данной статье мы рассмотрим, в частности, как субурбанизация происходила в одном из сибирских регионов России – в постсоветской Республике Бурятия. Речь пойдёт о столице субъекта – городе Улан-Удэ. Случай Улан-Удэ в этом смысле очень показателен. За последние 20 лет город стал главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, на что указывают и проводимые исследования [2;6;9;10]. При том, что численность населения Бурятии в постсоветский период лишь убывала, численность Улан-Удэ с каждым годом лишь продолжает расти. В частности, с 1989 г. по 2010 г. официальная численность жителей Бурятии сократилась с 1038, 2 тыс. до 972, 0 тыс. человек (на 92, 5 тыс. человек), а численность Улан-Удэ увеличилась с 352, 5 до 404, 4 тыс. чел. (на 51, 9 тыс. чел.) [11]. И это несмотря на то, что именно в столице Бурятии ежегодно регистрируются наибольшие показатели по миграционному оттоку среди прочих поселений республики. Обозначенные миграционные потери город ежегодно восполняет, главным образом, за счёт миграционной прибыли и естественного прироста населения. Не в последнюю очередь это происходит благодаря внутренней миграции из сельских районов. Сельчане с каждым годом продолжают прибывать в столицу, приобретая, арендуя жильё, а иногда и незаконно захватывая земли в различных частях города [5]. Вместе с тем, к концу 2000-х гг. стало очевидно, что достаточно значительная по площади территория Улан-Удэ уже не может обеспечить всё возрастающий спрос на земли в черте города. В этой ситуации мигранты всё чаще стали обращать внимание на пригородные земли. Что они представляют собой сегодня? Какого рода пригородные поселения окружают город Улан-Удэ? Как столица Бурятии, являющаяся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, изменила эти поселения и местные сообщества за последние двадцать лет? Какого рода количественные и качественные трансформации они сегодня претерпевают? Ответим на эти вопросы далее. Отметим сразу, что каких-либо специальных академических исследований, связанных с изучением пригородных поселений Улан-Удэ и того влияния, которое на них оказала внутренняя миграция в регионе, до этого не проводилось. В этой связи основными материалами для нас выступили собственные данные нарративных и фокусированных интервью (всего 23 интервью), включённого наблюдения (2010 – 2013 гг.), а также официальная статистика по пригородным сёлам. В качестве исследовательских кейсов выступили сёла Нижний Саянтуй (второе название – Вахмистрово), Сужа, Нурселение, Поселье и Эрхирик.

Пригородная зона Улан-Удэ

Пригородные территории Улан-Удэ, не входящие в состав городского округа, составляют исключительно сельские районы республики. Город окружают четыре таких района: Заиграевский, Иволгинский, Тарбагатайский и Прибайкальский. В своём исследовании мы анализировали ситуацию во всех пригородных поселениях Улан-Удэ, находящихся на расстоянии 30 км от общегородского центра. В рамках исследования мы обозначили эту территорию, включающую, по нашим подсчётам, 21 поселение, «пригородной зоной Улан-Удэ». Суммарная численность населения в них, по данным Всероссийской переписи 2010 г., составляет чуть более 37 тыс. чел. [11], то есть примерно 9% от общей численности Улан-Удэ за этот год (404, 4 тыс. чел. [11]). Показательно в этом смысле, что население пригородной зоны за последние два переписных периода (1989 – 2002, 2002 – 2010) увеличилось почти в 2, 2 раза, в то время как официальная численность Улан-Удэ – лишь на 15 %.

В постсоветский период миграционная притягательность Улан-Удэ сделала привлекательными для мигрантов и эти пригородные террито-

рии. Вместе с тем, как мы можем сейчас увидеть, это обстоятельство по-разному повлияло на них. Где-то рост населения и числа домохозяйств за последние 10-15 лет привёл к кратному увеличению как самих поселений, так и местных сообществ, а где-то эти изменения оказались совсем незначительными. Сравнив данные по численности и размещению населения в этих сёлах за два последних переписных периода, мы выявили, в частности, что два из них – Поселье и Нур-Селение – стали своего рода «рекордсменами» в демографическом росте: зарегистрированное население здесь увеличилось за обозначенное время в 19 и 13 раз соответственно. В шести поселениях (Ошурково, Дабата, Улан-Иволгинский, Саратовка, Красноярово, Николаевский) этот рост был незначителен (до 8 %), а в трёх (Тапхар, ст. Санятуй, Верхний Саянтуй) – вообще было зарегистрировано сокращение численности местных жителей. В остальных же поселениях рост населения составил от 75 до 660 % [11; 12]. Показатели эти, безусловно, сложились главным образом за счёт миграционного прироста.

Сами по себе представленные поселения разнородны – они серьёзным образом отличаются друг от друга по ряду показателей: административному статусу, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, транспортной доступности, расстоянию до города и пр. В частности, в этом списке есть центр сельского района (Иволгинск), и небольшие улусы (Улан-Иволгинский, Дабата, Нарын-Шибирь), есть относительно развитые в смысле инфраструктуры поселения (Сотниково, Эрхирик, Нижний Саянтуй) и те, в которых и сегодня нет каких-либо государственных социальных учреждений: школы, детсады, поликлиники и т.п. Большую их часть объединяет одно – советское прошлое: в XX в. они сформировались при колхозах, совхозах, их отделениях, а также при учхозах, небольших промышленных предприятиях, а также на линии железной дороги. После распада Союза и системы государственной поддержки сельского хозяйства, все сельскохозяйственные предприятия в них постепенно были закрыты, местное население начало осваивать улан-удэнский рынок труда. Все пригородные поселения, о которых идёт речь, вплоть до середины-конца 1990-х гг. были относительно замкнутыми поселениями «сельской Бурятии» и не являлись «пригородами» Улан-Удэ в том качестве, в котором они воспринимаются сегодня. Здесь ещё не действовал соответствующий режим жизни, определяющий связь этих поселения с городом. С начала 2000-х гг., а в особенности с их середины, ситуация начала меняться: рассматриваемые сёла, в советские и в 1990-ые годы считавшиеся пригородом во многом номинально, сугубо географически, в связи с удорожанием городского жилья, земель и отсутствием свободных территорий внутри городского округа, стали приобретать всё больший интерес у потенциальных переселенцев.

Произошедшие изменения за последние десять лет выразились, как представляется, в двух значимых тенденциях. С одной стороны, в связи с высокой миграционной привлекательностью этих территорий – увеличением потока мигрантов – трансформировалась структура местных сообществ, видоизменился облик рассматриваемых поселений. Мигранты начали воспроизводить здесь пригородный образ жизни, связанный с маятниковыми перемещениями «пригород-город-пригород». С другой стороны, ещё с начала 1990-х гг. ориентация «на город» стала определять трудовые и прочие практики самого местного населения, что повлияло и на их идентичность. Насколько существенными оказались эти изменения, какова их сущность – об этом поговорим в следующих разделах.

Мигранты

Кто же осваивает пригороды Улан-Удэ? Где находится сам источник освоения пригородов? В самом городе или в сельской Бурятии? Что мы знаем о мигрантах в пригородах столицы республики? Кто они? В ходе исследования мы выяснили, что речь, главным образом, идёт о двух их значительных группах, а именно: о сельских жителях Бурятии, переехавших «поближе к городу», и, собственно, городских жителях, которые предпочли квартире (дому) с городской регистрацией жильё в сельском пригороде. Для сельских жителей переезд в Улан-Удэ и его пригороды за последние двадцать лет стал широко распространённой практикой [1]. Между тем по пути в «Город», который для сельчан, действительно, является городом с большой буквы, часть из них встречает непреодолимые барьеры, вынуждающие их «остановиться» в его пригородах. В основном, это финансовые трудности, связанные с отсутствием у многих переселенцев достаточных средств для покупки участка городской земли, квартиры/дома или их аренды. Во многом именно по финансовым причинам многие сельские мигранты, их семьи выбирают второй путь и оседают в пригородных поселениях, сохраняя при этом трудовую ориентацию на Улан-Удэ.

Сельские мигранты в каждом из изучаемых поселений составляли ежегодно не менее половины новых жителей, а зачастую и подавляющее большинство. С точки зрения доходов подавляющая часть приезжих сельчан – люди со средним достатком и ниже среднего. Финансово обеспеченных выходцев из села в пригородах – единицы, обыкновенно они строят жильё в более привлекательных микрорайонах в черте города. Также мало, но всё-таки есть, и очень бедные семьи, которые годами находятся на грани физического выживания. Но всё-таки «костяк» новых сельских переселенцев – это семьи со средним доходом (совокупный доход семьи в месяц от 20-25 до 30-35 тыс. в месяц).

По этническому составу в структуре сельских мигрантов, обосновавшихся в пригородах Улан-Удэ, за последние 10-15 лет выделяются буряты и русские. В количественном отношении преобладает бурятское население, особенно в поселениях Левобережья Селенги (Суже, Нур-Селении, Поселье).

В отношении возраста сельских мигрантов ситуация на момент исследования выглядела достаточно рельефно – не сглажено. Выделяется возрастная когорта от 30 до 45 лет и старше. Заселяются в подавляющем большинстве семьями от 3-4 человек и более. С парами среднего возраста и их детьми часто живут родители, которых после обустройства на новом месте они забирают из деревни к себе. Пригород заселяется именно семьями. Это характерно и для второй значимой группы новых жителей – самих горожан.

Переезд жителей Улан-Удэ в смежные сельские поселения – количественно менее выраженная практика по сравнению с миграцией сельчан в город. Данные собранных интервью и материалы включённого наблюдения всё-таки дают представление о численности городских семей в пригородах: их мало. В частности, в пригородных поселениях левобережья Селенги, не входящих в городской округ, их не более 5-15 %. К настоящему моменту нельзя сказать, что пригороды Улан-Удэ стали местом массового прибытия финансово успешных улан-удэнцев.

Отметим, что среди жителей рассматриваемых пригородных сёл на момент обследования нами не было зарегистрировано сколь-нибудь значительного количества иностранных мигрантов, равно как и переселенцев из других субъектов России. То же характерно для приезжих из других регионов страны: в пригородах их единицы. И это в основном

жители соседних с Бурятией регионов: Иркутской области, Якутии и Забайкальского края. И, как правило, это выходцы из сельских районов.

Таким образом, в среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородных поселениях Улан-Удэ, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990-ые и 2000-ые гг. и, собственно, сами горожане. В количественном отношении во всех 5 рассмотренных нами случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста и доходами среднего и ниже среднего уровня. В этой связи можно сказать, что основным источником освоения пригородных территорий стало именно село, а главными участниками – сельские мигранты. И именно их приоритеты и возможности в жилищном строительстве определили основные тенденции в застройке пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период. Каким же образом происходило расширение и застройка этих поселений? Какого рода количественные и качественные изменения претерпела архитектура и социально-бытовая инфраструктура пригородных сёл? Становятся ли они более благоустроенными или сохраняют прежний деревенский облик? Рассмотрим эти и другие вопросы далее.

Инфраструктура и внешний облик

Массовое заселение пригородных поселений Улан-Удэ в постсоветский период не могло не отразиться на их внешнем облике. Напомним, что все они сформировались в советские годы при совхозах и их отделениях. К концу 1980-х гг. они представляли собой в общем-то типичные поселения сельской Бурятии. В частности, в Суже и Нижнем Саянтуе располагались управления совхозов, в Нижнем Саянтуе и Эрхирик – сельсоветы, в Поселье – учхоз, Нурселение оставалось небольшим поселением сельскохозяйственного назначения. Все эти сёла в основном были застроены одноэтажными деревянными домами на участках усадебного типа.

На момент исследования (2010 – 2013 гг.) все они в разной степени изменились под воздействием массового заселения новыми жителями. С точки зрения формирующегося архитектурного ландшафта застройки, ситуация по всем поселениям в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) были выполнены из дерева, сохранили утилитарный «деревенский» стиль без архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не имеют характер «временного жилья», построены они основательно («по-хозяйски»). Буквально до конца 2000-х гг. во всех из 5 рассматриваемых нами случаев (Сужа, Нур-Селение, Поселье, Эрхирик, Нижний Саянтуй) среди новостроек практически отсутствовали многоэтажные дома (от 2 этажей и выше). Все постройки были выполнены из дерева, отсутствовали, в частности, кирпичные дома и коттеджи (и сегодня их единицы).

Надо отметить, что во многих случаях (это особенно характерно для поселений Левобережья Селенги) участки захватывались и обустроивались самовольно, то есть незаконно. Целые улицы и кварталы жилых домов возводились без официального разрешения местной администрации и контрольных органов и, соответственно, сами жители не имели никаких документов, подтверждающих право собственности на земли и дома. Сельские бюджеты недополучали земельный налог и налог на имущество физических лиц, а также, что немаловажно, лишались одного из своих ключевых неналоговых доходов – доходов от продажи земельных участков. В связи с этим в пригородных поселениях Улан-Удэ возникло множество инфраструктурных и бытовых проблем, которые с разной степенью успешности были решены к настоящему времени. Среди наиболее

важных из них следует отметить следующие: проблемы электрификации и водоснабжения, транспортной доступности, дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания и правопорядка. К настоящему времени в пригородных поселениях слабо развита потребительская инфраструктура, резко отличающаяся их, допустим, от городских микрорайонов, даже окраинных. Ни в одном из рассматриваемых поселений нет крупных супермаркетов, есть лишь небольшие магазины типичного сельского типа. Как правило, есть одна-две парикмахерские, аптеки, несколько столовых-кафе, иногда служба такси и всё. В пригородных сёлах ограничены возможности культурного досуга и просто приятного досуга как такового. Несмотря то, что рассматриваемые сёла в последние 10-15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле, более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличилось их население, а сами они расширились, сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений.

Заключение

Цель представленного исследования заключалась в стремлении ответить на уже обозначенный вначале статьи вопрос: как Улан-Удэ, являющийся главным центром притяжения внутриреспубликанских мигрантов, видоизменил свои пригородные поселения и жизнь местных сообществ за последние 20 с лишним лет? Анализ собранных эмпирических данных позволил нам прийти к следующим ключевым выводам.

1. Основным источником освоения пригородных территорий (поселений) Улан-Удэ в постсоветский период стала «сельская Бурятия», а ключевыми участниками – сельские мигранты, нацеленные на улан-удэнский рынок труда. Речь идёт главным образом о семьях с доходом среднего уровня и ниже среднего.

2. Пригородную зону Улан-Удэ к настоящему времени образуют достаточно разнородные по численности, территории, административно-экономическому статусу поселения. Массовая сельская миграция в Улан-Удэ повлияла на них в разной степени. Большинство из них, утратив прежнее советское сельскохозяйственное значение, превратились в пригородные «спальные» микрорайоны на границе с Улан-Удэ.

3. В ходе массовой застройки – расширения пригородных поселений в целом качественно не изменилась архитектура и внешний облик этих поселений. Большинство индивидуальных жилищных построек – одноэтажные, выполнены из дерева, имеют утилитарное значение, без каких-либо архитектурных изысков.

4. Приоритет застройки перед решением инфраструктурных проблем, отчётливо прослеживающийся на протяжении изучаемого периода привёл к тому, что в пригородных поселениях возникло множество острых социально-бытовых проблем, связанных с электро- и водоснабжением, транспортной доступностью, доступностью дошкольного и школьного образования, медицинского обслуживания, обеспечением правопорядка.

Будущее улан-удэнских пригородных поселений сегодня во многом зависит уже от самих местных жителей и сельской власти. Практика благоустройства застроенных территорий последних лет не позволяет пока делать однозначных выводов о том, получают ли эти территории (дома, улицы, микрорайоны в целом) привлекательный облик и развитую инфраструктуру или же сохраняют свой неприглядный вид. Учитывая, что основным источником освоения пригородов Улан-Удэ остаётся село, а главными участниками этого процесса – выходцы из сельской Бурятии,

причём не с высоким достатком, скорее всего, процессы благоустройства растянутся во времени.

Литература

1. Бреславский А.С. Сельские мигранты в постсоветском Улан-Удэ: ожидания, стратегии, практики расселения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4. С. 55-61.
2. Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен // Бурятия. 2002, 1 ноября. С. 4.
3. Григоричев К.В. «Село городского типа»: миграционные метаморфозы пригорода. В поисках теоретических инструментов анализа // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2012. С. 422-446.
4. Дегтярев Д.С. Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX-начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 1(8). С. 100-107.
5. Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Давыдов. В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск, Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. С. 129-154.
6. Михалев А.В. Конструирование традиционности в пространстве «самостроя» современного Улан-Удэ, этнографический очерк / А.В. Михалев // Известия Алтайского госуниверситета. 2008. № 4-5 (60). С. 142-146.
7. Нефедова Т. Российские пригороды: горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., ОГИ, 2011. С. 374-399.
8. Петри О.В. Аксенов К.Э., Куртиков С.А. Пригородные закрытые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7: Геология, География. 2012. № 1. С. 86-98.
9. Рандалов Ю.Б., Хараев Б.В., Чукреев П.А. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия). Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
10. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 163-184.
11. Численность и размещение населения Республики Бурятия: стат. сб. № 02-03-13 / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2012. 82 с.
12. Численность населения Бурятской АССР, ноябрь 1990 г. Улан-Удэ. 34 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Breslavskij A.S. Sel'skie migranty v postsovetskom Ulan-Udeh: ozhidaniya, strategii, praktiki rasseleniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012. № 4. S. 55-61.
2. Budaeva TS.B. Migratsiya naseleniya v zerkale obshhegosudarstvennykh peremen // Buryatiya. 2002, 1 noyabrya. S. 4.
3. Grigorichev K.V. «Selo gorodskogo tipa»: migratsionnye metamorfozy prigoroda. V poiskakh teoreticheskikh instrumentov analiza // Mestnye soobshhestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX-XX i XX-XXI vekov / nauch. red. V.I. Dyatlov. Irkutsk, 2012. S. 422-446.
4. Degtyarev D.S. Osnovnye ob"ekty prigorodnoj zony Tomskaja vo vtoroj polovine XIX-nachale XX vv., ikh tipy i funktsii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2012. № 1(8). S. 100-107.
5. Karbainov N.I. «Nakhalovki Ulan-Udeh»: nichejnaya zemlya, nepravil'nye shamany i pravo na gorod // Davydov. V.N., Karbainov N.I., Simonova V.V., Tselishheva V.G. Aginskaya street, tanets s ognem i alyuminievye strely: privoenie kul'turnykh landshaftov. Khabarovsk, Khabarovskij nauchnyj tsentr DVO RAN, 2006. S. 129-154.
6. Mikhalev A.V. Konstruirovaniye traditsionnosti v prostranstve «samostroya» sovremennogo Ulan-Udeh, ehtnograficheskij ocherk / A.V. Mikhalev // Izvestiya Altajskogo gosuniversiteta. 2008. № 4-5 (60). S. 142-146.
7. Nefedova T. Rossijskie prigorody: gorozhane v sel'skoj mestnosti // Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen. M., OGI, 2011. S. 374-399.
8. Petri O.V. Aksenov K.EH., Kurtikov S.A. Prigorodnye zakrytye komplekсы Sankt-Peterburga: nachalo segregatsii ili smena obraza zhizni // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 7: Geologiya, Geografiya. 2012. № 1. S. 86-98.
9. Randalov YU.B., KHaraev B.V., CHukreev P.A. Migratsionnye nastroyeniya sel'skikh zhitelej: dejstvuyushhie faktory i tendentsii (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya v Respublike Buryatiya). Ulan-Udeh, Izd-vo BNTS SO RAN, 2005.
10. Sodnompilova M.M. Sel'sko-gorodskaya migratsiya v Buryatii: formirovaniye translokal'nogo prostranstva // Gorod i selo v postsovetskoj Buryatii: sotsial'no-antropologicheskie ocherki. Ulan-Udeh, Izd-vo BNTS SO RAN, 2009. S. 163-184.
11. CHislennost' i razmeshheniye naseleniya Respubliki Buryatiya: stat. sb. № 02-03-13 / Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Buryatiya. Ulan-Udeh, 2012. 82 s.
12. CHislennost' naseleniya Buryatskoj ASSR, noyabr' 1990 g. Ulan-Udeh. 34 s.

УДК 394.2 (571.62)

Фадеева Е.В.
Fadееva E.V.

Роль женщины в традиционных родовых праздниках и промысловых обрядах у коренных народов Нижнего Амура

The role of women in traditional tribal festivals and rituals
of fishing for indigenous peoples of the Lower Amur

В статье рассматривается роль женщины в родовых праздниках, главным образом, в медвежьем празднике, и промысловых обрядах коренных народов Нижнего Амура. Анализ приведенных материалов показывает, что женщины практически отстранялись от участия в родовых обрядах и праздниках, во-первых, из-за того, что хозяева, дающие рыбу и зверя, не терпят присутствия женщин, женской нечистоты; во-вторых, из-за того, что женщины – выходцы из разных с мужьями родов – «чужеродки».

Ключевые слова: *медвежий праздник, промысловые обряды, женщина коренных народов, отцовский род*

The article discusses the role of women in tribal festivals, mainly in the bear feast, and the fishing rituals of indigenous peoples of the Lower Amur. Analysis of the data shows that women are virtually excluded from participation in tribal ceremonies and celebrations, first, because the hosts, giving the fish and the beast, do not tolerate the presence of women, women's sewage, and secondly, because that women – come from different genera with their husbands – "chuzherodki".

Key words: *bear festival, fishing practices, indigenous women, paternal kin*

В системе традиционных родовых и промысловых праздников у женщин была своя строго очерченная ритуальная территория и свои специфические функции. Разграничение некоторых сфер мужского и женского труда в родовых праздниках и промысловых обрядах носило как сакральный характер, так и имело рациональную основу. Такое разделение сфер труда связывали с тем, что запах человека и дома считался особенно вредоносным для удачной охоты. Он мог не только отпугнуть зверя, но и разозлить хозяев тайги. Женщина, олицетворявшая дом, и всё, связанное с ней, могло навредить на охоте. Поэтому действия женщин в родовых, промысловых обрядах и календарных праздниках были обставлены множеством ограничений и запретов в еде и поведении, которые носили ритуальный характер и не рассматривались в родовом обществе как дискриминационные, поскольку были санкционированы традиционной системой верований.

Наиболее важным общественным мероприятием являлся медвежий праздник, носящий родовой характер. Почитание медведя как своего предка, поклонение священному зверю с целью умиротворения могущественных духов, оформилось у коренных народов в культ медведя. Все члены рода – устроители праздника – принимали активное участие в его организации. Каждый человек знал свои обязанности и строго выполнял их. Так, старики были заняты исполнением ритуала, связанного с убоем медведя и поеданием медвежьего мяса. Женщины готовили пищу для угощения. Часть молодёжи была занята заготовкой дров, сжигаемых в дни праздника в большом количестве.

По мнению ряда исследователей (Л.Я. Штернберг, Е.А. Крейнович и др.), этот праздник был напрямую связан с культом предков и культом умерших, недаром при проведении праздника его организаторы вспоминали о каком-либо умершем члене своего коллектива, «скупали по нему». Нивхи, например, если хотели помянуть мальчика, зимой устраивали облаву в берлогах и ловили медвежонка для выращивания. На торжествах, устраиваемых в честь девочек (*n'u ola ordb* – «свою дочь кормить») или сестёр, вышедших замуж, убивали медведиц, которых до этого содержали четыре года. В честь старейших членов рода, умерших в различное время, добывали взрослых медведей во время специальной охоты, как зимой, так и летом. Помимо того, нивхи нередко дарили друг другу пойманных медведей: например, тесть отдавал медведя зятьям и наоборот [20, с. 164].

У негидальцев бытовал обычай давать медвежонка в приданое дочери (*олбитту* – дат.п. от *олбих* «приданое, угощение невестки»). Для этого отец невесты, считающий себя хорошим охотником и смелым человеком, в преддверии свадьбы ловил медвежонка в возрасте от трёх месяцев до года и держал его несколько месяцев у себя. Возможно, медвежонка в приданое давали с двойной целью: он был и защитником молодой жены в чужом роде (при каких-то конфликтах женщина могла сказать, что она не какая-то беднячка без роду и племени, за неё медведя дали) и подарком – угощением зятьям [22, с. 209].

Медвежий праздник носил ярко выраженный мужской характер. У ульчей и других народов Нижнего Амура женщины, ни под каким предлогом не могли подходить к амбарам для хранения принадлежности к медвежьему празднику. Объясняли это совершенно определёнными «родственными связями женщины и медведя». Так, всем тунгусо-маньчжурским народам Нижнего Амура был известен миф о том, как девушка вышла замуж за медведя и стала медведицей, а её младший брат по ошибке убил её. У неё родились дети-медвежата, которые и положили начало мифологической кровной связи людей с таёжным миром. В.К.Арсеньев у удэгейцев записал легенду, согласно которой убитый медведь был мужем сестры охотника, пронзившего его стрелой [1, с. 174]. Низовским негидальцам была известна и версия этого мифа о потерявшейся в лесу девушке. Умирая, медведь завещал охотнику на будущее никогда не давать сестре есть мясо медведя, убитого братом, самому никогда не есть мускулы его задних ног; не разрешать женщине спать на его шкуре, однако последняя всегда должна беречь его *ost penis*, держа его в качестве украшения у себя в юрте и передавая потомству по женской линии. Следуя этим указаниям, мужчины собирали косточки медвежьего пениса и передавали женщинам на хранение в качестве амулетов, напоминающих о происхождении людей от медведя. Верили, что эти амулеты исцеляли женщин от бесплодия и облегчали им роды [8, с. 231]. В противоположность тунгусо-маньчжурским медвежьим мифам нивхский повествует о мужчине, заблудившемся в лесу и зимовавшем в берлоге-доме вместе с медведями-людьми [7, с. 170-175].

Исходя из данных посылок, определялась и роль женщин, как во время праздника, так и в процессе его подготовки. Женщины никогда не участвовали в охоте на медведя, однако при возвращении мужчин в селение с добычей они «встречали» медведя игрой на бревне, показывая, тем самым, как люди данного рода рады встрече со своим горным сородичем [16, с. 145]. Содержать медведя могли только мужчины (сын, брат или отец усопшего), хотя непосредственно приговлением пищи и кормлением занимались именно женщины. У нивхов кормлением медвежат в клетках занимались исключительно женщины, у ульчей ночью медведя кормил хозяин, а утром – его жена [21, с. 182; 5, с. 180]. Стоит отметить и тот факт, что в прошлом у нивхов бытовали случаи выкармливания новорождённого медвежонка матерью близнецов, имеющей молоко. Иногда кормление грудью продолжалось до шести недель, пока медвежонок не подрастал настолько, чтобы питаться обычным кормом [20, с.164]. Подобная специфическая роль женщины, родившей близнецов, объяснялась тем, что ей до родов во сне являлся медведь, поэтому и она, и её потомство считались «таёжными людьми» [19, с. 156; 7, с. 373]. Отсюда становятся понятными достаточно тёплые отношения между медведем и женщинами. Так, когда медведя вели на заклание – на ска, женщины, особенно те, которые за ним ухаживали, плакали, не издавая ни звука, а медведь, делая очередной шаг, постоянно смотрел в сторону плачущих женщин, при этом у него самого катились слёзы из глаз. Затем он уходил совсем, больше не оглядываясь. За деревней его убивали [21, с. 184; 16, с. 148; 22, с. 208]. А.М.Золотарёв отмечал тот факт, что трое нивхов-мужчин перед убийством медведя хором протяжными вибрирующими голосами пели песню в память о медведе, обращаясь при этом как к старику-мастеру, так и к старухе-мастеру. В факте обращения к старухе-мастеру на фоне пассивного участия женщин в празднике исследователь видел пережиток материнского строя [4, с. 62]. Очень опасна была медвежья кровь для женщин, их предупреждали: «*Эхэл хэккэ – озови!*» (негид.) «Не наступай – запрет!» [Цит. по: 22, с. 204]. Видимо, этим, наряду с «родственными связями» женщин с медведем, объяснялся и запрет на присутствие женщин при убиении зверя. Возможно, подобными связями определялась и роль женщин в обряде мести медведю-убийце, описанному Е.А.Крейновичем. Убив медведя, мужчины оставляли убийцу женщинам, которые, взяв свои кроильные ножи, кроильные доски и метёлки, начинали бить ими медведя по морде. При этом они раздавливали ему оба глаза, разрезали его тело на куски и разбрасывали их по сторонам, в довершении всего ещё и помочившись на него, что было самым тяжким оскорблением для такого могучего зверя, как медведь [7, с. 393].

У всех народов одним из важнейших моментов культа медведя являлись запреты для женщин. Это, видимо, объяснялось тем, что медведь считался мужем древней женщины-праматери, являясь, тем самым, общим праотцом. Мужчины, съедая мясо медведя, особенно голову, общались к духу предка-мужчины; они делали это вместе, коллективно, тем самым крепили родство между собой [12, с. 37]. Женщина же, вступив в связь с медведем и родив от него детей, поедая мясо медведя, как бы ела своего мужа или сына. Иначе говоря, любой медведь, убитый на охоте или выращенный в неволе, ассоциировался с мужчиной, а женщина – с его женой. И.А.Лопатина связывал запрет есть медвежье мясо присутствующим на пиру женщинам с тем, что они будут выданы в другой род, или взяты из другого рода, были чужими для тотема рода. Для женщины медведь – как бы её муж и сын одновременно, он её покровитель и защитник, для мужчины же – соперник, которого надо устранить, то есть объект охоты, но весьма уважаемый и почитаемый [9,

с. 206, 210; 22, с. 209]. Тем не менее, например, в удэгейском фольклоре находим упоминание об одном из видов соревнований между женщиной и мужчиной – «кто быстрее обдерёт, сварит и съест медведя». Победу в этом споре одержала женщина, которую мужчина впоследствии и взял в жёны [13, с. 138].

У негидальцев и некоторых групп нанайцев передняя часть туши медведя с головой предназначалась для мужчин, тогда как задняя часть – женщинам. У других групп нанайцев делили тушу медведя вдоль, причём правая сторона считалась мужской, а левая – женской. У удэгейцев женщинам, допускаемым к участию в празднике, не позволялось есть ноги, лапы, голову, язык и сердце зверя [2, с. 148]. У орочей жене охотника, убившего медведя, можно было есть любое мясо медведя, кроме сердца (АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 104, 111). Нивхи объясняли запрет женщинам на вкушение сердца медведя тем, что оно даёт едоку храбрость, качество, совершенно им не нужное, и потому такое вкушение, как бесполезное, было бы обидным для зверя [24, с. 43]. У ульчей женщинам разрешалось есть лапы животного, что было запрещено для мужчин из-за опасения быть задраным в лесу медведем [5, с. 119]. Им можно было есть лишь мясо с задних ног медведя, представляющее собой круглый мускул, спускающийся немного ниже колена. Из внутренностей женщинам у негидальцев разрешалось есть почки. На торжественной трапезе мужчины сидели впереди, затем – женщины, отдельно от мужчин (на нарах, расположенных ближе к очагу), либо вообще в другой фанзе. То, что разрешалось есть, передавали вдоль нар от мужчин к женщинам. Орочки во время поедания мяса медведя уходили либо в другой балаган, либо выходили на улицу (АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 104, 111).

Спиртное на празднике могли пить лишь мужчины и старухи. Там, где варили (сам хозяин-охотник) и ели медвежью голову, женщинам, за исключением старых, появляться было запрещено. Голову медведя ели только мужчины, женщинам запрещалось даже смотреть на неё [АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 11. Л. 48; 22, с. 205; 21, с. 184; 9, с. 205]. «Мужские» и «женские» части туши варились отдельно, хозяин праздника передавал мясо своей жене, завернув его перед этим в бересту или тальниковую кору. Женщины должны были варить его вне дома, непременно в своей посуде, со своим ножом. Обычно женщины всего посёлка собирались вместе и уходили так, чтобы их не было видно из деревни. Один кусочек варёного мяса хозяйка праздника бросала в костёр хозяйке огня, приговаривая: «мясо – женский медведь, и нам его можно есть». Поев, женщины тщательно мыли посуду, окаливали её на огне и после этого возвращались домой [АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 27. Л. 220; 8, с. 230]. Во второй четверти XX в. женщинам стали разрешать употреблять мясо не только с задних ног, но и других частей при условии, что женщину будет кормить мужчина из своих рук. Для этого мужчина брал мясо острыми палочками и подавал женщине в рот, последняя перед этим одевала чистое бельё, а во время трапезы сидела неподвижно, сложив руки. В 30-е годы XX века женщины уже могли есть мясо сами, но при помощи палочек и непременно только после месячных и в чистой одежде. Старой женщине разрешалось даже спать на шкуре медведя [18, с. 100; 8, с. 230].

В церемонии с черепом медведя принимали участие только мужчины. У нивхов кости и голову животного убирала женщины, мужчины в этом участия не принимали. Кости они складывали за селением в специально приготовленной яме, а голову уносили в горы и подвешивали на дерево [21, с. 185]. У негидальцев из низовий Амгуни женщины вообще наблюдали всю церемонию со стороны [23, с. 196].

Основная роль женщин на медвежьем празднике, помимо приготовления праздничного угощения, сводилась к игре на «музыкальном бревне», сопровождающей все основные моменты праздника, и ритуальным танцам. «Музыкальное бревно», сделанное обычно из сухой лиственницы или ели, было известно всем народам Амура. Оно представляло собой обрубок ствола дерева 5-6-метров в длину и 6-ти дюймов в толщину, подвешенный горизонтально на двух верёвках на высоте 100-120 см. от земли. На конце бревна была грубо вырублена топором медвежья морда. Несколько женщин стояли около этого бревна и палочками отбивали определённые ритмы, звучащие наподобие барабанной дроби, показывающие путь «души» медведя к хозяину тайги после убийства зверя [«остановка у озера», «отдых у перевала», «медведь ест» и т.д.] [5, с. 113; 17, с. 125]. Этот древний «инструмент» назывался у ульчей и низовых нанайцев тунгусским словом *удядюпу*, *удя*, *одя* (путь, след, идти по следу); нивхское название – *зас*, *застяс* [15, с. 190], у негидальцев – *тумкэвун* [23, с. 194].

В основе обрядовых танцев лежали движения, имитирующие действия и поведение представителей животного мира. Так, Е.А. Крейновичем описан женский танец «*тыг'ынд*», в котором имитировались телодвижения медведя: как он резвится, похаживая на задних лапах в лесу, как играет, как мечется в клетке. Женщина, расставив ноги на ширину плеч, поднимала руки с погремушками (позднее – с пучками сухой травы) к плечам и производила следующие телодвижения: приподнимала пятку одной ноги и пальцы другой, совершая в это же время движение плечами в одну сторону, а тазом – в другую. Сменив положение пятки и пальцев ног, она передвигала таз и плечи в противоположные стороны. Исполнялся этот танец в заключительной части медвежьего праздника – во время свежевания головы животного, с тем, чтобы зверь весело возвращался к «горным людям» и с радостью выходил к выходящему на охоту нивху. Танцевать его женщина могла только в халате из кожи сазана, надев на голову венок из священных стружек – *инау*, взяв в руки *к'орг-ор* – деревянные погремушки, обклеенные рыбьей кожей, с камушками внутри [7, с. 225-226]. На глубокую древность этого танца указывает то, что этот танец исполнялся только девушками и женщинами под аккомпанемент ритмичных ударов по бревну, являющемуся одним из первых музыкальных инструментов человечества, а также тот факт, что женщины на время исполнения танца должны были надевать халаты только из рыбьей кожи [11, с. 144]. Отметим, что обрядовые танцы в исполнении женщин имели место и в других родовых праздниках. Например, в удэгейском обряде посвящения в охотники, отторгающем юношу от детского и женского мира, в котором он был до сих пор. Подросток переходил в другую возрастную категорию – взрослых мужчин. Как только мальчику исполнялось 12 лет, отец давал ему лук и семь стрел. Подросток, успешно выполнив первое задание – подстрелив кабаргу или подсвинка, получал от отца уже девять стрел и копьё. На этот раз он должен был добыть кабана, лося или медведя и в случае удачи принести домой голову и сало убитого зверя. Через три дня после возвращения сына с охоты отец устраивал торжество, приглашал родственников и угощал. На следующий день сёстры молодого охотника в присутствии взрослых устраивали на льду хоровод по случаю первой охотничьей добычи их брата. Празднично одетого юношу с наполненным салом сумкой окружали его сёстры, одетые в красочные халаты. Они садились на корточки, по кругу прыгали друг за другом и пели. Песню обычно запевала старшая сестра, а младшая повторяла за ней: «Раньше на охоту не ходил, сестёр салом не кормил. Сегодня ты охотником стал, в гости к нам пришёл, корми нас, горло пересохло. Мы устали от пляски, кар-кар!» Пляской-пантомимой

сёстры изображали движения зверя, добытого молодым охотником, а, подражая крику ворона, просили у брата угощение. Во время танца он кормил «ненасытных» сестёр добычей по старшинству [13, с. 38-39]. При удачной охоте на медведя или другого зверя, удэгейцы просили шамана провести благодарственный обряд *улахеси*. После трапезы обычно устраивались танцы, открывали которые плясками у костра женщины, затем плясал шаман. Участники имитировали движение зверей, что по традиционным воззрениям должно было способствовать удачному промыслу в будущем [6, с. 95; 13, с. 43].

Таким образом, несмотря на глубокую древность медвежьего праздника, не вызывает сомнения его патриархальная направленность. Мужская часть рода во время торжества демонстрировала свою солидарность и единство, тогда как женщины, под предлогом «прямой родственной связи» с медведем практически устранялась от участия в нём. Тем не менее, им принадлежала важная роль, связанная с установлением и поддержанием долгосрочных и взаимовыгодных отношений с представителями «горных людей». Сначала женщины игрой на «музыкальном бревне» встречали медведя, затем кормили и заботились о нём, потом, со слезами на глазах сопровождали его возвращение в род.

Система традиционной календарной обрядности коренных народов Амура основывалась на представлениях о животительной силе Космоса, посылающей жизнь, плодородие, здоровье, благополучие, счастье в течение года через репродуцирующие силы мужского и женского начала, духов стихий, духов-помощников [14, с. 221].

Существовало два полугодия – мужское и женское. Обряд всеобщего обновления, испрашивания плодородия проводили весной во время моления воде *муэ*, *тэму* и осенью – небу, горе, тайге *эдэхэ уйлэву*, что осмыслялось как обеспечение женского (воде/земле) и мужского (горе/небу) плодородия года на космическом уровне. Нанайцы, орочи, удэгейцы с весенним обрядом связывали наступление Нового года и становление шаманов Высшего посвящения. В обряде Унди у нанайцев, посвящённому становлению шаманов, большая роль отводилась ритуальным танцам шаманов *мэуи* вокруг священных столбов, родовых очагов по материнской линии, танцами с мечами и саблями, жертвоприношению в честь верховных богов. Шаманский обряд Унди у нанайцев и удэгейцев был посвящён обновлению природы, рождению нового года и проводился весной после вскрытия рек и прилёта птиц [14, с. 222]. Нивхи большие «кормления воды» обычно устраивали два раза в год: весной во время освобождения реки ото льда, и глубокой осенью, сразу после становления льда. Основными хранителями культа природы являлись пожилые мужчины и женщины. Они же руководили обрядами, связанными с этим культом. У негидальцев, ульчей, нивхов этот обряд сохранил более древние черты родового весеннего праздника моления Воде, отдельные элементы которого присутствуют также у нанайцев и удэгейцев.

С наступлением зимы, чтобы сохранить с хозяевами воды – седовласыми стариком или старухой, иногда обоими вместе – хорошие отношения, устраивали специальное жертвоприношение – *тол ардь* («воду кормить») или *тол фыньд* («в воду бросать», «воду кропить»). Женщины готовили ритуальные блюда – *мось* (студень из отвара рыбьей кожи), *холодь* (ягодная смесь), *ма* (юколу) и другие. В назначенный день поздно вечером мужчины брали приготовленные блюда с едой и хвост сушёной юколы и шли к реке. Женщины и девочки оставались дома. Мужчины становились между двух воткнутых в снег у проруби палочек со стружками и, бросая в воду жертвенную пищу, приговаривали: «*Тэму отец! Тэму мать! Получай! Дай удачную рыбную ловлю!*...» (таким образом, обращались к супружеской паре духов воды) [3, с. 39].

В процессе жертвоприношения воде участвовали одни мужчины, женщины оставались дома; последние не должны были видеть и «подарок» хозяина воды – кусок льда, иначе *Тэму* обидится, и рыба уйдёт. Проводили обряд спуска лодок на воду, носовую часть украшали фигурой утки – символом обновления природы. На этом празднике проводились различные игры, соревнования. Женщины наряжались в красиво орнаментированные халаты, каждая имела возможность показать своё мастерство в шитье, орнаментировании одежды и обуви.

На берегу у огня женщины исполняли лирические песни, устраивались женские пляски с погремушками и охотничьи мужские пляски, имитирующие добычу медведя. У удэгейцев женщины плясали с двумя побрякушками в руках под ритм бубна. Они ходили с порывистыми приседаниями вокруг огня, потряхивали побрякушками, то вверху над головой, то внизу около коленей. При этом танцовщицы подёргивали плечами, раскачивали корпусом в стороны и крестообразно складывали руки [5, с. 93; 13, с. 45]. Во время мужских танцев женщины и дети выступали не простыми зрителями, а людьми, дразнящими «медведя», которого изображал один из мужчин.

Весенний новогодний обряд *Унди* заканчивался Большими поминками *Каса таори*, проводимый летом в период солнцестояния. Его целью было обеспечение продолжения жизни рода через возрождение предков в потомках, сохранить жизненную линию рода *Мусун*. Шаман с помощью ритуальных камней совершал обряд оживления душ умерших, приобщения их к матери-прародительнице, в лице мифической *Мамельди*, супруги творца *Хадау* [14, с. 223].

Во время осеннего обряда молению Неба шаман у ульчей, удэгейцев, нанайцев, орочей, негидальцев добывал силу природы для поддержания силы рода. Готовясь к этому празднику, мужчины плели сетки, готовили лыжи, ковали стрелы; женщины шили обувь и чинили одежду. Шаман через посредников обращался к хозяину неба *Сангия мапа* [14, с. 224]. Устраивалось жертвоприношение свиньи, которое сопровождалось пролитием крови на землю и шаманским камланием. Просили удачи в охотничьем промысле, жизни, мужского потомства. Осенний обряд моления небу, тайге, горе осмыслялся как обеспечение мужского плодородия. Женщины участия в молении не принимали, они оставались дома и сидели на нарах, тогда как мужчины и мальчики стояли на коленях и кланялись друг другу. В селении, после обукивания помещения багульником и сбрызгивания земли водкой, на праздничную трапезу приглашали чужеродцев-мужчин и замужних женщин, тогда как девушки, в том числе и сёстры, не допускались. Возможно, такое ограничение объясняется родовым характером праздника, участвовать в котором разрешалось только женщинам, пришедшим в род по браку, то есть, матерям и жёнам [5, с. 89].

Отметим, что в день кормления все члены рода соблюдали три основных табу, нарушение которых сводило на нет смысл и действенную силу кормления: запрещалось причёсываться, женщинам сидеть у огня и втыкать в «шашлык» (жареная рыба) тупые веретела. Эти запреты мотивировались так: «Когда женщины сидят у огня, их платья просвечиваются, и «хозяину» огня стыдно смотреть на голых женщин; когда люди причёсываются, то в чашки с жертвенной едой набивается много волос» [4, с. 65; 5, с. 98]. Говоря о порядке проведения процедуры «кормления воды», следует обратить внимание на следующее. С той минуты, когда мужчины выходили из дома и спускались к реке, женщины сидели на нарах до тех пор, пока мужчины не возвращались. Вместе с мужчинами на берег могли пойти только подростки. Женщинам не разрешалось во время «кормления» даже ступить на пол.

Таким образом, молодые девушки и замужние женщины, в силу своей физиологии, считались «нечистыми» и должны были соблюдать множество запретов в общении с окружающими. Данные представления являлись частными проявлениями более глубоких и универсальных представлений об отрицательном и одновременно охранительном действии менструальной крови, которой боялись таёжные животные, а также сверхъестественные и зловредные существа. Поэтому отпугивать зверей и духов могли лишь женщины определённого возраста и их нижняя поясная одежда [10, с. 64]. Охотники, связав попадание женских регул на охотничьи принадлежности с неудачей на промысле, отстранили женщин от участия в обрядах, обращённых к хозяевам тайги, гор, воды. Женщины также мало участвовали в обрядах «кормления» воды, в жертвоприношениях различным духам, в медвежьем празднике, в похоронах. Объясняли это следующим образом: во-первых, хозяева, дающие рыбу и зверя, не терпят присутствия женщин, женской нечистоты; во-вторых, женщины – выходцы из разных с мужьями родов – «чужеродки».

Литература

1. Арсеньев В.К. Лесные люди – удэгейцы // Соч. Владивосток, 1948. Т. 5. С. 139-188.
2. Браиловский С.Н. Тазы, или удихэ: Опыт этнографического исследования. (Отдельный оттиск из журн. «Живая старина») / С.Н. Браиловский. СПб., Изд. ИАН, 1901. 219 с.
3. Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев /Е.А.Гаер. Хабаровск, Кн. Изд-во, 1991. 142 с.
4. Золотарев А.М. Пережитки родового строя у гиляков р-на Чомэ. // Советский Север, 1933. № 2. С. 52-66.
5. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей/А.М.Золотарев.– Хабаровск, Дальгиз, 1939. 206 с.
6. История и культура удэгейцев: историко-этнографические очерки/Отв. ред. Л.Я. Иващенко. Коллектив авторов. Л., Наука, 1989. 192 с.
7. Крейнович Е.А. Нивхгу: Загадочные обитатели Сахалина и Амура/ Е.А.Крейнович. М., Наука, 1973. 496 с.
8. Ларькин В.Г. Религиозные воззрения удэгейцев // Труды ДВФ СО АН СССР. Сер. Ист.-ая. Владивосток, 1961. Т. 2. С. 227-240.
9. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские: Опыт этнографического исследования // Зап. ОИАК Владивостокского отделения ПОРГО. Владивосток, 1922. Т. 17. 372 с.
10. Мельникова Т.В. Традиционная одежда нанайцев (XIX – XX в.в.) // Диссертация на соискание учёной степени к.и.н. по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология. Владивосток, 2000. 300 с.
11. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв.: историко-этнографические очерки / Отв.ред. И.С. Гурвич. Коллектив авторов. М., Наука, 1985. 240 с.
12. Перехвальская Е.В. Удэгейцы /Е.В. Перехвальская. СПб., Наука, 1994. 195 с.
13. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX – XX вв. Историко-этнографические очерки /В.В. Подмаскин. Владивосток, Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
14. Сем Т.Ю. Календарные обряды в традиционной культуре тунгусоязычных народов Приамурья и Приморья // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы 4-х Сибирских чтений, 12-14 октября 1998 г., Санкт-Петербург.-

Спб., Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2000. С.221-225.

15. Смоляк А.В. Похоронная обрядность: Нанайцы. Ульчи. Негидальцы. Орочи. Удэгейцы. Нивхи. // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М., Наука, 1980. С.177-199.

16. Смоляк А.В. Представления нанайцев о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (2-я пол. XIX – нач. XX в.). Л., Наука, 1976. С.129-160.

17. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем /А.В. Смоляк. М., Наука, 1966. 290 с.

18. Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XX – XX в.) /А.Ф. Старцев. Владивосток, ДВО РАН, 1996. 155 с.

19. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы /О.П. Суник. Л., Наука, 1985. 264 с.

20. Таксами Ч.М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов: сер. XIX – нач. XX в. /Ч.М. Таксами. Л., Наука, 1975. 238 с.

21. Тихвинский С. Записки миссионера. Воспоминания о жизни гольдов, гиляков, самогирцев, айнецов и других народах, обитающих по Амуру и его притокам: Гиляки. // Благовещенские епархиальные ведомости за 1913 г. № 11. С. 179-186.

22. Хасанова М.М. О культе медведя у негидальцев. // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы 4-х Сибирских чтений, 12-14 октября 1998 г., Санкт-Петербург. Спб., Музей Антропологии и Этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2000. С. 203-210.

23. Цинциус В.И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом. // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX в. Сб. ст. Л., Наука, 1971. С.170-200.

24. Штернберг Л.Я. Гиляки // Этнографическое обозрение, 1904. Кн. LXI, № 2. С. 19-55.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Arsen'ev V.K. Lesnye lyudi – udehkhejtsy // Soch. Vladivostok, 1948. Т. 5. S. 139-188.

2. Brailovskij S.N. Tazy, ili udikkeh: Opyt ehtnograficheskogo issledovaniya. (Otdel'nyj ottisk iz zhurn. «Zhivaya starina») / S.N. Brailovskij. SPb., Izd. IAN, 1901. 219 s.

3. Gaer E.A. Drevnie bytovye obryady nanajtsev /E.A. Gaer. Khabarovsk, Kn. Izd-vo, 1991. 142 s.

4. Zolotarev A.M. Perezhitki rodovogo stroya u gilyakov r-na CHomeh. // Sovetskij Sever, 1933. № 2. S. 52-66.

5. Zolotaryov A.M. Rodovoj stroj i religiya ul'chej/A.M. Zolotarev.– Khabarovsk, Dal'giz, 1939. 206 s.

6. Istoriya i kul'tura udehgejtsev: istoriko-ehnograficheskie ocherki/Otv. red. L.YA. Ivashhenko. Kollektiv avtorov. L., Nauka, 1989. 192 s.

7. Krejnovich E.A. Nivkhgu: Zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura/ E.A. Krejnovich. M., Nauka, 1973. 496 s.

8. Lar'kin V.G. Religioznye vozzreniya udehgejtsev // Trudy DVF SO AN SSSR. Ser. Ist-aya. Vladivostok, 1961. Т. 2. S. 227-240.

9. Lopatin I.A. Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie: Opyt ehtnograficheskogo issledovaniya // Zap. OIAK Vladivostokskogo otdeleniya PORGO. Vladivostok, 1922. Т. 17. 372 s.

10. Mel'nikova T.V. Traditsionnaya odezhda nanajtsev (XIX – XX v.v.) // Dissertatsiya na soiskanie uchyonoj stepeni k.i.n. po spetsial'nosti 07.00.07 – ehtnografiya, ehtnologiya i antropologiya. Vladivostok, 2000. 300 s.

11. Narody Dal'nego Vostoka SSSR v XVII – XX vv.: istoriko-ethnograficheskie ocherki / Otv.red. I.S. Gurvich. Kollektiv avtorov. M., Nauka, 1985. 240 s.
12. Perekhval'skaya E.V. Udehgejtsy /E.V. Perekhval'skaya. SPb., Nauka, 1994. 195 s.
13. Podmaskin V.V. Dukhovnaya kul'tura udehgejtsev XIX – XX vv. Istoriko-ethnograficheskie ocherki /V.V. Podmaskin. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1991. 160 s.
14. Sem T.YU. Kalendarnye obryady v traditsionnoj kul'ture tungusoyazychnykh narodov Priamur'ya i Primor'ya // Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Mat-ly 4-kh Sibirskikh chtenij, 12-14 oktyabrya 1998 g., Sankt-Peterburg.- Spb., Muzej Antropologii i Ehtnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2000. S.221-225.
15. Smolyak A.V. Pokhoronnaya obryadnost': Nanajtsy. Ul'chi. Negidal'tsy. Orochi. Udehgejtsy. Nivkhi. // Semejnaya obryadnost' narodov Sibiri: Opyt sravnitel'nogo izucheniya. M., Nauka, 1980. S.177-199.
16. Smolyak A.V. Predstavleniya nanajtsev o mire // Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (2-ya pol. XIX – nach.XX v.). L., Nauka, 1976. S.129-160.
17. Smolyak A.V. Ul'chi: KHozyajstvo, kul'tura i byt v proshlom i nastoyashhem /A.V. Smolyak. M., Nauka, 1966. 290 s.
18. Startsev A.F. Material'naya kul'tura udehgejtsev (vtoraya polovina XX – XX v.) /A.F.Startsev. Vladivostok, DVO RAN, 1996. 155 s.
19. Sunik O.P. Ul'chskij yazyk: issledovaniya i materialy /O.P. Sunik. L., Nauka, 1985. 264 s.
20. Taksami CH.M. Osnovnye problemy ethnografii i istorii nivkhov: ser. KH1KH – nach. KHKH v. /CH.M.Taksami. L., Nauka, 1975. 238 s.
21. Tikhvinskij S. Zapiski missionera. Vospominaniya o zhizni gol'dov, gilyakov, samogirtsev, ajntsev i drugikh narodakh, obitayushhikh po Amuru i ego pritokam: Gilyaki. // Blagoveshhenskie eparkhial'nye vedomosti za 1913 g. № 11. S. 179-186.
22. KHasanova M.M. O kul'te medvedya u negidal'tsev. // Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Mat-ly 4-kh Sibirskikh chtenij, 12-14 oktyabrya 1998 g., Sankt-Peterburg. Spb., Muzej Antropologii i Ehtnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2000. S. 203-210.
23. TSintsius V.I. Vozzreniya negidal'tsev, svyazannye s okhotnich'im promyslom. // Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v KH1KH – nach. KHKH v. Sb. st. L., Nauka, 1971. S.170-200.
24. SHternberg L.YA. Gilyaki // Ehtnograficheskoe obozrenie, 1904. Kn. LXI, № 2. S. 19-55.

УДК 339.9

Болдырев Е.В.
Boldyrev E.V.

Экономическая политика США в отношении стран Восточной Азии в 1980-х – начале 1990-х гг.

U. S. Economic Policy toward East Asian States in 1980 – early 1990s.

Статья посвящена экономической политике США в отношении стран Восточной Азии в 1981 – 1992 гг. Изучена эволюция её ключевых методов: регулирования посредством национальных законов и дипломатии. Рассмотрено политическое измерение внешнеэкономического курса президентов-республиканцев.

Ключевые слова: *экономическая политика США, Восточная Азия, Торговый закон 1974 г., дипломатия, политическое измерение*

The article is devoted to US economic policy toward East Asian States in 1981 – 1992. Evolution of its key methods (national acts regulation and diplomacy) is researched. A political measuring of the course is reviewed.

Key words: *US economic policy, East Asia, Trade Act 1974, diplomacy, political measuring*

В период 1980-х – 1990-х гг. правительство Соединённых Штатов придавало большое значение экономическому направлению азиатской политики: заместитель госсекретаря Стессел в 1981 г. и госсекретарь Дж. Шульц в 1984 г. ставили его на первое место среди приоритетов региональной политики [2, p. 892; 4, p. 647]. Для достижения целей использовались ограничительные и дипломатические меры, существенной чертой этой сферы было и политическое измерение.

Американская сторона применяла положения национального права широко. Ещё в 1980-х гг. этот вопрос был отчасти изучен экономистами Дж. Скоттом и Н. Ацуми. Их внимание было сосредоточено на положениях Торгового закона 1974 г. [11, p. 83-105; 24, p. 39-49]. Оба исследователя отмечали прямую связь введения добровольных ограничений на экспорт (ДОО) в США со статьёй 201 Торгового закона, позволявшей прибегать к этой ограничительной мере, если производители и профсоюзы находили, что их зарубежные конкуренты ведут торговлю по заниженным ценам. Н. Ацуми также отмечает, что вводимое ограничение должно быть формальным, а не просто доброй волей конкурентов, т.к. в последнем случае по американским законам оно трактовалось как картельный сговор.

Наиболее ярким примером применения этой статьи стало ограничение экспорта японских автомобилей в США в начале 1980-х гг. Как следует из мемуаров Р. Рейгана, правительство выступало за свободную торговлю, но было не против, если японская сторона без всякой просьбы

БОЛДЫРЕВ Виталий Евгеньевич, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток). **E-mail:** boldtrev89@list.ru

с американской стороны объявила бы о добровольном ограничении экспорта автомобилей в США [1, с. 255]. Это решение было передано через американского посла министру иностранных дел Японии М. Ито. Вскоре было введено формальное ограничение на экспорт автомобилей в Соединённые Штаты. Такое решение проблемы способствовало определённому снижению напряжённости в двусторонних отношениях и снимало остроту положения американской автомобильной промышленности, когда она находилась на пике кризиса.

Рассматривалось экономистами и применение статьи 301 Торгового закона для открытия зарубежных рынков в 1980-х гг., что получило в литературе определение «супер-301» [11, р. 90-91].

Примером успешного применения этого инструмента было введение санкций в октябре 1986 г. в отношении Тайваня, для которого Соединённые Штаты являлись главным торговым партнёром. Этот шаг подтолкнул Тайвань к подписанию двустороннего соглашения, предусматривавшего замену импортных пошлин единым разовым платежом для производителей табака и алкоголя. Его в Вашингтоне трактовали как документ, открывающий рынки для американских производителей [22].

Менее успешно статья 301 использовалась для открытия японских рынков полупроводников. Положения двустороннего соглашения о торговле этим видом продукции с американской стороны дополнялись меморандумом, согласно которому торговый представитель должен был проверить, в какой степени японская сторона выполняет положения двустороннего документа, направленные на предотвращение демпинга на этом рынке. Поскольку взятые на себя Японией обязательства не выполнялись, а предпринимавшиеся США дипломатические попытки решить вопрос не увенчались успехом, в апреле 1987 г. были введены высокие пошлины на импорт этого вида продукции из Японии [18]. И хотя в этом случае иностранный рынок открыт не был, национальные производители были ограждены от зарубежных конкурентов.

Также для регулирования торговли применялась и статья 202 Торгового закона. За весь рассматриваемый двенадцатилетний период она была использована только один раз – в отношении китайских производителей аммония и вольфрамовой кислоты. Причиной введения импортных квот в этом случае стало отсутствие соглашения, регулирующего соответствующий сегмент рынка [20].

В целом, в американской внешнеэкономической политике периода 1980-х – начала 1990-х гг., национальное законодательство играло двойственную роль. С одной стороны, нормы законов выступали основой для двусторонних соглашений, для дипломатических и политических действий. С другой стороны, они выполняли функции регулирования внешней торговли в трёх случаях: необходимость сделать равной открытость национального и зарубежного рынков, необходимость защитить национальных производителей в отсутствие международного соглашения о регулировании торговли определённой группой товаров, создать на внутреннем рынке благоприятные условия для экономического восстановления в период кризиса.

Не менее важным методом внешнеэкономической политики США была дипломатия, применявшаяся в двух случаях: для разрешения торговых споров и для поступательного развития отношений при отсутствии разногласий.

Как использовались дипломатические средства в первом случае, лучше всего иллюстрирует политика Соединённых Штатов в отношении Японии. Уже в первые месяцы президентства Р. Рейгана успех этого метода продемонстрировало решение автомобильного вопроса. В ходе

переговоров с министром иностранных дел Ито А. Хейг отметил, что проблема американской автомобильной промышленности не является следствием японской конкуренции, что эта отрасль важна для экономики США, что правительство обеспокоено ростом протекционистских настроений в Конгрессе. В ответ М. Ито признал тяжесть положения в американской автомобильной промышленности [15]. Фактически, эта беседа стала ключевым шагом в решении проблемы с автомобилями посредством объявления японской стороной добровольного ограничения на экспорт в США.

Но предстояло решать и другие проблемы двусторонних торгово-экономических отношений. Для этого в 1983 г. была создана комиссия советников для управления американо-японскими торговыми отношениями, которой предстояло изучить их и выработать рекомендации для правительства [12]. По итогам её работы правительство США выработало более гибкую и прагматичную линию поведения. Ряд положений аналогичного доклада, подготовленного японскими бизнесменами, приняли и в Токио [8], что отвечало интересам США.

Следующим шагом для решения вопросов стало создание двусторонних переговорных групп по отраслевому принципу и проведение в дальнейшем с их участием дискуссий, ориентированных на рынок, по выбранным секторам экономики (МОСС-дискуссий). Посредством их стороны намеревались выявить и устранить препятствия для доступа на национальные рынки. И хотя, по мнению госдепартамента, в ходе реализации инициативы произошёл ряд позитивных изменений в доступе к японскому рынку [5, p. 532], в его меморандумах за 1987 – 1988 гг. так оценивались американо-японские отношения: трения в торговле ставят пятно на великолепные, в целом, двусторонние отношения, важные торговые вопросы оставались нерешёнными [19; 9].

Поскольку экономические отношения с Японией продолжали оставаться противоречивыми, была предпринята ещё одна попытка улучшить положение. На встрече президента Дж. Буша и премьер-министра Уно в 1990 г. было объявлено о запуске двустороннего механизма Инициативы структурных препятствий (СИИ), которая подразумевала проведение дискуссий с целью найти способ устранить платёжный и торговый дисбаланс [7, p. 711]. Запуск этой инициативы оказался наибольшим успехом американской политики, т.к. единственной силой Японии, способной замедлить темп её реализации, по словам японского премьер-министра Т. Кайфу, оставалось общественное мнение [17]. Однако успешный переговорный механизм в начале 1992 г. остановился из-за смены ответственных за его проведение лиц в Токио и Вашингтоне.

В целом, дипломатию, как метод американской политики по разрешению торгово-экономических споров, можно считать успешным, поскольку на протяжении всего рассматриваемого периода японская сторона по ряду вопросов в той или иной степени занимала позицию, отвечавшую американским интересам. А в начале 1990-х гг. странам удалось запустить действенную переговорную площадку, хотя и зависящую от персонального мастерства переговорщиков.

В случае с Южной Кореей и Китаем США использовали дипломатию для выстраивания взаимовыгодных отношений.

Для выявления точек соприкосновения интересов был использован визит южнокорейского президента в Вашингтон в 1981 г. Будучи важными торговыми партнёрами и имея крупные ориентированные на экспорт производства, стороны были заинтересованы во взаимовыгодном развитии отношений. Но существовали и ограничения, которые беспокоили производителей двух стран. Так корейская сторона была заинтересована в либерализации американских нетарифных ограничений,

а США, со своей стороны, считали для себя важным южнокорейский сельскохозяйственный рынок. Также на переговорах развитие отношений на основе свободной торговли было отмечено как общий интерес [15]. В дальнейшем американская сторона на встречах разного уровня многократно подчёркивала необходимость развития отношений на этой основе. Итогом такого использования дипломатии стало то, что в 1988 г. Республика Корея приняла на себя обязательство развивать экономические отношения на соответствующей основе [6, p. 563].

Заложив основы развития отношений посредством дипломатии, стороны в дальнейшем использовали её методы для улучшения экономических отношений.

Примером несколько иного рода было использование дипломатии в отношении Китая, с которым незадолго до инаугурации Р. Рейгана были установлены официальные отношения. Его правительство приступило к реализации мер по восстановлению экономики, связанных с ориентированными на рынок реформами. В этих условиях КНР стала рассматриваться не только как ёмкий рынок, но и как привлекательный партнёр. Для создания основы торговых отношений в 1982 г. была создана двусторонняя торговая комиссия, которая за год выработала способ решения споров, создала базис промышленной кооперации, финансовых вложений, сотрудничества в области технологии, подготовки специалистов [3, p. 1003-1004]. Итоги работы этой комиссии отражали взаимный интерес двух стран и создали условия для поступательного развития отношений. В последующие годы выросла двусторонняя торговля, объёмы которой составили в 1985 г. 8 млрд. долл., а в 1986 г. приблизились к отметке в 9 млрд. долл. Также США вложили в китайскую экономику свыше 1 млрд. долл. к концу 1986 г., а их бизнес был широко представлен в этой стране: в геологоразведке, добыче полезных ископаемых, в обрабатывающей промышленности, в финансовом секторе [4, p. 525].

Политика США в отношении Республики Корея и КНР свидетельствовала, что использование дипломатических инструментов при совпадении интересов приводило к большим положительным результатам для каждой из сторон. На этом фоне может показаться, что отношения с Японией не были столь успешными, а дипломатические методы не столь эффективными. Но здесь стоит учесть, что американо-японские отношения характеризовались большим количеством перманентно возникавших споров, и тот факт, что в течение десяти лет удалось создать платформу для эффективного их решения, был существенным успехом дипломатии.

Если сравнивать применение норм права и дипломатических методов, можно констатировать, что использование первых позволяло на определённое время защитить интересы национальных производителей, в то время как дипломатия позволяла эффективно решать торговые споры и развивать отношения.

Но экономический курс имел и политическое измерение.

Меньше всего он влиял на политику в отношении союзной Японии и был связан с сотрудничеством в области энергетики. В совместном заявлении говорилось, что стороны находят, что торговля в области энергоресурсов будет способствовать развитию отношений в области экономической и энергетической безопасности [13]. Этот шаг американской стороны соотносился с положением национальной политики США 1982 г. об обеспечении доступа своего и союзников к энергетическим ресурсам [21]. В этом контексте Соединённые Штаты выступили гарантом экономической и энергетической безопасности своего союзника.

В политике в отношении другого союзника, Южной Кореи, присутствовали иные мотивы. Её правительство было обеспокоено военным

строительством в КНДР и поэтому планировало приобрести самолёты F-16, один из наиболее технологичных товаров американского машиностроения, т.к. стремилось усилить способность своей страны обороняться самостоятельно настолько быстро, насколько это было возможно [15]. Эти стремления южнокорейской стороны позволяли американской использовать их в свою пользу. В ходе саммита в 1981 г. правительство Соединённых Штатов достигло решения лучшим образом исполнять кредитные программы по зарубежным военным продажам [15]. Фактически, здесь политические отношения были использованы для укрепления экономических и поддержки своей промышленности.

Политическая составляющая экономического курса в отношении союзников повышала их безопасность и создавала условия для роста отдельных отраслей американской экономики.

Куда сильнее политическое измерение влияло на отношения с КНР. Основой для политизации стал Торговый закон 1974 г., позволявший президенту своим решением распространять режим наибольшего благоприятствования (МФН-статус) на отношения с отдельными странами сроком на год. С 1982 г. главы США регулярно предоставляли этот статус Китаю, стремясь воздействовать на него с целью проведения политики, больше отвечающей американским интересам.

Непосредственными причинами этого шага КНР назывались проведение ею сравнительно либеральной иммиграционной политики, рост выданных американских виз, как иммиграционных, так и деловых, в том числе и для получения образования [14]. Это говорит о том, что экономические инструменты Соединённые Штаты использовали и как средство «мягкой силы»: поощрялись не только взаимовыгодное экономическое сотрудничество, необходимый внешнеполитический курс, но и шаги китайского правительства, способствовавшие распространению американских ценностей.

Переломным событием стали события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Введённые тогда санкции были не просто ответом на разгон демонстраций. Смысл этого шага раскрывают слова президента Буша: «Соединённые Штаты должны занимать соответствующую позицию в пользу соблюдения прав человека во всём мире, где бы то ни было, в какой стране ни произошло бы» [23]. В этом контексте санкции стали своего рода наказанием за нарушение правил игры, которых придерживались США. Фактически, посредством этой меры американское руководство подталкивало модернизирующийся, заинтересованный в сотрудничестве с Западом Китай играть по его правилам. Однако введённые санкции шли вразрез с естественными интересами бизнеса. Поэтому уже с декабря 1989 г. принимаются решения, направленные на смягчение санкций, а в 1990 г. КНР вновь был предоставлен МФН-статус.

В этом случае политический фактор в экономической политике был использован Соединёнными Штатами, чтобы Китай сначала занял выгодное для них положение в мире, а затем начал проводить и внутреннюю политику, соответствовавшую американским взглядам. Но чрезмерная политизация, шедшая в разрез с экономическими интересами, в итоге была признана американскими властями противоречащей её интересам, что показало постепенное смягчение санкций.

Политическая составляющая присутствовала и в отношениях с Тайванем, поскольку США сохранили право поставлять на остров оборонительные вооружения. Эти поставки осуществлялись в течение всех 1980-х гг., а в 1992 г. в ответ на приобретение Китаем российских современных самолётов произошёл их резкий рост. Этот шаг не только усиливал обороноспособность Тайваня, но и позволял разместить дополнительный заказ на авиастроительных заводах в условиях конъюнк-

ктурного спада [10]. Иными словами, за счёт дополнительных поставок военной техники, в США поддержали наиболее технологичные отрасли машиностроения.

Экономическая политика США в отношении стран Восточной Азии в 1980-х – начале 1990-х гг. определялась сочетанием экономических и политических интересов, которые в каждом конкретном случае определяли применение тех или иных методов. Наиболее эффективным и результативным курс был в случае совпадения интересов обеих сторон. Здесь, как правило, санкции и ограничения были исключением среди методов политики. В то же время, если действия противоположной стороны не соответствовали цели восстановления национальной экономики, они были серьёзным беспокойством для американского бизнеса. И здесь США переходили к политике санкций. При этом правительство не всегда полностью учитывало свои интересы, что вынуждало в дальнейшем корректировать курс.

В целом, несмотря на существовавшие негативные моменты, в экономической политике в 1980-х – начале 1990-х гг. США достигли серьёзных успехов: удалось защитить национальных производителей от иностранных конкурентов, поддержать важнейшие отрасли в период кризиса и экономического спада, открыть рынки конкурентов для американских предпринимателей.

Литература

1. Рейган Р. Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992.
2. American Foreign Policy: Current Documents. 1981. Washington: Department of State, 1984. 1444 p.
3. American Foreign Policy: Current Documents. 1983. Washington: Department of State, 1985. 1477 p.
4. American Foreign Policy: Current Documents. 1984. Washington: Department of State, 1986. 1174 p.
5. American Foreign Policy: Current Documents. 1986. Washington: Department of State, 1987. 863 p.
6. American Foreign Policy: Current Documents. 1988. Washington: Department of State, 1989. 818 p.
7. American Foreign Policy: Current Documents. 1990. Washington: Department of State, 1991. 890 p.
8. Briefing Memorandum to the Secretary of State from Gaston Sigur. March 6, 1987//The National Security Archive. [Электронный ресурс]. URL <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB175/index.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).
9. Briefing Memorandum to the Secretary of State from Gaston Sigur. Scope Paper – Prime Minister Takeshita's Visit. January 12 – 15, 1988. January 1988//The National Security Archive. [Электронный ресурс]. URL <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB175/index.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).
10. EAP Press Guidance. September 2, 1992//George Bush Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс]. URL <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research/china/> (дата обращения: 18.08.2011 г.).
11. Economic Relations Between United States and Korea: Conflict or Competition? Washington: Institute for Internal Economics. 1989. 178 p.
12. Executive Order 12421 – Presidential Commission on the Conduct of United States – Japan Relations. May 12, 1983//Ronald Regan Presidential Library: Archives. [Электронный ресурс]. URL <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/51283e.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

13. Joint Statement on Japan – United States Energy Cooperation. November 11, 1983// Ronald Reagan Presidential Library: Archives. [Электронный ресурс]. URL <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/111183b.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

14. Letter to the Speaker of the House of Representatives and the President of the Senate on Trade with Hungary and China. June 3, 1988// Ronald Reagan Presidential Library: Archives. [Электронный ресурс]. URL <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/060388d.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

15. Memorandum from Alexander Haig to the President. Your Meeting with Chun Doo Hwan, President of Republic of Korea. 1981//The National Security Archive. [Электронный ресурс]. URL <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB306/index.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

16. Memorandum of Conversation between Secretary Haig and Foreign Minister Ito. March 23, 1981// The National Security Archive. [Электронный ресурс]. URL <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEDBB/NSAEBB175/index.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

17. Memorandum of telephone conversation. Telephone Conversation with Toshiki Kaifu, Prime Minister of Japan. April 6, 1990// George Bush Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс]. URL <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research.php> (дата обращения: 18.08.2011 г.).

18. Memorandum on Japan – United States Semiconductor Trade Agreement. July 31, 1986// Ronald Reagan Presidential Library: Archives. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/073186d.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

19. Memorandum to the President from George P. Shultz. Visit of Japanese Prime Minister Nakasone, April 29 – May 2. April 21, 1987// The National Security Archive. [Электронный ресурс]. URL <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEDBB/NSAEBB175/index.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

20. Message to the Congress on Acid Imports from China. August 5, 1987 Ronald Reagan Presidential Library: Archives. [Электронный ресурс]. URL <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1987/080587e.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

21. National Security decision Directive Number 32. US National Strategy. April 21, 1982//Federation of American Scientists. NSDD – National Security Decision Directives. Reagan Administration. [Электронный ресурс]. URL <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (дата обращения: 27.05.2009 г.).

22. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Taiwan – United States Trade Agreement. December 8, 1986// Ronald Reagan Presidential Library: Archives. [Электронный ресурс]. URL <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/120886b.htm> (дата обращения: 26.08.2011 г.).

23. The president's News Conference. 1989-06-08// George Bush Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс]. URL <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research.php> (дата обращения: 18.08.2011 г.).

24. US-Japan Relations: Learning from Competition: Annual Review – 1985. New Brunswick – Oxford: Transaction Books, 1986. 233p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Rejgan R. Zhizn' po-amerikanski. M.: Novosti, 1992.
2. American Foreign Policy: Current Documents. 1981. Washington: Department of State, 1984. 1444 p.
3. American Foreign Policy: Current Documents. 1983. Washington: Department of State, 1985. 1477 p.
4. American Foreign Policy: Current Documents. 1984. Washington: Department of State, 1986. 1174 p.

5. American Foreign Policy: Current Documents. 1986. Washington: Department of State, 1987. 863 p.

6. American Foreign Policy: Current Documents. 1988. Washington: Department of State, 1989. 818 p.

7. American Foreign Policy: Current Documents. 1990. Washington: Department of State, 1991. 890 p.

8. Briefing Memorandum to the Secretary of State from Gaston Sigur. March 6, 1987//The National Security Archive. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB175/index.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

9. Briefing Memorandum to the Secretary of State from Gaston Sigur. Scope Paper – Prime Minister Takeshita's Visit. January 12 – 15, 1988. January 1988// The National Security Archive. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB175/index.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

10. EAP Press Guidance. September 2, 1992//George Bush Presidential Library and Museum. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research/china/> (data obrashheniya: 18.08.2011 g.).

11. Economic Relations Between United States and Korea: Conflict or Competition? Washington: Institute for Internal Economics. 1989. 178 p.

12. Executive Order 12421 – Presidential Commission on the Conduct of United States – Japan Relations. May 12, 1983//Ronald Regan Presidential Library: Archives. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/51283e.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

13. Joint Statement on Japan – United States Energy Cooperation. November 11, 1983// Ronald Regan Presidential Library: Archives. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1983/111183b.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

14. Letter to the Speaker of the House of Representatives and the President of the Senate on Trade with Hungary and China. June 3, 1988// Ronald Regan Presidential Library: Archives. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1988/060388d.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

15. Memorandum from Alexander Haig to the President. Your Meeting with Chun Doo Hwan, President of Republic of Korea. 1981//The National Security Archive. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB306/index.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

16. Memorandum of Conversation between Secretary Haig and Foreign Minister Ito. March 23, 1981// The National Security Archive. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEDBB/NSAEBB175/index.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

17. Memorandum of telephone conversation. Telephone Conversation with Toshiki Kaifu, Prime Minister of Japan. April 6, 1990// George Bush Presidential Library and Museum. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research.php> (data obrashheniya: 18.08.2011 g.).

18. Memorandum on Japan – United States Semiconductor Trade Agreement. July 31, 1986// Ronald Regan Presidential Library: Archives. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/073186d.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

19. Memorandum to the President from George P. Shultz. Visit of Japanese Prime Minister Nakasone, April 29 – May 2. April 21, 1987// The National Security Archive. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEDBB/NSAEBB175/index.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

20. Message to the Congress on Acid Imports from China. August 5, 1987 Ronald Regan Presidential Library: Archives. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1987/080587e.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

21. National Security decision Directive Number 32. US National Strategy. April 21, 1982//Federation of American Scientists. NSDD – National Security Decision Directives. Reagan Administration. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (data obrashheniya: 27.05.2009 g.).

22. Statement by Principal Deputy Press Secretary Speakes on the Taiwan – United States Trade Agreement. December 8, 1986// Ronald Regan Presidential Library: Archives. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1986/120886b.htm> (data obrashheniya: 26.08.2011 g.).

23. The president's News Conference. 1989-06-08// George Bush Presidential Library and Museum. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research.php> (data obrashheniya: 18.08.2011 g.).

24. US-Japan Relations: Learning from Competition: Annual Review – 1985. New Brunswick – Oxford: Transaction Books, 1986. 233p.

УДК 94 (47).08

*Колесниченко К.Ю.
Kolesnichenko K.Yu.*

Военная авиация в Приморье в 1980-е – 2000-е годы: военно-политический и социальный аспекты

**Military aircraft in Primorye in the 1980s-2000s:
the military-political and social aspects**

В статье кратко характеризуются основные этапы развития авиационной группировки военной авиации в Приморье, анализируется её состояние к моменту распада СССР, основные этапы сокращения; его военно-политические и социальные последствия.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, авиационная группировка*

The article briefly describes the main periods of the air force development in Primorsky krai. It also analyzes the air force state of being in Primorye up to the USSR break-down, focal stages of its cutback and military-political and social outcome of this process.

Key words: *Russion Far East, air force development*

История освоения и развития Дальнего Востока России неразрывно связана с вооружёнными силами страны – огромные неосвоенные пространства, наличие не всегда дружественно настроенных соседних государств, геополитические интересы других держав – всё это делало военное присутствие в регионе объективной необходимостью. Военный фактор на протяжении полутора веков оказывал существенное, а порой и определяющее влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы в данном регионе России.

Приморский край в этом отношении представлял собой один из самых высоко милитаризованных регионов не только на Дальнем Востоке, но и в России вообще. Фактически экономическое и социально-политическое развитие было напрямую привязано к военным вопросам, имевшим первостепенное значение. На этапе освоения региона в условиях острой нехватки трудовых ресурсов в силу малочисленности населения военные выполняли целый ряд политических, управленческих, экономических, хозяйственных и социальных функций.

Начиная с 30-х годов XX века, военная авиация становится одним из ключевых факторов обеспечения военной безопасности страны в регионе. Как отмечает известный отечественный военный историк Мирослав Морозов: «При скудности отпускаемых на строительство флота в то время средств ситуация на Дальнем Востоке усугублялась полным отсутствием кораблей дореволюционной постройки, которые в то вре-

КОЛЕСНИЧЕНКО Кирилл Юрьевич, к.полит.н., доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета. (г. Владивосток). **E-mail:** generalgrant@mail.ru

мя составляли костяк Балтийского и Черноморского флотов, и крайней слабостью местной судостроительной базы. В этих условиях потенциальная возможность решения главных задач ТОФ того времени – обороны морских подступов к Владивостоку и содействия Красной Армии в Приморье – могла быть достигнута в короткие сроки только за счёт массового строительства разборных ПЛ VI серии, реданных торпедных катеров типа «Г-5» и развёртывания сильной морской авиации. Поэтому не случайно, что имея 53 боевых самолёта на начало 1933 г., ВВС ТОФ к январю 1936 г. насчитывали 446 машин, а спустя четыре года – уже 667» [5, с. 27]. В дальнейшем состав авиационной группировки наращивался и качественно и количественно. В 1938 году авиационная группировка принимала участие в вооружённом конфликте у озера Хасан. По состоянию на 22 июня 1941 г., в составе ВВС ТОФ имелось 969 самолётов различных типов, в 1942 г. 803 самолёта различных типов, в 1943 г. 945 самолётов, в 1944 - 897 самолётов, а в начале 1945 года – 1130 (без учёта ВВС СТОФ) [2].

Период 50-60-х гг. стал новым этапом в военном развитии региона – ТОФ стремительно наращивает боевой потенциал, увеличивается количество боевых кораблей, идёт масштабное развитие военной инфраструктуры, в крае разворачивается мощная группировка сил и средств ПВО – существующие авиационные части дополняются зенитно-ракетными полками, качественно и количественно совершенствуется группировка сухопутных сил и средств.

В 60-е - 80-е годы продолжается стабильное развитие авиационной составляющей военной группировки на Дальнем Востоке вообще, и в Приморье в особенности. В этот период к угрозам со стороны США, Японии и Южной Кореи добавился новый источник военной угрозы – напряжённость в отношениях с КНР, нарастающая с конца 50-х гг., вылилась в ряд вооружённых конфликтов на советско-китайской границе, наиболее масштабных из которых стал конфликт на острове Даманский в марте 1969 года. Авиация в боевых действиях не участвовала, но активно привлекалась к разведывательным и демонстративным полётам.

Это дало мощнейший стимул к дальнейшему наращиванию ударного потенциала авиации ВВС, ПВО и ВВС ТОФ. Авиация должна была прикрывать административные, военные, промышленные объекты, поддерживать сухопутные войска, наносить удары по соответствующим объектам противника, действовать против его корабельных группировок, в первую очередь, против авианосных ударных групп ВМФ США и т.д.

При этом развитие авиагруппировки шло и по количественным, и по качественным показателям: на вооружение поступали новые типы боевых самолётов и вертолётов, реконструировались аэродромы, строились различные объекты аэродромной инфраструктуры.

Поскольку Приморский и Хабаровский края были самыми густонаселёнными и развитыми в промышленном отношении регионами, то именно на их территории концентрировалось наибольшее количество авиационных частей и соединений. Своего пика численность авиационной группировки в Приморье достигла к концу 80-х годов. В этот же период были достигнуты наивысшие показатели интенсивности и качества боевой подготовки.

Организационно авиационные части и соединения на Дальнем Востоке относились к 1-й воздушной армии ВВС; 11-й армии ПВО; ВВС и ПВО ТОФ, авиации погранвойск КГБ СССР. Части ВВС в Приморье входили в состав 303-й смешанной авиадивизии, отдельных авиаполков и эскадрилий, ВВС ТОФ- 25-й МРАД и отдельных авиаполков и эскадрилий.

Информация о численности и дислокации авиационных частей и

Таблица 1. Дислокация авиачастей ВВС и ПВО, а также ВВС ТОФ на территории Приморского края в конце 80-х гг.

Название аэродрома ¹	Населённый пункт	Номер авиачасти ²	Тип ЛА на вооружении	Примечания
Дальняя авиация				
Воздвиженка	Воздвиженка	444-й ТБАП	Ту-22М3	Полк расформирован в декабре 2009 года/ авиачасти на аэродроме не базируются
ВВС				
Воздвиженка	Воздвиженка	523-й АПИБ	Су-17М3	Полк расформирован/ авиачасти на аэродроме не базируются
Хвалынка	Летно-Хвалынское/ Спасск – Дальний	219-й ОДРАП	Ту-16р/Ту-22М3	Полк расформирован в 1998, не-которое время в Хвалынке был аэродромом подскока с военной комендантурой
Хвалынка	Летно-Хвалынское/ Спасск-дальний	821-й ИАП	МиГ-23МЛ	Полк расформирован в 1994/ аэродром заброшен
Озерная Падь	Кремово	224-й ИАП	МиГ-27/с 1992 на Су-24	Полк расформирован в 1995/ аэродром заброшен
Галенки	Галенки	18-й гв. АПИБ	МиГ-27	
Черниговка		187 ОШАП	Су-25	аэродром функционирует
Варфоломеевка	Новосысоевка	799 ОРАП	Як-28р	полк расформирован 01.12.2009/ аэродром не функционирует
Спасск-Дальний	Спасск-Дальний	94-й ОВП	Ми-8/Ми-24	в 1994 полк передислоцирован на Сахалин

¹ В таблице приводятся данные только по наиболее крупным аэродромам.² В таблицу не включены данные по дислокации отдельных авиационных и вертолётных эскадрилий, которых насчитывалось не менее 10. Данные о почётных наименованиях и наградах авиачастей не приводятся из-за ограниченности объёма статьи.

Название аэродрома	Населённый пункт	Номер авиачасти	Тип ЛА на вооружении	Примечания
Майхэ	Штыково			В конце 80-х начал 90-х использовался для временного базирования авиатехники с других аэродромов. В настоящее время заброшен.
Черниговка	Черниговка	319-й ОВП	Ми-8/Ми-24	аэродром функционирует
Сокол	Чугуевка	530-й ИАП	МиГ-25	полк расформирован 1.09.2009/аэродром не функционирует
Центральная – Угловая	Угловое	22-й гв. ИАП	МиГ-23М	полк перевооружён на Су-27/аэродром функционирует
Золотая Долина	Золотая Долина	47-й ИАП	Су-27	полк расформирован/аэродром не функционирует
ВВС и ПВО ТОФ				
Кневичи	пос. Кневичи	ОСАП	Ми-8/Ан-12/Ил-18/Ту-134	Обеспечивал деятельность штаба ТОФ/сокращён до эскадрилья
Суходол гидроаэродром морской авиации КТОФ	Пос. Суходол	289 ОПЛАП	Бе-12	Оперативный гидроаэродром/в настоящее время аэродром заброшен
Николаевка	Пос. Николаевка	289 ОПЛАП	Бе-12	Аэродром функционирует
Николаевка	Пос. Николаевка	77 ОПЛАП	Ил-38	Аэродром функционирует
Пристань	Романовка	73-й МШАП	Су-17	Аэродром заброшен
Пристань	Романовка	311-й ОКШАП	Як-38М	Аэродром заброшен
Новожеино	Новожеино	710-й ОВП ПЛО	Ка-25/-27/-29, Ми-6/-8/-14	Аэродром заброшен
Новожеино	Новожеино	51-я ОВЭ ПЛО	Ми-6/-8/-14	Аэродром заброшен

Название аэродрома	Населённый пункт	Номер авиачасти	Тип ЛА на вооружении	Примечания
Кневичи	Кневичи	593-й ОТВП	Ми-8	Аэродром функционирует
Кневичи	Кневичи	Управление 25-й МРАД/ 183-й МРАП 25-й МРАД	Ту-16/с 1991 года-Ту-22М2	Аэродром функционирует
Хороль	Хороль	141-й гв. МРАП 25-й МРАД	Ту-16	Аэродром не функционирует
Хороль	Хороль	304-й гв. ОДРАП	Ту-142	Аэродром не функционирует
Авиация погранвойск КГВ СССР				
Кневичи	Кневичи	11-й отдельный смешанный авиаполк	Ми-8/Ми-24/Ан-24/Ка-27ПС	

Источники: Артемьев А.М. Морская авиация Отечества. М.: МГО ООФ ВС РФ, Кучково поле, 2001; Болтенков Д. Е., Левшов П. В. Век в строю ВМФ: Авиация Военно-Морского флота России (1910 – 2010) Справочник. Специальный выпуск альманаха «Тайфун», СПб., 2012., 768 с.; Новиков В.С. Крылья границы: Историко документальный очерк. М.: Граница, 2008. 455с.; Чулрин К.В., Вооружённые силы стран СНГ и Балтии. Справочник. М, 2009; материалы интервью автора с бывшими пилотами и техниками 530 –го ИАП, 94-го ОВП, 710 ОПЛАП.справочник на 1932 г. Хабаровск, 1932, С. 75; Развитие электроэнергетического хозяйства СССР. Хронологический указатель. М., Энергоатомиздат, 1987, С. 33-41; Электроэнергетика районов. Экономико-статистический справочник. М-Л.: 1935, С. 128-134.

соединений, а также о типах самолётов, состоявших на вооружении, приведена в *таблице 1*.

Итого на территории Приморского края находилось более полутора десятков военных аэродромов, на которых базировалось более 20 авиаполков и около 10 отдельных эскадрилий общей численностью не менее 600 самолётов и вертолётов. Таким образом, в 60-е 80-е годы на территории Приморья был создан мощный авиационный кулак, способный выполнять широкий спектр задач даже в условиях сухопутной (со стороны КНР) или морской (со стороны ВМС США, Японии и Южной Кореи) блокады. Всё это было подкреплено и соответствующими ресурсами – на территории края были созданы значительные запасы авиационных боеприпасов и ГСМ, в посёлке Воздвиженка находился 322 авиаремонтный завод, специализировавшийся на ремонте самолётов ОКБ Сухого, в г. Арсеньев действовал авиационный завод, выпускавший в 80-е гг. боевые вертолёты Ми-24, противокорабельные ракеты «Москит». Для осуществления боевой подготовки имелись полигоны в Японском море и на территории Приморья.

Можно добавить, что по численности авиационная группировка на Дальнем Востоке лишь немногим уступала авиации Группы советских войск в Германии, занимая второе место по совокупному ударному потенциалу в вооружённых силах Советского Союза. Общее количество боевых самолётов и вертолётов на территории Приморского края не уступало численности ВВС Японии или Южной Кореи.

Наращение кризиса в экономике и социальной сфере Советского Союза в конце 80-х годов первую очередь отразилось на наиболее удалённых регионах страны – и Дальний Восток в полной мере ощутил на себе негативные последствия этих процессов. Фактический упадок военной авиации на Дальнем Востоке начался именно в этот период – постепенно сокращалось финансирование, темпы реконструкции аэродромов и развития инфраструктуры авиабаз, ухудшилось снабжение авиагарнизонов.

Интересно отметить, что в этих условиях военные гарнизоны во многих случаях были своеобразным «социальным якорем», позволявшим гражданскому населению гарнизонов выживать в условиях тотального дефицита и перебоев с поставками самых необходимых товаров.

Так, например, продукты с военных складов позволяли в некоторой степени компенсировать перебои с поставками продовольствия в край в конце 80-х годов (при этом, естественно, что большая часть продуктов попадала на рынок нелегальным путём), в ситуации «топливного кризиса» начала 90-х годов ГСМ из запасов военных позволяли в некоторой степени компенсировать этот дефицит (многие автомобилисты специально переходили на топливо более низкого качества, поскольку именно его было легче получить у военных). Безусловно, у этого процесса была и обратная сторона – возникновение обширной «серой зоны» экономической деятельности, рост преступности в этой сфере и т.д.

Период начала 90-х-начала 2000-х гг. характеризовался масштабным сокращением финансирования и численности вооружённых сил, падением дисциплины, ростом числа правонарушений и преступлений в военной среде, падением престижа военной службы, резким понижением социального статуса военнослужащих. Всё это в полной мере коснулось и военной авиации, дислоцированной в Приморье, причём многие проблемы здесь имели гораздо более острый и масштабный характер в силу удалённости от федерального центра.

В начале 90-х годов ещё существовала определённая инерция развития, заданная в советский период – некоторые полки перевооружались на новую технику, по-прежнему находясь на своих аэродромах, но

продолжалось это относительно недолго – до 1993 -1994 годов, после чего наступил период тотального сокращения воинских частей.

При расформировании частей население военных городков и посёлков оказывалось предоставленным самому себе и вынуждено было выбирать стратегии выживания в сложных, а зачастую и в катастрофических социально-экономических условиях. Покинуть военные городки могли далеко не все, снабжение и финансирование таких городков прекращалось и основным источником дохода становились брошенные и наполовину уже разграбленные военные объекты.

Больше повезло тем военным городкам, которые находились в освоённой в хозяйственно-экономическом плане части края или соседствовали с каким либо производством. В худшем положении находились географически изолированные либо сокращаемые и расформировываемые части, поскольку комплексные планы по поэтапному расформированию воинских частей с передачей объектов ЖКХ и социально-культурной сферы в ведение гражданских органов власти, реализации движимого и недвижимого военного имущества, переселения и переобучения увольняемых офицеров и прапорщиков и членов их семей практически не существовало, либо они не были реализованы. Местные власти не торопились, да и не могли принимать на баланс военные дома, что почти автоматически создавало целый комплекс проблем в сфере ЖКХ военных городков – от водоснабжения, отопления и обеспечения электроэнергией до текущего и капитального ремонта, социального обеспечения и даже элементарного транспортного сообщения.

В действующих частях обстановка была лучше, но и тут проблем хватало. Поступление новой авиационной техники фактически прекратилось, боевая подготовка снизилась до минимума, начался массовый отток из армии квалифицированных специалистов, сократилось количество молодых офицеров.

В этих условиях роста количества авиационных происшествий, аварий и катастроф не произошло по банальной причине – из-за нехватки топлива полётов было крайне мало. Но зато в других сферах проблемы увеличивались, например, в 1994 году случился крупный пожар на складе авиационных боеприпасов ТОФ в приморском посёлке Новожеино.

В целом же результаты «реформирования» привели к резкому снижению боевого потенциала авиационной группировки на Дальнем Востоке. Так, например, проведённое Тихоокеанским флотом в 1995 году крупное стратегическое командно-штабное учение «Редут-95» выявило целый комплекс проблем, включая тот факт, что на Приморском операционном направлении выявилась *неспособность флота самостоятельно решать задачу по борьбе с ударными надводными группировками противника*. Одной из основных причин такой ситуации адмирал И. Хмельнов, командовавший Тихоокеанским флотом в этот период, считает тот факт, что в результате сокращений флот потерял на этом направлении надводные корабли и подводные лодки с ударными комплексами крылатых ракет большой и средней дальности, морскую ракетноосную и дальнюю разведывательную авиацию. Как следствие, эта задача могла быть решена только с привлечением соединений ДА ВВС и межфлотским манёвром МРА ВМФ. В этом случае требовалось содержать в постоянной боевой готовности аэродромы Хороль и Кневичи к приёму и обеспечению боевого применения ДА и МРА. Но основная проблема решения этой задачи упиралась в сокращение инженерно-технических и обслуживающих подразделений ВВС флота [8. с. 574].

Расформирование авиачастей в большинстве случаев сопровождалось разрушением всей инфраструктуры аэродромов и авиабаз. Часть

самолётов была выведена из боевого состава и фактически брошена на произвол судьбы, другая была утилизирована по контрактам рядом коммерческих фирм и по цене металлолома продана за рубеж.

В статье, опубликованной в газете «Золотой Рог», приводятся выдержки из официальных документов, раскрывающие некоторые аспекты процесса утилизации военной авиационной техники ТОФ. Так, в частности, в депутатском запросе депутата Госдумы от КПРФ В.Гришукова на имя председателя правительства Примакова Е.М. говорится: «В Государственной Думе имеется ряд материалов о последствиях реформирования частей и соединений Военно-Воздушных Сил в Приморском крае. Ярким примером является судьба одной из крупнейших авиационных баз дальней авиации ВВС в посёлке... Разрушены вся инфраструктура и система обеспечения. Уникальный по мировым стандартам аэродром, построенный в своё время для обеспечения посадки авиационно-космического комплекса «Буран», превращён сегодня в свалку авиационной техники, большинство которой не устарело ещё ни морально, ни физически. Созданная на территории гарнизона частная фирма по утилизации (ООО «Авиатор») примитивным способом... разделяет истребители, вертолёты и ракетноносцы на обыкновенный металлолом...» [6, с. 4].

Согласно контракту между заказчиком в лице командующего авиацией ВМФ и исполнителем ПХУ «Авиатор» «реализация продуктов утилизации производится исполнителем самостоятельно по ценам вторичных ресурсов не ниже цен реализации, установленных в данном регионе и определённых настоящим контрактом» [6, с. 4]. Количество утилизируемой техники по контракту 1997 года составляло почти 200 единиц.

Немного позже было опубликовано интервью с директором ООО «Авиатор», давшим некоторые комментарии о деятельности фирмы: «У нас имеется лицензия Минэкономки, и мы являемся одной из 50 с небольшим фирм, допущенных к утилизации военной техники... мы абсолютно прозрачны перед налоговым законодательством... 30% нашего оборота перечисляем на спецсчёт Минобороны, средства с которого расходуются по личному указанию министра обороны на строительство жилья для военнослужащих, уволенных в запас, и частично для боевой подготовки. Ещё 40% забирают налоги, которые мы платим в Приморье, а на оставшиеся 30% мы развиваемся и ещё занимаемся благотворительностью... У нас работают около 50 бывших офицеров, и насколько люди дорожат работой, можете судить по тому, что майор работает чернорабочим... Когда-то мы работали с заводом "Востокметалл", единственным предприятием по эту сторону Урала, занимавшимся переплавкой металла. К сожалению, завод теперь стоит. Приходится продавать китайцам... Утилизировано уже порядка 300 единиц авиационной техники... из них 100 ракет, а ракеты убыточны» [7].

В деятельности этой фирмы наблюдается определённая система и упорядоченность, в других гарнизонах ситуация была ещё хуже. Например, на авиабазе ВВС в посёлке Галенки снятые с вооружения после перевооружения полка на штурмовики Су-25, но вполне годные к дальнейшему использованию истребители-бомбардировщики МиГ-27 из состава 18 гв. АПИБ были разворованы и растащены охотниками за цветным металлом, ставшими настоящим проклятием для авиации. И это при том, что аэродром продолжал функционировать, но техника на практически неохраняемых стоянках грабилась и превращалась в металлолом. Особенности приморского климата делали судьбу уцелевших машин ещё более незавидной.

Следует отметить, что такое варварское уничтожение боевых самолётов, ещё не выработавших свой ресурс, наносило серьёзный ущерб экономике страны. В АТР в этот период было несколько стран, вооружён-

ных В и ВТ советского производства, стремящихся повысить ударный потенциал своих ВВС (в Индии истребители-бомбардировщики МиГ-27 до сих пор находятся на вооружении, а во Вьетнаме также до сих пор на вооружении состоит экспортный вариант истребителя-бомбардировщика Су-17, обозначаемый как Су-22). Если учесть, что только на территории Приморского края находилось более 60 МиГ-27 и примерно столько же Су-17, то ущерб государству становиться очевиден – только от продажи или сдачи в лизинг техники можно было выручить более 100 млн. долларов США (при цене около 1 миллиона долларов за самолёт). Вместо этого, по словам руководителя той же компании «Авиатор» доход от утилизации одного самолёта составлял 2000 долларов США [4, с. 4]. Если следовать названной им схеме распределения доходов, 1400 из них получало государство в виде налогов. Таким образом, общий доход государственной казны в виде налогов за утилизированные фирмой 200 самолётов составил приблизительно 280 тысяч долларов.

В рамках реформирования вооружённых сил в конце 90-х годов ВВС и ПВО были объединены, а части и соединения ВВС и ПВО на Дальнем Востоке вошли в состав 11-й армии ВВС и ПВО.

К этому времени некогда мощная группировка сократилась по численности авиаполков в три раза, а по количеству самолётов почти в шесть раз. На территории Приморского края осталось два истребительных и два штурмовых полка, разведывательный и вертолётный полки, а также один смешанный авиаполк и несколько ОАЭ ВВС и ПВО ТОФ, имевшие на вооружении около 100 самолётов и вертолётов.

С начала 2000-х годов ситуация в военной сфере стабилизировалась, активизировалась боевая подготовка, улучшилась ситуация с ремонтом техники, социальным обеспечением офицеров и их семей, хотя все имевшиеся проблемы по-прежнему оказывали существенное негативное влияние на функционирование вооружённых сил.

Основными проблемами авиации в 1999-2009 годах были недостаточное финансирование, в результате чего новая техника поступала в мизерных количествах, моральное и физическое старение самолётов и вертолётов, большинство из которых было выпущено ещё в Советском Союзе, а также недостаточный уровень боевой подготовки лётного и технического состава.

С началом нового этапа военной реформы при министре обороны А. Сердюкове авиационная группировка в Приморье продолжала сокращаться – на этот раз в ходе очередной оптимизации структуры вооружённых сил. С переходом на новую организационную структуру базирования ВВС начался процесс передислокации и объединения авиационных частей с целью создания укрупнённых авиабаз. В соответствии с замыслом реформы ВВС и ПВО было решено отказаться от существовавшей ранее структуры воздушная армия-дивизия-полк и перейти к системе самостоятельных воздушных командований, которые включают в себя авиабазы и бригады воздушно-космической обороны. Авиабазы состоят из эскадрилий. Таким образом, новая структура включает три основных звена – командование – авиабаза – эскадрилья. В подчинении авиабаз помимо авиационных эскадрилий находятся части обеспечения (радио-технические батальоны и части аэродромного обеспечения).

Территориально Дальний Восток и Забайкалье вошли в зону ответственности третьего командования ВВС и ПВО (сформировано на базе 11-й армии ВВС и ПВО).

Судя по информации отечественных исследователей, в рамках формирования нового облика в Приморье в составе 3-го командования были созданы две авиабазы: 6989-я Центральная – Угловая (истребительная авиация), Черниговка (вертолёты и самолёты-штурмовики Су-25) [4,

с.63], плюс одна авиабаза авиации ТОФ, расположенная на аэродроме Николаевка [3, с. 83].

В процессе реформирования в 2009 году были расформированы 444-й ТБАП в Воздвиженке, 530-й ИАП в Чугуевке, 799 ОРАП в Варфоломеевке, 18-й гв. ШАП из Галенок переведён на авиабазу в Черниговке. При этом на всех упомянутых аэродромах не осталось действующих авиачастей, и хотя на некоторых из них продолжали функционировать авиационные комендатуры, но, скорее всего, аэродромы ожидают участь десятков предшественников.

Несмотря ни на что, авиационная группировка в Приморье продолжает функционировать и по-прежнему играет важнейшую роль в обеспечении безопасности дальневосточных границ России. Пока поступление новой техники проходит в весьма ограниченном масштабе – за последние десять лет это поставка модернизированных Су-27СМ и Су-25СМ на аэродромы Центральная-Угловая и Черниговка соответственно, текущий и капитальный ремонт Су-25 и Ил-38, а также поставки новых вертолётов Ка-50 и Ми-8 на авиабазу в Черниговке.

Так или иначе, но в среднесрочной перспективе её ожидает качественное и количественное обновление – к такому варианту подталкивает логика военно – политических процессов в АТР.

Литература

1. Артемьев А.М. Морская авиация Отечества. М., МГО ООО ВВС РФ, Кучково поле, 2001. 400 с.
2. Болтенков Д.Е., Левшов П.В. Век в строю ВМФ: Авиация Военно-Морского Флота России (1910 – 2010). Справочник. СПб., Специальный выпуск альманаха «Тайфун», 2012. 768 с.
3. Болтенков Д. Реформирование военно-морского флота Российской Федерации. // Новая армия России. Под. ред. М. Барабанова. М., Центр анализа стратегий и технологий. 2010, 168 с.
4. Лавров А. Реформирование военно-воздушных сил России // Новая армия России. Под. ред. М. Барабанова. М., Центр анализа стратегий и технологий. 2010, 168 с.
5. Морозов М. Военно-воздушные силы Тихоокеанского флота в войне с Японией // «Мир авиации» № 2. 2000. С. 27.
6. Никитин. И. Над пристанью «Бурана» гуляет топор // «Золотой рог» № 63 (575), 17 августа 1999 года.
7. Никитин. И. Бурановский топор – ноу-хау российской утилизации. // «Золотой рог» № 69 (575), 31 августа 1999 года.
8. Новиков В.С. Крылья границы: Историко-документальный очерк. М., Граница, 2008. 455 с.
9. Хмельнов. И.Н. Российский флот: доблесть и нищета. М., АСТ – Пресс Книга, 2003. 574 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Artem'ev A.M. Morskaya aviatsiya Otechestva. M., MGO ООО VVS RF, Kuchkovo pole, 2001. 400 s.

2. Boltenev D.E., Levshov P.V. Vek v stroyu VMF: Aviatsiya Voenno-Morskogo Flota Rossii (1910 – 2010). Spravochnik. SPb., Spetsial'nyj vypusk al'manakha «Tajfun», 2012. 768 s.

3. Boltenev D. Reformirovanie voenno-morskogo flota Rossijskoj Federatsii. // Novaya armiya Rossii. Pod. red. M. Barabanova. M., TSentr analiza strategij i tekhnologij. 2010, 168 s.

4. Lavrov A. Reformirovanie voenno-vozdushnykh sil Rossii // Novaya armiya Rossii. Pod. red. M. Barabanova. M., TSentr analiza strategij i tekhnologij. 2010, 168 s.

5. Morozov M. Voенно-vozdushnye sily Tikhookeanskogo flota v vojne s Yaponiej // «Mir aviatsii» № 2. 2000. S. 27.

6. Nikitin. I. Nad pristan'yu «Burana» gulyaet topor // «Zolotoj rog» № 63 (575), 17 avgusta 1999 goda.

7. Nikitin. I. Buranovskij topor – nou-khau rossijskoj utilizatsii. // «Zolotoj rog» № 69 (575), 31 avgusta 1999 goda.

8. Novikov V.S. Kryl'ya granitsy: Istoriko-dokumental'nyj ocherk. M., Granitsa, 2008. 455 s.

9. KHMel'nov. I.N. Rossijskij flot: doblest' i nishheta. M., AST – Press Kniga, 2003. 574 s.

УДК 327.8, 355.015

*Синенко И.Ю.
Sinenko I.Y.*

Проблема региональной безопасности в Северо-Восточной Азии в контексте угрозы нового витка гонки вооружений в XXI веке

**The problem of regional security in the North-East Asia
in the context of new arms race upturn threats in the XXI century**

Статья посвящена обозначившейся в последние годы тенденции ведущих государств Северо-Восточной Азии к стремительному наращиванию своего военного потенциала и расходов на оборону. Автор анализирует глубинные причины этого явления, какое влияние оказывает данный процесс на региональную безопасность в целом, а также грозит ли он в конце концов обернуться масштабной региональной гонкой вооружений.

Ключевые слова: *гонка вооружений, региональная безопасность, Северо-Восточная Азия, оборонные расходы, милитаризация, военная стратегия, потенциальные конфликты*

The article is devoted to the late years tendency of military potential and expenditure rapid growing by leading North-East Asian states. The author analyses deep root causes of this phenomenon, its influence on the regional security as a whole and potential threat of wide-scale regional arms race eventually.

Key words: *arms race, regional security, North-East Asia, military expenditure, militarization, military strategy, potential conflicts*

Регион Северо-Восточной Азии обладает довольно серьёзным конфликтным потенциалом – как в силу ряда исторических причин (застарелые конфликты Японии и Китая, Японии и Кореи, многочисленные территориальные споры в регионе), так и в виду текущей военно-политической ситуации (возможность гипотетического столкновения США и КНР, конфликт КНР и Японии из-за островов Сенкаку/Дяоюйдао, потенциальное расширение военного присутствия в регионе России, также без особого энтузиазма воспринимаемое всеми вышеперечисленными государствами и т.д.). Плюс ко всему, практически все государства региона либо являются великими державами по факту (США, Китай, Россия), либо стремятся обрести это звание уже в самом недалёком будущем (Япония, Южная Корея), а, как известно, главным отличительным признаком всякой великой державы является, прежде всего, стремление к постоянному расширению зоны своего влияния. Исходя из всех этих фактов, ни одна страна в регионе не может чувствовать себя в полной безопасности и за последние несколько лет почти все они так или иначе продекларировали свои планы по перевооружению и модернизации армий.

Опасаясь северокорейских ракет, давно уже готова принять у себя

СИНЕНКО Илья Юрьевич, студент Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** sinenko63@mail.ru

на постоянной основе американские элементы ПРО «Пэтриот» Японии. При этом и Токио, и Вашингтон говорят о нацеленности системы исключительно на угрозу из Пхеньяна и уверяют, что она не направлена против России и Китая, однако эксперты отмечают, что данная система ПРО станет главным форпостом США в регионе и составной частью планетарной национальной противоракетной системы США [6]. Это будет многомерная ракетная «сеть»; система современных вооружений, обладающая не только оборонительной, но и наступательной силой. Она будет способна не только поражать быстрые ракеты, но и активно атаковать самолёты и космические спутники на орбите. Стратегическая система ПРО США в АТР включает в себя как разведывательно-информационные средства раннего предупреждения в виде РЛС стратегического назначения, позволяющие засекать межконтинентальные баллистические ракеты на дальности полёта свыше 5, 5 тыс. километров, так и ударно-боевые средства в виде ракет-перехватчиков наземного и морского базирования [5]. Причём, если в целом военный бюджет США за последние годы серьёзно сокращается, то расходы на создание Национальной ПРО при этом только возрастают: так если в 2011 г. они составили 7, 8 млрд. долл., то в 2012 г. – уже 8, 6 млрд., а в 2013 г. и вовсе достигнут 9, 7 млрд. долл. [9]. Едва ли можно представить, что такая дорогостоящая и технически сложная система создаётся американцами исключительно против КНДР, сильно ограниченной в количестве, технике и радиусе действия своих тактических ракет. А вот в Москве такой шаг Вашингтона рассматривается как желание взять Россию в «противоракетные» клещи как с запада, так и с востока (в контексте планов по ЕвроПРО) [8], что в свою очередь почти наверняка спровоцирует активизацию работ по быстрому восстановлению мощи Тихоокеанского Флота и стратегической авиации России в США.

Япония, помимо северокорейских ракет напуганная ещё и быстрым усилением военной машины Китая, в 2011 г. даже сменила свою военную стратегию (впервые за 40 лет). Если раньше японские силы самообороны традиционно основную угрозу для себя видели с Севера (со стороны СССР, а затем и России), то теперь в новом документе, названном «Основные направления программы национальной обороны», их внимание сосредотачивается на южном направлении, где больше всего страна Восходящего Солнца обеспокоена, конечно, стремительным усилением КНР [7]. При этом, несмотря на знаменитую девятую статью Конституции, де-факто ставящую под запрет обзаведение любым наступательным потенциалом, Япония в последние годы систематически расширяет возможности для своих сил самообороны действовать далеко за пределами своей территории, причём если ещё лет пять назад такое расширение боевых возможностей Токио происходило довольно тихо и незаметно, то сейчас масштаб планов по перевооружению поражает и многих политиков внутри страны. Фактически Япония начинает новую милитаризацию – Токио намерено в период с 2011 по 2015 годы израсходовать на модернизацию сил самообороны 284 млрд. долл. Планируется приобрести 5 подводных лодок (доведя их общее число с 18 до 23 единиц), 3 эсминца, 12 истребителей и 10 патрульных самолётов [10]. Тезис о сдерживании таким образом КНДР не состоятелен, поскольку предполагаемые вооружения будут обладать значительным избыточным потенциалом для решения данной задачи, налицо явное стремление не отставать от Китая, особенно в контексте вероятных рецидивов конфликта вокруг спорных островов Сенкаку/Дяоюйдао. Не случайно, главной целью в новой военной программе Японии названа «подготовка сил самообороны к возможной высадке на южных островах потенциального противника», при этом очевидно, что претендент на эти острова в

сущности только один – КНР [7].

Между тем, Южная Корея обозначила собственную заинтересованность в большей интеграции с американской системой ПРО. Она планирует построить новую военно-морскую базу в южной части острова Чеджу, чтобы расширить направление своих морских операций. Сеул планирует ввести в доки Чеджу эсминцы, снабжённые системами «Иджис», являющиеся важнейшим компонентом системы противоракетной обороны США. Более того, ещё в 2012 г. было принято совместное решение Вашингтона и Сеула, в рамках которого американцы разрешили своим союзникам расширить радиус действия их баллистических ракет с 300 до 800 километров [12], что позволит южанам при необходимости поразить любую цель на территории КНДР, но вместе с тем создаёт и предпосылки для дальнейшего расширения действия ракет, что вызывает серьёзную озабоченность не только в Китае, но и в Японии. В сентябре 2012 года тогдашний президент Южной Кореи Ли Мен Бак одобрил предложенный Министерством обороны "Среднесрочный план развития национальной обороны в 2013-2017 гг.", включающий в себя беспрецедентную в истории страны модернизацию военно-морских сил, причём их приоритетной задачей даже официально декларируется уже не только традиционное противодействие угрозе с Севера, но и создание флота, способного участвовать в дальних морских операциях. На эти цели предполагается выделить 177 млрд. долларов. По оценкам экспертов, при таких темпах наращивания, к 2020 г. южнокорейский флот по численности войдёт в семёрку крупнейших ВМС в мире [1]. Очевидно, что, как и в случае с Японией, речь здесь идёт не столько о защите от потенциальной угрозы с Севера, сколько о негласном соперничестве с Пекином, и, в особенности, с Токио. Другим важным моментом является ставка Сеула на свои ракетные силы. За пять ближайших лет Южная Корея намерена закупить 900 ракет (в первую очередь баллистических) на общую сумму 2, 4 триллиона вон (около 2 миллиардов долларов). В итоге на вооружении у южан должно оказаться в общей сложности 1700 ракет [3], что должно позволить при начале войны на Корейском полуострове за первые сутки ведения боевых действий уничтожить до 70% огневого потенциала Северной Кореи, включая все 25 известных ракетных баз Пхеньяна.

Что касается Китая, то для основного претендента на лидерство в СВА на данный момент главной головной болью остаётся решение проблемы, как не допустить реализации Соединёнными Штатами стратегии окружения китайского побережья своими военными базами, создающей возможность при необходимости осуществить стратегию геэкономического удушения Пекина, чрезвычайно зависимого от поставок углеводородов по морю [11]. Такое «стратегическое одиночество» Поднебесной в регионе, одобренное мощным экономическим ростом последних лет, невольно вынуждает её на огромный рост военных расходов: с 2002 г. бюджетные ассигнования на оборону выросли в 5 раз, а в рейтинге оборонительных затрат государств Китай за это время вышел в лидеры по АТР, а в мировом поднялся с 7 строчки на вторую и с серьёзным отрывом опережает своих соседей по таблице, потратив в 2012 г. на оборону 106 млрд. долл. (ежегодный рост – более 10%) [2]. Более того, на самом деле это только те деньги, которые выделены на бюджетную статью «Национальная оборона», в то время как вопросы финансирования фундаментальных оборонных исследований и общего развития ВПК курируются государственными фондами (Фонд научных исследований и разработок и Фонд развития новых видов продукции), расходы на которые в эту статью не входят, следовательно, установить точный военный бюджет КНР невозможно, но, по мнению Стокгольмского международного института

исследования проблем мира (SIPRI) и американского Центра стратегических международных исследований (CSIS), он примерно в 2-2,5 раза больше официального [13]. Не стоит забывать и о том, что Китай также ведёт многочисленные территориальные споры (помимо конфликта с Японией о Дяоюйдао это также острова Спратли и Парасельские острова). Кроме того, Пекин по-прежнему не отказывается от своего давления на Тайвань, не случайно в своей военной доктрине главной задачей Поднебесная видит «воссоединение Родины». Реализацию своих интересов в регионе КНР, равно как и остальные страны, доверяет прежде всего ВМС: в ближайшие 20 лет в стране планируют построить 113 боевых кораблей, и уже в 2015 году Китай должен стать крупнейшей судостроительной державой мира [4].

Итак, подводя итог, можно заключить, что основными особенностями гонки вооружений «по восточно-азиатски» являются, во-первых, преимущественное внимание модернизации и наращиванию военно-морских сил. Это объясняется прежде всего тем, что предполагаемые театры военных действий для стран региона – спорные территории в море: острова, шельфы, рифы и т.п. Во-вторых, темпы наращивания военных статей бюджета почти во всех странах Северо-Восточной Азии – рекордные со времён Второй мировой войны, а в некоторых государствах – и вовсе за всю историю. С одной стороны, такое резкое увеличение трат на национальную оборону является закономерным следствием длительного устойчивого экономического роста стран региона, но при отсутствии очевидных неотложных угроз региональной безопасности (поскольку ядерная программа КНДР на сегодня ещё не представляет явной опасности даже для государств-соседей) поднятие финансирования ВПК на исторически рекордные уровни выглядит довольно странным, поскольку даже несмотря на успехи последнего времени, и у Республики Корея, и у Японии, и у КНР всё равно остаётся целый ряд нерешённых внутренних проблем, для которых дополнительное финансирование также было бы как минимум не менее важно, чем для производства военного потенциала, очевидно избыточного при декларируемых целях и угрозах.

А между тем, несмотря на последовательную декларацию планов по модернизации своих вооружённых сил всеми ведущими странами СВА в течение нескольких последних лет, для перехода к практической реализации этих планов им в любом случае требуется какой-то веский повод, ибо такие серьёзные расходы на оборону далеко не в традиции азиатских государств, развивающихся последние полвека пусть и во многом формально, но всё же духе пацифизма и либерализма. Таким поводом, вне всякого сомнения, является, конечно, северокорейская ядерная программа. Перешедшая уже на «атомный» уровень конфронтация двух Корей за последние десятилетия превратилась в одну из самых главных проблем всей глобальной системы международных отношений и, безусловно, самую главную в Северо-Восточной Азии, посему вполне логично, что именно противодействие угрозе из Пхеньяна является главным аргументом для остальных государств Северо-Восточной Азии в спорах о резонности такого стремительного наращивания военных «мускулов». Так или иначе, северокорейская ядерная программа устраивает всех участников политического процесса в СВА, позволяя решать свои военно-политические задачи, при этом не сильно теряя в собственном репутационном весе: Китаю – иметь некий «буфер», обеспечивающий относительное прикрытие от Сеула и Токио, а также гарантированный доступ в порты КНДР, дающий стратегическое преимущество перед Японией и Южной Кореей, не говоря уже о том, что, будучи единственным союзником КНДР и имея таким образом практически неограниченное влияние на Пхеньян, КНР владеет всеми рычагами для всестороннего

торможения процесса воссоединения Кореи, невыгодного Пекину ни в коей мере, поскольку объединённая Корея, со своим потенциальным 75-миллионным населением, получившая новый качественный импульс экономического роста за счёт «северной» дешёвой рабочей силы и не нуждающаяся таким образом в масштабных тратах на противостояние своим кровным братьям по полуострову, а пускающая эти ресурсы на создание объединённых мощных вооружённых сил, становящихся сопоставимыми с самой НОАК, несомненно значительно осложнит установление Китая как абсолютного гегемона в СВА; США благодаря угрозе от «ядерного режима» получают идеологическое оправдание своему увеличивающемуся военно-морскому присутствию вблизи Корейского полуострова (которое для них особенно важно сейчас, в контексте сдерживания КНР в рамках обозначенной ранее переориентации на Азиатско-Тихоокеанский регион), а Республика Корея и Япония – расширению своих военных возможностей, в котором обе они по тем или иным причинам ранее были серьёзно ограничены. Поэтому, если давление на КНДР и будет возрастать, то задачу непременно решить данный конфликт в самое ближайшее время вряд ли кто-то будет ставить серьёзно – слишком велик может оказаться соблазн попробовать воспользоваться данной ситуацией для решения собственных проблем в столь важном регионе. В этом контексте особенно показательна реакция в виде повышенного внимания не только специалистов-международников, но и СМИ, которое проявилось после осуществления КНДР третьего ядерного испытания 12 февраля 2013 года. Тем более не удивителен тот факт, что власти остальных стран региона, вопреки принятому обычно в таких случаях призыву к своим гражданам сохранять спокойствие и быть уверенными, что в случае каких-либо проявлений агрессии КНДР родное государство их непременно защитит, наоборот не только не пытались никого успокоить, а ещё больше разжигали в СМИ кампанию по созданию в обществе чуть ли не предвоенной атмосферы. Такое поведение властных элит государств СВА имеет под собой вполне резонную основу, поскольку именно пресловутая «северокорейская ядерная угроза» позволяет им легитимизировать в глазах своих народов и мирового сообщества собственные программы перевооружения и модернизации вооружённых сил, и именно эта, столь несвойственная ранее политическому истеблишменту стран Северо-Восточной Азии решимость дать ответ Пхеньяну не словом или долларом, а преимущественно «огнём и мечом», заставляет задуматься о том, что вероятность развёртывания гонки вооружений в регионе СВА в ближайшие годы может быть намного выше, чем нам это кажется в данный момент.

Литература

1. Восточный вектор: морские доктрины и будущее ВМС стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Национальная оборона [Электронный ресурс]. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0905/20267272/detail.shtml> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
2. Гусев С. Военные расходы Китая превысили 100 млрд долларов // РБК Daily онлайн 16.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/world/562949984332710> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

3. Кирьянов О. Южная Корея наращивает ракетный потенциал // Интернет-портал «Российской Газеты» 24.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/24/rockets-site.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
4. Кучеренко В. Прямо по курсу – эпоха больших открытий // Интернет против телеэкрана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contrtv.ru/common/3554/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
5. ПРО США: «восточноевропейскую» систему корректируют, а «азиатскую» наращивают? // Национальная оборона [Электронный ресурс]. URL: <http://old.nationaldefense.ru/283/308/index.shtml?id=3894> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
6. Союз по ПРО не соответствует требованиям времени // Газета «Жэньминь Жибао» он-лайн [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5861432.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
7. Стратегия безопасности Японии в контексте тенденций мировой геополитики // Журнал Мир и политика [Электронный ресурс]. URL: http://mir-politika.ru/357-bezopasnost_yaponii.html (дата обращения: 20.08.2013 г.).
8. США замкнут кольцо ПРО вокруг России на Дальнем Востоке // Информационное агентство Инфорос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=27396> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
9. США продолжают увеличивать финансирование систем ПРО – проект бюджета // Портал «РИА Новости» 15.02.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20110215/334373938.html (дата обращения: 20.08.2013 г.).
10. Чайковский М.М. Сравнение военных потенциалов США, КНР и некоторых стран АТР с точки зрения западных аналитиков // Центр военно-политических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/133> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
11. Luttwak E. The rise of China vs. the logic of strategy. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 310 pp.
12. South Korea increases ballistic missile capability // Euronews [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euronews.com/2012/10/07/south-korea-increases-ballistic-missile-capability/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
13. The Asian Conventional Military Balance in 2006 // Center for Strategic and International Studies [Электронный ресурс]. URL: <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vostochnyj vektor: morskie doktriny i budushhee VMS stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona // Natsional'naya oborona [Электронный ресурс]. URL: <http://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0905/20267272/detail.shtml> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
2. Gusev S. Voennye raskhody Kitaya prevysili 100 mlrd dollarov // RBK Daily onlajn 16.07.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://rbcdaily.ru/world/562949984332710> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
3. Kir'yanov O. YUzhnaya Koreya narashhivaet raketnyj potentsial // Internet-portal «Rossijskoj Gazety» 24.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/09/24/rockets-site.html> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
4. Kucherenko V. Pryamo po kursu – ehpokha bol'shikh otkrytij // Internet protiv teleehkrana [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contrtv.ru/common/3554/> (дата обращения: 20.08.2013 г.).
5. PRO SSHA: «vostochnoevropejskuyu» sistemu korrektiruyut, a «aziatskuyu» narashhivayut? // Natsional'naya oborona [Электронный ресурс]. URL: <http://old.nationaldefense.ru/283/308/index.shtml?id=3894> (дата обращения: 20.08.2013 г.).

6. Soyuz po PRO ne sootvetstvuet trebovaniyam vremeni // Gazeta «ZHehn'min ZHibao» on-lajn [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5861432.html> (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

7. Strategiya bezopasnosti Yaponii v kontekste tendentsij mirovoj geopolitiki // ZHurnal Mir i politika [EHlektronnyj resurs]. URL: http://mir-politika.ru/357-bezopasnost_yaponii.html (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

8. SSHA zamknut kol'tso PRO vokrug Rossii na Dal'nem Vostoke // Informatsionnoe agentstvo Inforos [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=27396> (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

9. SSHA prodolzhayut uvelichivat' finansirovanie sistem PRO – proekt byudzheta // Portal «RIA Novosti» 15.02.2011 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ria.ru/defense_safety/20110215/334373938.html (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

10. CHajkovskij M.M. Sravnenie voennykh potentsialov SSHA, KNR i nekotorykh stran ATR s tochki zreniya zapadnykh analitikov // TSentr voenno-politicheskikh issledovaniy [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.eurasian-defence.ru/node/133> (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

11. Luttwak E. The rise of China vs. the logic of strategy. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 310 pp.

12. South Korea increases ballistic missile capability // Euronews [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.euronews.com/2012/10/07/south-korea-increases-ballistic-missile-capability/> (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

13. The Asian Conventional Military Balance in 2006 // Center for Strategic and International Studies [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://csis.org/publication/asian-conventional-military-balance-2006> (data obrashheniya: 20.08.2013 g.).

УДК 343.4

Сухаренко А.Н.
Sukharenko A.N.

Криминальная ситуация на Дальнем Востоке в зеркале статистики

The crime situation in the Far East through statistics

В сообщении приводятся официальные статистические показатели динамики преступности в Дальневосточном федеральном округе в 2007 – 2012 гг. и дается оценка их надежности.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, правоохранные органы, преступность, статистика*

The scientific message listed the official statistics of the dynamics of crime in the Far Eastern Federal District in 2007 - 2012 and an assessment of their reliability.

Key words: *Russian Far East, law enforcement, crime, statistics*

В последние годы в России в целом и в ДФО в частности наблюдается снижение официально зарегистрированной преступности. Так, за 2007-2012 гг. число зарегистрированных на территории округа преступлений сократилось в 1, 7 раза, а тяжких и особо тяжких – вдвое. Между тем уровень региональной преступности превышает общероссийский на 27% (в 2012 г. – 2043, 5 преступления на 100 тыс. человек населения; Россия: 1609, 3).

«Позитивные» статистические показатели о состоянии преступности и борьбе с ней, прежде всего, связаны с растущей латентизацией преступности, её выборочным учётом, а в силу этого – и с серьёзным завышением её раскрываемости. Порочной практикой регистрации преступлений можно «замедлить» или «снизить» темпы прироста преступности. Если выборочным учётом преступлений ещё и управлять (уходить от регистрации трудно раскрываемых дел и охотно регистрировать очевидные), то можно добиться заметного роста раскрываемости. Такие манипуляции подрывают доверие населения к правоохранительным органам, а это снижает заявляемость («всё равно ничего не будут делать») о преступлениях и приводит к ещё большему «улучшению» показателей результативности борьбы с преступностью.

Проанализировав изменения Уголовного кодекса РФ, некоторые показатели уровня жизни и численности населения, а также деятельность правоохранительных органов по рассмотрению заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что реальный уровень преступности не уменьшается, а наоборот, увеличивается. С уменьшением с 2006 г. официальной зарегистрированной преступности в России

СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности» (г. Владивосток). **E-mail:** sukharenko@mail.ru

одновременно значительно увеличивается доля искусственной латентной преступности.

Оценивая деятельность правоохранительных органов, нельзя обойти стороной анализ работы по рассмотрению заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях. Предполагается, что существует некоторая взаимосвязь между количеством рассмотренных заявлений и количеством зарегистрированных преступлений. Чем больше в году зарегистрировано заявлений, тем больше официально зарегистрированных преступлений.

Тем не менее, складывается парадоксальная ситуация, когда в 2007-2012 гг. количество зарегистрированных заявлений и сообщений о происшествиях росло, а количество зарегистрированных преступлений, наоборот, снижалось. Так, в 2007 г. в ДФО было зарегистрировано 1 235 295 заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях (+7, 6%), а в 2012 г. – уже 1 358 423 (+3, 7%).

Несмотря на увеличение количества рассмотренных заявлений и сообщений о происшествиях, количество решений о возбуждении уголовных дел с 2007 г. по итогам рассмотрения указанных заявлений уменьшается. Так, в 2007 г. по результатам рассмотренных заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях в ДФО было принято 180 096 решений о возбуждении уголовных дел (-9, 2%), в 2012 г. – 97 254 (-6, 4%).

Уменьшению количества решений о возбуждении уголовных дел соответствует увеличение с 2007 г. количества принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, в 2007 г. по результатам рассмотренных заявлений и сообщений о происшествиях в ДФО было принято 282 500 решений об отказе в возбуждении уголовного дела (+8, 7%), а в 2012 г. – уже 289 898 (-3, 8%).

Чем можно объяснить активность граждан по увеличению количества обращений в правоохранительные органы? И как объяснить ситуацию, что одновременно с увеличением количества обращений в правоохранительные органы происходит обратная реакция в виде уменьшения количества принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам рассмотрения указанных сообщений?

Можно предположить, что за последние шесть лет у россиян вырос уровень доверия к правоохранительным органам, и большинство спорных вопросов они теперь пытаются решить с их помощью. Одновременно можно предположить, что за указанный период существенно снизился уровень правовой культуры граждан, и наоборот, возрос уровень тревожности. Теперь любой спорный вопрос, конфликт, лежащий за рамками правового регулирования, россияне пытаются решать именно с помощью государства, когда на самом деле, такая помощь вовсе и не требуется. Об этом может косвенно свидетельствовать увеличение с 2007 г. количества принятых решений об отказе в возбуждении уголовного дела именно за отсутствием события (состава) преступления.

Поддерживаем мнение профессора В.В. Лунеева [1, с. 15], что «несмотря на пороки административной практики, которые следует учитывать при качественном анализе, параллельные статистические ряды учтённых преступлений и административных правонарушений указывают на тесную взаимосвязь прироста правонарушений с приростом преступлений. Увеличение выявленных правонарушений на одну тысячу статистически влечёт за собой 40-50 преступлений. Между этими процессами существует прямая и значимая корреляционная взаимосвязь».

В связи с этой интересной гипотезой проанализируем результаты рассмотрения заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, по которым были приняты решения о возбуждении дел об адми-

нистративном правонарушении. Так, в 2007 г. в ДФО было принято 169 412 решений о возбуждении дел об административном правонарушении (+12, 4%), а в 2012 г. – 187 655 (-1, 1%).

Соответственно, за 2007-2012 гг. количество решений о возбуждении дел об административном правонарушении по результатам рассмотренных заявлений и сообщений выросло на 90, 2%.

Оценивая зарегистрированную преступность и официальные данные о раскрываемости преступлений, а также другие результаты борьбы с преступностью, необходимо сознавать степень их надёжности. При наличии сомнений уточнение официальной статистической отчётности можно осуществить с помощью выборочных изучений, в том числе и выборочного опроса граждан.

Литература

1. Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России. // Государство и право, 2004. № 1.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Luneev V.V. Tendentsii sovremennoj prestupnosti i bor'by s nej v Rossii. // Gosudarstvo i pravo, 2004. № 1.

Таблица 1. Динамика числа преступлений, зарегистрированных в ДФО, за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Общее количество преступлений	219938	193200	167576	143615	129346	128045
В т.ч. тяжких и особо тяжких	60752	51478	44093	36112	31803	30135
Выявлено лиц, совершивших преступления	77303	75033	71911	67009	59268	58771
Кф. преступности на 100 тыс. населения	3379, 0	2978, 5	2594, 0	2229, 9	2008, 4	2043, 5

Таблица 2. Динамика числа «индексных» преступлений, за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во преступлений против личности	9418	8746	7816	7273	7099	6528
против собственности	148114	126490	104296	88680	83240	60732
совершены группой лиц	14671	12925	10195	8082	6853	9224
ранее совершавшими преступления	35826	37793	35147	34044	35560	38815
несовершеннолетними	11435	9913	7939	6596	5962	5407

Таблица 3. Динамика числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во преступлений	15335	14121	13688	13410	11468	11649
В т.ч. тяжких и особо тяжких	9397	8924	8592	8024	7201	7483

Таблица 4. Динамика числа преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во преступлений	1539	1698	1812	1652	1468	1574
В т.ч. преступления, совершенные с использованием оружия	1222	938	684	496	404	526

Таблица 5. Динамика числа экономических преступлений, зарегистрированных за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во преступлений	23300	22531	19239	10725	5969	4374
в т.ч. в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ)	5033	4121	4390	2828	1667	971
против интересов госвласти (гл. 30 УК РФ)	1785	2272	1573	1171	721	657

Таблица 6. Динамика числа преступлений, совершённых организованной группой или преступным сообществом за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во преступлений	3000	2086	1472	945	637	654
В т.ч. тяжких и особо тяжких	2910	1989	1392	938	611	626

Таблица 7. Динамика числа преступлений, совершённых иностранцами и лицами без гражданства за 2007 – 2012 гг.

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Кол-во преступлений	1005	1053	1045	1032	879	1017
против них	628	515	550	383	527	593

Источник табл. 1-7: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России»

УДК 343.9

*Никитенко И.В.
Nikitenko I.V.*

Преступность иностранцев: состояние и проблемы борьбы с ней (на примере азиатской части России)

**Crime Aliens: state and problems
of its control (on the example of the Asian part of Russia)**

В статье содержится анализ состояния, динамики и структуры преступности иностранных граждан в азиатском субрегионе РФ, а также предложены меры по ее снижению.

Ключевые слова: *преступность, иностранцы, закон*

The paper analyzes the state, dynamics and structure of the crime of foreign nationals in the Asian sub-region of the Russian Federation, as well as proposed measures to reduce it.

Key words: *crime, foreigners, law*

В последнее десятилетие наблюдаются существенные изменения в структуре миграции с точки зрения этнической и государственной принадлежности мигрантов в азиатской части России. Так, в восточной части Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на фоне традиционной миграции из КНР и КНДР, наблюдается значительный рост миграции из государств Средней Азии и Закавказья. Кроме этого отмечается незначительная миграционная активность граждан США и некоторых стран западной Европы, в основном для участия в совместной с российскими компаниями разработке полезных ископаемых (нефти, газа, редкоземельных металлов) в северо-восточной части Дальневосточного ФО. Наблюдается незначительный рост трудовой миграции из Индонезии и Малайзии для работы в лесопромышленном комплексе. Вместе с тем, отмечено незначительное снижение иммиграции из Вьетнама (от 3 до 5%) в Сибирском и Дальневосточном ФО за 2010 – 2012 гг.

Распределение иностранных трудовых мигрантов по территории азиатской части России происходит неравномерно. Наиболее привлекательным для мигрантов не из СНГ является Дальневосточный ФО. Наибольшее количество мигрантов прибывает в округ из КНР, КНДР, Вьетнама, Индонезии и Малайзии. Основная миграционная нагрузка приходится на Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Сахалинскую и Еврейскую АО.

Изменение структурных показателей миграции в 2006 – 2012 гг. в территориальных образованиях азиатской части России привело к изменению ряда криминогенных трендов, характерных для прежних мигра-

НИКИТЕНКО Илья Викторович, к.ю.н., начальник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Дальневосточному федеральному округу. (г. Хабаровск).

ционных потоков с точки зрения их этнической принадлежности. Так, если для преобладающих до 2006 г. в ДФО мигрантов из КНР, КНДР и Вьетнама были свойственны одни криминогенные проявления, то в дальнейшем количественное перераспределение миграционных потоков в пользу государств Средней Азии и Закавказья сопровождалось изменением и некоторых показателей преступности мигрантов.

Как показывает практика, мигрантами из стран Северо-Восточной Азии в основном совершаются преступления экологического характера (ст.ст. 256, 258, 260, 262 УК РФ) и в сфере экономической деятельности (ст.ст. 171, 171.1, 180, 191, 194 УК РФ). Реже по сравнению с другими категориями мигрантов ими совершаются преступления против государственной власти и порядка управления (ст.ст. 291, 322, 322.1, 327 УК РФ). Единичные случаи составляют преступления против личности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка.

Вместе с тем, результаты экспертных опросов свидетельствуют о том, что мигранты из стран Северо-восточной Азии отличаются от иных категорий большей организованностью, сплочённостью и скрытностью, что в итоге приводит к высокой латентности совершаемых ими преступлений и иных правонарушений. Показательными в этом смысле являются преступления, совершенные внутри национальных диаспор, мотивами которых часто являются личные конфликты. Информация о таких преступлениях, как правило, не выходит за пределы диаспоры. Так, за 2006 – 2012 гг. в Дальневосточном ФО было выявлено только 16 преступлений, совершенных внутри китайских, корейских или вьетнамских диаспор, но только в половине случаев органам предварительного следствия удалось сформировать необходимую доказательственную базу для предъявления обвинений. Кроме этого, лишь 9 из 16 выявленных преступлений относились к категории тяжких или особо тяжких против личности¹. По мнению экспертов, подобных преступлений совершается намного больше. Расследование выявленных преступлений, как правило, сопровождается активным противодействием со стороны членов диаспор, что значительно осложняет установление истины по уголовным делам этой категории.

Как было отмечено, некоторые изменения в структуре миграционных потоков, вызванные ростом миграции из стран СНГ (Средней Азии, Закавказья), привели к изменению сопутствующего криминогенного фона, и в количественном, и качественном выражении.

В отличие от мигрантов из стран Северо-Восточной Азии выходцы из Армении, Азербайджана, Киргизии, Казахстана, Молдовы, Узбекистана, Таджикистана чаще совершают преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности, собственности, общественной безопасности и общественного порядка. Значительно реже они совершают преступления против государственной власти и порядка управления, что, вероятно, обусловлено относительно либеральным миграционным режимом, установленным Россией с «ближним зарубежьем». В названных группах преступлений можно выделить деяния, предусмотренные ст.ст. 112, 115-116, 131-132, 134, 158-159, 161-163, 186, 209, 213, 228-228.2, 260, 322.1, 327 УК РФ. При этом отмечался прирост от 8 до 12% корыстных и корыстно-насильственных преступлений, совершенных ими в период острой фазы мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 году.

Для объективности криминологической характеристики миграционной преступности в азиатской части России следует представить неко-

¹ Сведения получены из информационно-аналитических подразделений территориальных ОВД Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Еврейской автономной, Сахалинской областей, МВД Республики (Саха) Якутии.

Таблица 1. Удельный вес регистрируемых преступлений иностранных граждан в расчёте на 10 000 человек местного населения

Место	Регион	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
	Россия	2, 7	2, 8	3, 4	3, 5	3, 8	3, 7	3, 8	3, 9	3, 6	3, 3	3, 3
1	Сиб. ФО	3, 3	3, 5	4, 1	4, 2	4, 3	4, 2	4, 8	4, 9	4, 6	4, 2	3, 8
2	Ур.ФО	3, 4	3, 6	4, 6	4, 8	4, 9	4, 7	4, 6	4, 8	4, 6	4, 0	4, 1
3	ДФО	3, 5	3, 6	4, 2	4, 3	4, 6	4, 8	5, 1	4, 9	4, 4	4, 1	3, 9

Источник: ГИАЦ МВД России

торые общие и частные показатели преступности иностранных мигрантов за последние 10 лет. Это позволит в определенной степени оценить реальные масштабы угрозы исходящей от мигрантов, а, следовательно, сосредоточиться на разработке соответствующих средств антикриминальной защиты.

Представленные данные свидетельствуют о том, что на протяжении более чем десяти лет наблюдается незначительный перманентный рост преступности мигрантов в азиатском макро регионе России и это притом, что динамика латентной преступности, как правило, значительно выше показателей официальной статистики. Нередко это связано с возможностью иностранных мигрантов скрыться от уголовного преследования у себя на родине, либо из опасений запрета на въезд в Россию в связи с судимостью.

Из выше приведенных данных видно, что три федеральных округа России, образующих ее азиатскую часть – Сибирский, Уральский, и Дальневосточный стабильно занимают верхние позиции общероссийского рейтинга, как округа с наиболее неблагоприятной криминальной обстановкой вообще и наиболее высокими показателями преступности иностранных граждан, в частности. Вполне естественно, что и субъекты РФ, образующие административно-территориальную структуру перечисленных округов (напр., Приморский, Хабаровский, Забайкальский, Красноярский края; Амурская, Иркутская, Новосибирская области и т.д.) также занимают первые строки в рейтинге регионов относительно уровня преступности. Исключением являются Камчатский край, Республика Саха (Якутия), Омская область, Чукотский и Усть-Ордынский Буятский автономные округа.

Данные факты свидетельствуют в пользу наличия контрастных региональных особенностей, влияющих на основные показатели преступности в территориальных образованиях азиатской части России. Наличие таких особенностей подтверждается временем, так как лидирование по основным показателям преступности в этих регионах отмечается на протяжении последних 10 лет.

Среди федеральных округов азиатской части РФ наиболее показательным в части экстраполяции основных трендов миграционной преступности является Дальневосточный ФО. Так, в период с 2008 по 2011 гг. отмечалась отрицательная динамика преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Однако в 2008 году общий прирост таких преступлений в округе составлял 4, 8%. Вместе с тем, в I полугодии 2012 г. в Дальневосточном округе отмечен рост практически на треть числа преступлений, совершенных иностранцами

(+29, 9%; Россия: -6, 9%), в том числе: в Чукотском автономном округе (+400%), Магаданской области (+266, 7%), Камчатском крае (+200%), Хабаровском крае (+82%), Сахалинской области (+54, 3%), Республике Саха (Якутия) (+30, 8%), Еврейской автономной области (+20%), Амурской области (+4%). Уменьшилось количество таких преступлений только в Приморском крае (-6, 3%), на фоне подготовительных мероприятий к Саммиту АТЭС.

Подавляющее большинство таких преступлений было совершено гражданами стран СНГ. Так, в 2012 году этот показатель составил 86, 2% от общего числа преступлений, совершенных иностранцами, и в течение последних трёх лет варьируется в пределах 68-70%.

Наибольшее количество преступлений совершают мигранты из Узбекистана (23, 8%), Китая (16, 5%), Кыргызстана (13, 8%), Украины (11, 9%), Азербайджана (10, 9%), Таджикистана (6, 0%), Армении (5, 8%).

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений устойчиво снижался: с 40, 6% в 2008 г. до 30, 6% в 2011 г., в I полугодии 2012 г. – 23, 2%. Однако уже к концу 2012 г. рост числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных иностранцами, составил 3, 4%.

Удельный вес экономических преступлений совершенных иностранцами, динамично снижался: в 2008 г. 25, 7%; 2009 г. 20, 6%; 2010 г. 11, 8%; 2011 г. 6, 8%; 2012 году 8, 2%. В 2012 г. рост количества таких преступлений составил 3, 2%.

В структуре преступности иностранцев удельный вес хищений чужого имущества, совершенных путем краж, мошенничества, грабежа, разбоя составляет в среднем 18-26% (в 2008 г. 25, 7%; в 2009 г. 18, 2%; в 2010 г. 26, 3%; в 2011 г. 20, 7%; в I полугодии 2012 г. 26, 2%).

В 2012 г. рост хищений чужого имущества составил 52, 8%, в том числе краж (+85, 2%) и разбоев (+20, 0%). Количество мошенничеств и грабежей уменьшилось на 20, 0% и 27, 8% соответственно.

Удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, среди иностранцев постоянно варьируется (в 2008 г. 14, 5%; 2009 г. 22, 2%; 2010 г. 17, 1%; 2011 г. 16, 0%; в I полугодии 2012 г. 11, 5%). В 2012 г. количество наркопреступлений увеличилось на 16, 2%.

Отмечается существенный рост преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия. Так в период с 2008 г. по 2012 г. количество таких преступлений возросло более чем втрое.

Почти треть всех преступлений была совершена иностранцами, прибывшими для работы по найму (29, 8%) (2008 г. 10, 2%; 2009 г. 13, 2%; 2010 г. 14, 5%; 2011 г. 17, 8%), рост преступлений, совершенных этой категорией лиц, составил 124, 6%.

Иностранцами, находящимися на территории РФ нелегально, совершено лишь 4, 6% преступлений (2008 г. 6, 2%; 2009 г. 7, 0%; 2010 г. 8, 8%; 2011 г. 8, 4%), количество таких преступлений увеличилось на 4, 3%.

В 2012 году иностранцами было совершено 62 групповых преступления, в том числе 22 – тяжких и особо тяжких, 26 краж, 2 разбойных нападения, 18 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В составе организованных групп и преступных сообществ иностранцами было совершено 23 преступления, в том числе 8 тяжких и особо тяжких, 12 – связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Преступная деятельность иностранных граждан, учитывая их соотношение с местным населением, оказывает заметное влияние на криминогенный фон в округе. Так, в 2012 г. количество таких преступлений в общем массиве составило 1, 7%, выявлено 620 лиц (+8, 6%) или 2, 4% от общего числа лиц, совершивших преступления.

В приграничных регионах ДФО наблюдается повышенный интерес со стороны транснациональных преступных групп, в которые часто входят выходцы из стран Северо-Восточной Азии, к природным ресурсам.

На фоне динамичного роста иностранной миграции, которая естественно сопровождается увеличением числа нарушений миграционного законодательства и в том числе в организованных формах, количество выявляемых фактов организации незаконной миграции сохраняется на неоправданно низком уровне. Так, за последние два года в процессе реализации мероприятий, направленных на выявление фактов организации незаконной миграции, в органы внутренних дел было направлено всего 78 материалов для возбуждения уголовных дел по ст. 322.1 УК РФ. Однако возбуждено было лишь 22 уголовных дела в Республике Саха (Якутия), Амурской и Сахалинской областях, Приморском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. Из региональных УФМС в полицию был направлен 71 материал для возбуждения уголовных дел по ст. 327 УК РФ (в большинстве случаев имела место подделка миграционных карт и дат-штампов о продлении пребывания в России). Однако только в 15 случаях были найдены основания для возбуждения уголовных дел, по которым к уголовной ответственности привлечены 13 лиц, 11 из которых иностранцы. Кроме этого, за 2011–2012 гг. в ДФО были приняты решения о возбуждении еще 11 уголовных дел по аналогичным фактам, с привлечением к уголовной ответственности виновных лиц по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. В 11 случаях приняты решения о возбуждении уголовных дел по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Таблица 2.

Сведения по статьям УК РФ.	В целом по России			
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	%
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	6765	6667	98	1, 5
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по неадекватным основаниям	4184	3680	504	13, 7
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	2602	2355	247	10, 5
Привлечено лиц к уголовной ответственности	974	710	264	37, 2
Дальневосточный ФО				
Сумма по статьям УК РФ: 292.1, 322.1, 327 и другие	2011	2010	(+ / -)	(%)
Количество материалов, направленных ТО ФМС России для возбуждения УД	348	309	39	12, 6
Количество материалов, направленных ТО ФМС России, по которым возбуждены УД либо отказано в возбуждении УД по неадекватным основаниям	170	110	60	54, 5
Возбуждено УД по материалам ТО ФМС России	90	58	32	55, 2
Привлечено лиц к уголовной ответственности	19	15	4	26, 7

Источник: ФМС России

13 июня 2012 г. Президентом РФ была утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, одной из целей которой является противодействие незаконной миграции. Согласно Концепции, под незаконной миграцией понимаются перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории РФ и (или) осуществления ими трудовой деятельности [2].

30 декабря 2012 г. были подписаны Федеральные законы № 308-ФЗ и 312-ФЗ, которые вносят поправки в ст.ст. 322-322.1 Уголовного кодекса РФ и статьи 150-151 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Теперь пересечение Государственной границы РФ иностранцами, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешён, наказывается штрафом в размере до 300 тыс. рублей, либо принудительными работами на срок до 4-х лет, либо лишением свободы на тот же срок. За совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо с применением насилия или с угрозой его применения предусмотрено лишение свободы на срок до 6 лет.

В свою очередь, за организацию незаконного въезда в Россию иностранцев и лиц без гражданства, их незаконного пребывания в стране или незаконного транзитного проезда через территорию РФ увеличен максимальный размер штрафа с 200 до 300 тыс. рублей, максимальный срок обязательных работ – с 360 до 420 часов, максимальный срок исправительных работ – с года до двух лет, а принудительных работ – с двух до трёх лет. Максимальный срок лишения свободы вырос с двух до пяти лет с ограничением свободы с года до двух, а если те же деяния совершены организованной группой или в целях совершения преступления на территории России, срок увеличивается с 5 до 7 лет [3].

Для повышения эффективности противодействия незаконной миграции подготовлен законопроект, предусматривающий увеличение срока ограничения въезда на территорию РФ иностранцам и лицам без гражданства, являющихся злостными нарушителями миграционного законодательства, в отношении которых ранее уже выносились решения о реадмиссии, депортации либо административном выдворении (срок ограничения права на въезд иностранцу, в отношении которого повторно вынесены указанные решения, составит 10 лет). Кроме того, законопроектом устанавливаются последствия, наступающие для иностранца при вынесении в отношении него решения о неразрешении въезда в РФ: сокращение срока временного пребывания иностранного гражданина на территории РФ, невозможность получения разрешения на временное проживание или вида на жительство либо аннулирование ранее выданного разрешения на временное проживание или вида на жительство [1].

Наиболее эффективными способами снижения уровня незаконной миграции в ДФО являются развитие системы организованного набора рабочей силы в странах происхождения трудовых мигрантов; совершенствование системы выдачи разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности; легализация части незаконных трудовых мигрантов, не совершавших преступлений и имеющих стабильную работу; создание условий для адаптации и интеграции мигрантов; гармонизация и унификация миграционного законодательства и применение информационных технологий в сфере миграции; выработка единых подходов по вопросу реадмиссии граждан третьих государств, включая расходные обязательства сторон.

Литература

1. Законопроектом предусматривается возможность ограничения права на въезд в РФ// Legis.ru. 05.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legis.ru/misc/news/22591/> (дата обращения 01.06.2013 г.).
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения 01.06.2013 г.).
3. Российская газета. 11.01.2013.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Zakonoproektom predusmatrivaetsya vozmozhnost' ogranicheniya prava na v"ezd v RF// Legis.ru. 05.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legis.ru/misc/news/22591/> (дата обращения 01.06.2013 г.).
2. Kontseptsiya gosudarstvennoj migratsionnoj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 g. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/15635> (дата обращения 01.06.2013 г.).
3. Rossijskaya gazeta. 11.01.2013.

УДК 343.4

*Федоренко Т.А.
Fedorenko T.A.*

Транснациональные аспекты наркобизнеса в ДФО

Transnational aspects of drug trafficking in the FEFD

В статье содержится анализ наркоситуации на территории Дальнего Востока и роли иностранцев в её дестабилизации.

Ключевые слова: *наркотики, миграция, преступность*

The paper contains an analysis of the drug situation in the Far East and the role of foreigners in its destabilization.

Key words: *drugs, migration, crime*

Дальневосточный федеральный округ (ДФО) – обширный по территории регион (площадью 6, 169 млн кв.км, или 36, 1% всей территории России), в котором проживает 6440385 человек (4, 5% от численности населения России). Средняя плотность населения самая низкая в Российской Федерации – 1, 04 человека на 1 кв.км (в среднем по России – 8, 3 человека). Наиболее заселёнными являются южные регионы и районы, прилегающие к Дальневосточному участку Транссиба.

Результаты первого федерального мониторинга наркоситуации показывают, что уровень незаконного потребления наркотиков в ДФО, несмотря на тенденции к улучшению, остаётся стабильно выше среднероссийского. При этом показатель числа больных опийной наркоманией в расчёте на население округа меньше, а вот процентное соотношение потребителей препаратов, напротив, в 5 раз выше среднероссийского показателя. В настоящее время на территории ДФО официально зарегистрированы 17 тыс. лиц с диагнозом «наркомания». Ещё около 18 тыс. граждан стоят на учёте с диагнозом «употребление наркотических средств с вредными последствиями». Самая многочисленная группа риска наркопотребителей, с которой необходимо проводить превентивное профилактическое лечение, сложилась на Сахалине, Камчатке в Магаданской области и в Приморском крае.

Проведённый анализ показывает, что в период с 2008 по 2011 г. в округе, как и в целом по России, наметилась тенденция к снижению числа наркопреступлений (2008 г. – на 7, 9 %; 2009 г. – на 1, 3%; 2010 г. – на 2, 0%). Отмечавшаяся стабильная динамика снижения количества наркопреступлений была прервана в 2012 году¹.

ФЕДОРЕНКО Татьяна Анатольевна, начальник отдела Управления аппарата Государственного антинаркотического комитета по Дальневосточному федеральному округу (г. Хабаровск).

¹ Здесь и далее использована форма 1-НОН Главного информационного центра МВД России за 2008-2012 гг. и материалы Управления Федеральной службы по контролю за наркотиками (ФСКН) по ДФО.

За прошлый год на территории ДФО было зарегистрировано 11649 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, их аналогов и прекурсоров (+1, 4% к 2011 г.). Уровень наркопреступности на 100 тыс. населения составляет 185, 9 преступлений (Россия – 153, 1). За 2012 г. выявлено 6816 лиц, совершивших наркопреступления. Для сравнения: в 2009 г. – 7112, 2008 г. – 6 191, 2007 г. – 7057.

В структуре зарегистрированных наркопреступлений 7483 относятся к категории тяжких и особо тяжких 4229 (+3%), 10 193 совершены в крупном и особо крупном размере (+4, 6%). Большую часть преступлений стабильно составляют незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка и сбыт наркотиков.

Основным фактором, влияющим на наркоситуацию в округе, в том числе связанную с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, является его особое геополитическое расположение. Протяжённость государственной границы – 21156 км: сухопутная – 3891 км (в том числе с Китаем – 3875 км, с КНДР – 16 км) и морская – 17265 км.

За последние пять лет таможнями ДФО осуществлено около 2 тыс. изъятий наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Причём 87% пресечённых фактов контрабанды осуществлялось с территории КНР, 6, 7% – КНДР. В качестве перевозчиков выступали граждане КНР (63, 4%), России (25, 3%), КНДР (6, 7%), Вьетнама (1, 6%).

Статистический учёт показывает, что количество зарегистрированных в округе преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, увеличилось в 7, 1 раза (с 12 фактов в 2003 году до 85 фактов в 2012 году).

Наибольшее количество преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, было зарегистрировано в Приморском крае – 41, Амурской области – 13 и Магаданской области – 11. Меньше в Хабаровском крае – 7, Сахалинской области – 6 и Камчатском крае – 2.

За преступления, связанные с контрабандой наркотиков, задержано 30 лиц, 26 из которых граждане РФ. Из 85 зарегистрированных преступлений выявлены таможенными органами – 58 (68, 2%); следственными подразделениями ФСКН России – 23 (27, 1%); органами безопасности – 3 (3, 5%) и транспортной прокуратурой – 1 (1, 2%).

Из незаконного оборота было изъято 22, 3 кг перемещённых контрабандным способом через государственную границу РФ подконтрольных веществ, в том числе: свыше 14, 3 кг синтетических психоактивных веществ (64, 1%); 6, 2 кг сильнодействующих веществ (27, 9%); 1, 6 кг наркотиков каннабисной группы (7, 2%); 187, 8 г наркотиков опийной группы (0, 8%) из них 184, 5 г героина.

Контрабандный ввоз подконтрольных веществ на территорию ДФО осуществляется из Китая, Северной Кореи, Германии, Бельгии, Украины, Республики Словения, Кыргызстана, Таиланда, США и Перу.

Решение таких приоритетных задач, как перекрытие каналов поступления наркотических средств в округ, в том числе, их контрабандный ввоз, выявление наркопреступлений, в определённой степени обусловлено уровнем взаимодействия всех силовых структур между собой и с другими заинтересованными организациями.

Сегодня достаточно остро стоит проблема изъятий, как в субъектах ДФО, так и России в целом новых видов психоактивных веществ, которые не входят в перечень подконтрольных наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ и объём их поставок постоянно увеличивается.

Проведённый анализ показывает, что в 2013 году контрабанда новых видов психоактивных синтетических веществ будет оказывать существенное влияние на оперативную обстановку в сфере незаконного оборота наркотиков в Дальневосточном федеральном округе.

Исходя из анализа криминогенной характеристики лиц, совершивших наркопреступления, можно говорить, что преступления совершаются в основном гражданами России. Их удельный вес составил в 1990–2005 гг. 88, 8–94, 8%. В последние пять лет данный показатель стабильно составляет 98–99%. В то же время доля граждан стран–участниц СНГ, ранее составлявшая 7–8%, ежегодно снижается (для примера: 1992 г. – 7, 2 %, 2010 г. – 3, 2%, 2011 г. – 3, 1%, 2012 г. – 0, 9%). В 2012 г. на территории округа 77 иностранных граждан и лиц без гражданства (АППГ – 94) совершили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Доля иностранных граждан, лиц без гражданства, совершающих наркопреступления на территории ДФО, на протяжении последних лет незначительна и составляет немногим более 1%, что ниже, чем в целом по России (2011 г. – 1, 41%, Россия – 3, 1%; 2010 г. – 1, 38%, Россия – 3, 2%). В абсолютных же цифрах показатель выявления граждан государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан; в 2012 г. – 28, 2011 г. – 20, 2010 г. – 26, 2009 г. – 21, 2008 г. – 15, 2007 г. – 9) и граждан Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия; в 2011 г. – 38, 2010 г. – 39, 2009 г. – 26, 2008 г. – 25, 2007 г. – 28) увеличивается.

С одной стороны, приведённые данные свидетельствуют о том, что иностранные граждане и лица без гражданства не оказывают значимого влияния на наркоситуацию в округе, поскольку в целом по округу отмечается тенденция к снижению их числа (–18, 1% к 2012 г.). Однако в ряде субъектов округа отмечается рост числа иностранных граждан, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотиков. И при общей тенденции к снижению числа иностранных граждан, совершающих наркопреступления, в округе отмечен рост представителей Армении, Узбекистана, Казахстана и Украины. С другой стороны, снижение числа выявляемых иностранцев связано с тем, что наркопреступность всегда хорошо организовывается и конспирируется. Практика показывает, что иностранные наркоторговцы чаще привлекают к совершению преступлений россиян, которыми руководят, даже не находясь на территории округа. Кроме этого, в 2011–2012 гг. в трёх субъектах ДФО отмечался рост количества лиц без гражданства, совершивших наркопреступления (Приморском, Хабаровском краях и Сахалинской области).

На общем фоне преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств, явно обозначилась проблема преступных групп, возникающих на этнической основе. Как в Российской Федерации в целом, так и на территории округа наркобизнес в основном контролируется преступными сообществами, сформированными в том числе по этническому принципу (цыгане, таджики, азербайджанцы, чеченцы, ингуши, дагестанцы). На основе постоянных контактов с национальными диаспорами практически во всех регионах РФ обеспечивается функционирование разветвлённых схем поставок и сбыта наркотиков. Наибольшая криминальная активность иностранных граждан тесно связана с уровнем социально-экономического развития регионов и отмечается в Приморском, Хабаровском, Камчатском краях и в Амурской и Сахалинской областях.

Значительным криминогенным фактором, влияющим на наркоситуацию в округе, является то, что определённая часть международного наркотрафика в регионе остаётся латентной. Это подтверждают результаты проведённого опроса сотрудников правоохранительных органов ДФО. Так, 88% респондентов, принявших участие в исследовании, счи-

тают, что правоохранительными органами выявляется менее 25% транснациональных наркопреступлений.

Таким образом, приток мигрантов оказывает непосредственное влияние на наркоситуацию в ДФО. В этой связи назрела необходимость совершенствования норм антинаркотического и миграционного законодательства РФ в целях стабилизации наркоситуации в регионе.

**Информация
по вопросам депутатов Государственной Думы РФ
к Министру Российской Федерации по развитию
Дальнего Востока В.И. Ишаеву
в рамках «правительственного часа»
(г. Москва, 20 марта 2013 г.)¹**

**Information on questions of deputies of the State Duma
of the Russian Federation to the Minister
on the development of the Far East, V.I. Ishaev
under the "government hour"
(Moscow, March, 20th, 2013)**

Какие сегодня существуют основные проблемы в обеспечении национальной и региональной безопасности в ДФО?

Наиболее важными проблемами в реализации стратегического национального приоритета «Государственная и общественная безопасность» являются:

угроза территориальной целостности Российской Федерации вследствие проведения китайской стороной несогласованных дноуглубительных и берегоукрепительных работ на пограничных реках Амур и Уссури. Суммарные потери территории России в перспективе могут превысить 270 км² (для сравнения, общая площадь переданной в 2004 г. Китаю российской территории – 174 км²);

***Справочно:** В непосредственной близости к г. Хабаровску в результате искусственно спровоцированной китайской стороной деградации протоки Фуюаньшуйдао (ранее – Казакевичева) создаются предпосылки к рассмотрению о. Большой Уссурийский (о. Хэйсяцзыдао) коренным берегом КНР и требования пересмотра линии прохождения государственной границы.*

Сложившийся баланс сил и средств, привлекаемых для укрепления берегов, складывается не в пользу Российской Федерации. На отдельных участках пограничных рек фактическая линия прохождения госграницы (главный фарватер) уже отклонилась в сторону российского берега относительно её положения, определённого рядом двусторонних Соглашений.

– стратегическая слабость дальневосточных территорий заключается в дисбалансе между богатейшими запасами природных ресурсов и демографической ситуацией, слабо развитой инфраструктурой и отраслями перерабатывающей промышленности;

– стремление стран Азиатско-Тихоокеанского региона использовать дальневосточные территории в качестве источника природных ресурсов, научных и военно-технических разработок, рынка труда;

– попытки США и Канады пересмотреть, в ущерб интересам РФ, правовой и территориальный статус Арктики, в том числе за счёт муссирования «необходимости соблюдения прав и интересов коренных народов, проживающих в субарктических районах России», наращивания военного, промышленного и научного присутствия в арктическом регионе, а также устремления к нему ряда нерегionalных стран – Японии, Китая и Р. Кореи;

¹ Источник: Парламентская библиотека Государственной Думы РФ / Предоставлено А.Н. Сухаренко

– проведение органами власти и неправительственными организациями Японии политики, направленной на ужесточение позиции по вопросу территориального размежевания с Россией, способствующей осложнению двусторонних дипломатических, политических и экономических отношений;

– неснижающаяся активность противоправной деятельности трансграничных преступных групп на канале незаконной миграции, добычи и контрабанды водных биологических ресурсов, наркотиков, стратегических материалов, драгоценных металлов;

– попытки Китая обеспечить геополитические преимущества за счёт переноса центров развития на территорию сопредельного с Россией приграничья, формирования там сети научно-промышленных зон, выполняющих, одновременно, функции транспортных логистических схем и узлов, а также использование этой компоненты приграничного сотрудничества в качестве инструмента изменения геополитических реалий;

– формирование властями Китая международных транспортно-логистических маршрутов из Японского моря в Европу через территорию КНР и стран Центрально-Азиатского региона, альтернативных и более конкурентноспособных транспортному коридору Российской Федерации;

– угрозу безопасности РФ на региональном уровне формирует перенасыщение рынка продовольственных и промышленных товаров из Китая;

Справочно: На границе КНР с Амурской областью в районе сопредельного г.Хэйхэ создана зона китайско-российской торговли «Хуши», рассматриваемая китайской стороной в качестве основного плацдарма для массированного сбыта товаров в направлении Амурской области. Для привлечения российских граждан к участию в «приграничной народной торговле» с января 2004 г. данный торговый центр открыт для их посещения в безвизовом (упрощённом) порядке с правом проживания до 30 суток в гостиницах или приобретённых (взятых в аренду) жилых помещениях.

Указанная политика властей сопредельной провинции негативно сказывается на поступлении в бюджет РФ таможенных платежей, а также способствует насыщению российского рынка дешёвыми видами импортных потребительских товаров. Увеличение объёмов и ассортимента указанной продукции влечёт за собой вытеснение с местных рынков российских товаров, затрудняет развитие отечественного производства, негативно сказывается на решении проблем занятости населения.

– лоббирование российскими провинциальными властями изменения права собственности на объекты пограничной инфраструктуры и продажи её, под видом оздоровления муниципальных бюджетов, коммерческим организациям со 100% иностранным капиталом;

– взятие иностранными компаниями в долгосрочную аренду российских месторождений полезных ископаемых, лесных и сельскохозяйственных угодий с устройством рабочих мест для иностранных граждан, что впоследствии может привести к монополизации добывающих отраслей экономики и сельского хозяйства дальневосточных субъектов РФ;

– практика передачи земельных участков иностранным гражданам, лицам без гражданства и иностранным юридическим лицам в долгосрочную (на 49 лет) аренду, что сопоставимо с обладанием права собственности. Просматривается тенденция реализации земельных участков российским юридическим лицам, в уставном капитале которых имеется более 50% доли иностранного капитала;

– неэффективна работа рыбохозяйственного комплекса. На долю экспорта рыбы и морепродуктов первичной переработки с низкой добавленной стоимостью приходится более 90%. Этому способствует недостаток складских припортовых холодильных мощностей Дальнего Востока. Российские рыбаки активно работают на иностранных рыбных рынках и не заинтересованы в строительстве аналогичных холодильников на территории российских прибрежных регионов. Осуществляется переход рыбохозяйственного комплекса в теневой сектор, что способствует криминализации рыбной отрасли, формированию трансграничных организованных преступных групп;

Справочно: *Иностранная статистика о поставляемой из ДФО в страны АТР рыбопродукции превышает российскую от 1, 7 до 7 раз. За 2008-2012 гг. экспорт рыбы, ракообразных, моллюсков и других водных беспозвоночных по данным Дальневосточного таможенного управления составил 4634,4 тыс. тонн, что на 730,5 млн. тонн меньше данных Японии, Республики Корея и КНР (на сумму 6 млрд. 138 млн. долл.).*

Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока на заседании Президиума Государственного Совета РФ 29 ноября 2012 года внесло предложение по реализации необработанной древесины и водных биоресурсов через аукционные торги. Создание системы аукционных торгов обеспечит переход торговли дальневосточной лесопродукцией и уловов водных биологических ресурсов к организованному оптовому рынку товаров, а также прозрачность их оборота и получения справедливой цены на рынках стран АТР.

– неэффективное использование ресурсов леса остаётся одной из главных причин злоупотреблений и коррупции в этой отрасли. Лесная промышленность России заготавливает леса больше, чем Финляндия – в 4 раза, Канада – в 3, 3 раза, Малайзия – в 5, 6 раза. При этом из одного кубометра спиленного леса получает товарной продукции по стоимости меньше, чем Финляндия – в 4, 4 раза, Канада – в 3, 7 раза, Малайзия – в 5, 5 раза.

– проблема противодействия коррупции остаётся достаточно острой, несмотря на некоторое снижение количества коррупционных преступлений в 2012 г. (657 преступлений, в 2011 г. – 721);

– в ряде субъектов округа осложняется общественно–политическая обстановка вследствие роста населения, исповедующего ислам. Руководители мусульманских религиозных объединений инициируют её обострение с целью оказания давления в вопросе выделения земельных участков под строительство мечетей в черте городов;

– отмечается активное распространение националистической идеологии среди представителей коренных малочисленных народов Севера;

– наркомания и наркобизнес на Дальнем Востоке из криминальной проблемы в 90–х годах переросли в социальное явление. Основные причины – безработица и низкие доходы сельского населения при доступности сырья для производства каннабисных наркотиков;

Справочно: *Заболеваемость наркоманией в ДФО превышает среднероссийский уровень на 18, 5%, на учёт состоит свыше 17 тыс. наркоманов. На незаконный оборот наркотиков значительное влияние оказывает трудовая и нелегальная миграция; контрабанда синтетических наркотиков и психоактивных веществ из КНР, многие из которых не вошли в Перечень подконтрольных веществ;*

– принимаемые правоохранительными органами округа меры не в полной мере обеспечивают эффективность противодействия организованной преступности;

Справочно: *В 2012 г. количество преступлений, совершённых в составе организованных групп и преступных сообществ, выросло на 2,*

7% (637; Россия: +1, 8%). остаётся актуальной борьба с преступностью в сфере экономики. Наиболее криминализированными сферами остаются добыча и экспорт водных биоресурсов, лесодобывающая отрасль, золотопромышленный и алмазо-бриллиантовый комплексы;

– в последние годы отмечается устойчивый рост объёмов контрабанды редких видов растений и животных, находящихся под угрозой исчезновения. Основная причина – высокий спрос на них в традиционной медицине государств Восточной Азии.

В целях противодействия расхищению национальных богатств Российской Федерации (леса, руд, металлов, морских биоресурсов и т.д.), контрабанды редких видов растений и животных, находящихся под угрозой исчезновения, а также их дериватов, и незаконного вывоза их за рубеж в ДФО уже реализуются:

Перечень первоочередных мер по декриминализации приграничных регионов Российской Федерации, одобренный на заседании Государственной пограничной комиссии от 25 марта 2011 года № 1;

с 2008 г. – «План декриминализации основных отраслей экономики Дальнего Востока», утверждённый полномочным представителем Президента РФ и заместителем Генерального прокурора РФ. Его редакция от 15 апреля 2011 г. имеет целью борьбу с преступностью в наиболее криминогенных сферах хозяйственной деятельности – биоресурсы, лес, оборот драгоценных металлов и камней. В рамках данного Плана правоохранительными и контролирующими органами во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов РФ проводится мониторинг криминогенной ситуации, осуществляется комплекс профилактических и иных мероприятий, совершенствуется нормативно-правовая база;

таможенные органы Дальневосточного региона ведут борьбу с незаконным перемещением объектов флоры и фауны через таможенную границу.

Однако для повышения эффективности этой работы необходимо совершенствование российского законодательства в части:

усиления ответственности за недоставку добытых водных биологических ресурсов в российские порты;

разработки единой формы документа, подтверждающего законность заготовки, обработки, транспортировки и экспорта лесоматериалов;

установления мер уголовной ответственности, адекватных тяжести уничтожения объектов дикой флоры и фауны, находящихся под угрозой исчезновения.

– В целях противодействия трансграничной организованной преступности правоохранительными органами в ДФО осуществляется сотрудничество с органами КНР, Японии и стран СНГ.

Взаимодействие с Департаментом общественной безопасности провинции Хэйлунцзян КНР осуществляется в соответствии с соглашениями о сотрудничестве между МВД России и Министерством общественной безопасности КНР, протоколами рабочих встреч с Департаментом общественной безопасности провинции Хэйлунцзян КНР.

Во взаимодействии с правоохранительными органами Узбекистана в 2012 г. среди мигрантов выявлено 5 лиц, разыскиваемых за совершение преступлений террористического и экстремистского характера.

Основной формой сотрудничества является обмен информацией на рабочих встречах, а также по запросам сторон.

Проблемой остаётся отсутствие на международном уровне чёткого механизма взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов, позволяющего оперативно, в разумные сроки получать из

иностранных государств исчерпывающую информацию и документы, способствующие раскрытию трансграничных преступлений.

Обстановка ДФО в антитеррористическом плане оценивается как контролируемая и стабильная. Международных террористических групп, вооружённых формирований, организованных преступных групп с признаками террористической направленности, а также лиц, причастных к террористической деятельности и финансированию терроризма, не имеется.

Принятые в прошедшем году органами исполнительной власти субъектов РФ и правоохранительными структурами меры способствовали предотвращению происшествий чрезвычайного характера и дестабилизации общественно-политической обстановки на Дальнем Востоке. Приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов округа в текущем году остаётся обеспечение безопасности важных государственных и общественно-политических мероприятий, предотвращение террористических проявлений и дестабилизации социально-политической обстановки.

В округе созданы рабочие группы по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём и противодействию финансированию терроризма и экстремизма, в состав которых вошли Межрегиональное управление Росфинмониторинга по ДФО, Центры противодействия экстремизму ГУ МВД России по округу и территориальных органов внутренних дел, региональные подразделения ФСБ.

Принимаемыми мерами пресечено имевшее место в 2010-2011 годах выведение крупных денежных средств за пределы России гражданами Китая, временно пребывающими на территории российского Дальнего Востока.

Справочно: До 90% дальневосточных финансовых операций осуществлялось через Амурскую область, где в 2010 г. было выведено около 38 млрд. рублей (что превысило областной бюджет на 5 млрд. руб.), в 2011 г. – около 23 млрд. рублей (около 60% областного бюджета).

Установлены основные схемы и механизм вывода из страны денежной массы, а также граждане КНР, осуществлявшие основные финансовые операции; определены банки, через которые выводились денежные средства («лидером» являлся коммерческий банк «Восточный», на долю которого приходилось до 97% от всей выведенной суммы). В сентябре 2011 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 193 Уголовного кодекса РФ (невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте) по факту вывода в Китай через «Восточный экспресс банк» денежных средств на сумму более 30 млн. рублей.

В результате проведённых оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий упреждающего характера, в том числе в отношении финансово-кредитных учреждений и физических лиц, задействованных в схемах, отвечающих за сбор и накопление «рублёвой» наличности на приграничной территории, в 2012 году вывод денежных средств за рубеж через Амурскую область и другие субъекты Российской Федерации в округе практически прекращён.

Массовая миграция китайцев в Россию началась после подписания Договора о безвизовом въезде в приграничные города в 1992 году. По мнению ряда экспертов, близость перенаселённого Китая может привести к серьёзным геополитическим проблемам России на Дальнем Востоке?

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках, заключённое в Пекине 18.12.1992 г., прекратило своё действие 29.02.2000 г.

После подписания указанного соглашения массовой миграции китайцев в Россию отмечено не было, поскольку ещё в первой половине 90-х годов Правительством РФ был принят целый ряд мер, позволивших взять под контроль поток мигрантов из Китая. Так, 6 декабря 1993 г. Правительство РФ ввело визовый режим пересечения границы для граждан КНР. 23 декабря 1993 г. было подписано межправительственное соглашение «О визовых поездках граждан России и КНР».

В настоящее время основными нормативными актами, регулируемыми миграционные потоки между Россией и КНР, являются межправительственное соглашение «О взаимных поездках граждан России и КНР» (заключено 29.02.2000 г.) и межправительственное соглашение «О безвизовых групповых туристических поездках граждан России и КНР» (заключено 29.02.2000 г., ред. 17.11.2006 г.).

Что касается геополитических проблем России на Дальнем Востоке вследствие близости перенаселённого Китая, то согласно официальным данным и экспертным оценкам, угроза китайской демографической экспансии на Дальнем Востоке России отсутствует. На начало 2013 г. численность граждан КНР, находящихся на территории Дальнего Востока, составляла порядка 30 тыс. чел., а граждан стран СНГ – 122, 5 тыс. чел.

Территориальными таможенными органами, органами ФМС активно пресекаются попытки нелегальной миграции граждан Китая, Южной Кореи, КНДР. Основными нарушениями являются попытки пересечения государственной границы по вновь оформленным паспортам, полученным после изменения личных данных – фамилии и имени, а также несоблюдение заявленной цели въезда, нарушение правил пребывания в Российской Федерации; осуществление трудовой деятельности у юридических лиц.

На Дальнем Востоке ежегодно растёт показатель поставленных на миграционный учёт иностранных граждан: в 2012 г. поставлено на миграционный учёт иностранных граждан на 23, 3% больше, чем в 2010 г. (667, 9 тыс. против 541, 7 тыс. человек соответственно).

Национальная структура временно пребывающих и проживающих в округе иностранных граждан за три года изменилась за счёт увеличения удельного веса граждан Узбекистана на 10, 7 процентных пункта (с 22, 3% в 2010 г. до 33, 0% в 2012 г.). В то же время удельный вес граждан КНР в 2012 г. снизился на 3, 9% по сравнению с 2010 годом. Структура национального состава находящихся на территории округа иностранных граждан на 01.01.2013 года выглядела следующим образом:

- граждане Узбекистана – 33%;
- граждане КНР – 16%;
- граждане Киргизии – 11, 3%;
- граждане Таджикистана – 9%;
- граждане Украины – 8, 2%;
- граждане Армении – 5, 9%;
- граждане Азербайджана – 2, 5%.

Большинство граждан СНГ въезжают на территорию Дальневосточного федерального округа с целью работы – 54, 5% и с частной целью – 43, 1%. Граждане КНР в 41, 4 % случаев въезда заявляют целью своего прибытия туризм и 28, 6 % – работу.

Причиной столь высоких темпов роста за последние два года количества пребывающих на территорию округа граждан СНГ является введение в России с июля 2010 г. системы патентов (введена Федеральным законом № 86-ФЗ от 19.05.2010), которая позволяет гражданам СНГ с безвизовым порядком въезда работать у физических лиц по патенту без оформления разрешения на работу и без прохождения медицинской комиссии. Это значительно упрощает иностранцам из стран СНГ с безви-

зовым порядком въезда процесс трудоустройства и их пребывания на территории России.

В то же время в результате введения в 2010 г. системы работы по патенту миграционные потоки граждан из стран СНГ и дальнейшее получение ими патентов не регулируются. Иностранец, как правило, стоит на миграционном учёте по месту пребывания по одному адресу, работает на основании патента у работодателя – физического лица – по другому адресу.

Со стороны граждан СНГ, получивших патенты, наблюдается недобросовестное отношение к предоставленным возможностям и, в нарушение миграционного законодательства, они трудоустраиваются к юридическим лицам. Таким образом, нарушения совершают и юридические лица, которые не имеют право трудоустраивать иностранных граждан без разрешения на работу.

Административные нарушения миграционного законодательства в трудовой сфере совершаются как иностранными гражданами – 61, 1% от общего объёма нарушений по результатам 2012 г., так и российскими гражданами и юридическими лицами – 38, 9%. От общего числа нарушений в трудовой сфере, выявленных в Дальневосточном федеральном округе, 47, 5% приходится на Приморский край, 15, 2% – на Якутию, 11, 3% – Амурскую область.

Наибольшее количество выявленных нарушений административного законодательства в сфере миграции – это нарушения правил въезда и режима пребывания (72, 1%). Удельный вес административных нарушений в трудовой сфере в округе составил 24, 1%, нарушения в сфере миграционного учёта – 3, 7%.

Выявленные административные нарушения в сфере миграции имеют тенденцию роста. За период с 2008 по 2012 гг. количество выявленных административных нарушений в сфере миграционного законодательства в Дальневосточном федеральном округе увеличилось на 39, 5%, что на 19, 5 п.п. выше, чем в среднем по России. Наиболее высокие темпы прироста выявленных административных правонарушений в Дальневосточном федеральном округе зафиксированы в сфере миграционного учёта (в 2012 г. на 32, 4% относительно уровня 2011 г. и в 2, 8 раза выше уровня 2008 года).

В 2012 г. выявлено 18 403 иностранных гражданина, незаконно находящихся на территории Дальневосточного федерального округа, что составило 7, 9% от всех выявленных в Российской Федерации незаконных мигрантов. Из них, по решениям судов, расположенных на территории Дальневосточного округа, подлежало административному выдворению – 3724 человека, депортировано – 215 человек.

Для ускорения процедуры установления личности, в случае отсутствия либо фальсификации удостоверяющих документов иностранных граждан, в июле 2010 г. был принят Федеральный закон № 86-ФЗ, вменяющий в обязанности ФМС России с 01.01.2013 г. проводить обязательную дактилоскопическую регистрацию иностранным гражданам, получающим разрешение на работу.

По состоянию на 01.03.2013 г. в территориальных органах ФМС России, расположенных на территории ДФО, дактилоскопирование иностранных граждан, производится, в основном, устаревшим методом – краской, т.к. на момент начала обязательной дактилоскопической регистрации иностранных граждан, получающих разрешение на работу, электронные сканеры в территориальных органах ФМС России, расположенных в округе, отсутствовали. Их поступление началось только после 20 февраля текущего года. Имеющиеся в наличии на 01.03.2013 года электронные сканеры не соответствуют современным требованиям,

что приводит к увеличению продолжительности работы с потребителями государственных услуг и увеличению очереди иностранных граждан, получающих разрешение на работу.

Кроме этого, в настоящее время все дактилоскопические материалы, собранные территориальными органами ФМС России, направляются в два адреса – территориальные информационные центры МВД России и центральный аппарат ФМС России, что свидетельствует о низкой степени электронного взаимодействия между указанными Службами.

Таким образом, ФМС России за период 2010-2012 годов, который был отведён на подготовку для реализации пункта «п» ст. 9 вышеуказанного федерального закона, не провела необходимую подготовительную работу по определению потребности в оборудовании и программном обеспечении, что фактически сорвало начало своевременной реализации Федерального закона.

Вызывает особую озабоченность то обстоятельство, что действующее законодательство, регулирующее процедуру оформления и выдачи патентов гражданам иностранных государств, прибывшим в безвизовом режиме, не содержит положения об обязанности иностранного гражданина представлять медицинские документы об отсутствии опасных заболеваний.

**Заключительный отчёт
о научно-исследовательской работе
«Изучение общественного мнения
Об уровне безопасности личности и деятельности
органов внутренних дел Российской Федерации»**

**Final report of the research
"STUDY OF PUBLIC OPINION ON THE LEVEL OF SECURITY OF THE PERSON
AND WORK OF INTERNAL AFFAIRS
OF THE RUSSIAN FEDERATION"**

(извлечение)¹

Настоящая работа выполнена в соответствии с приказом МВД России от 30 декабря 2007 г. № 1246 «О повышении эффективности изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на основе использования вневедомственных источников социологической информации».

ВЦИОМом был проведён количественный опрос населения в каждом субъекте РФ: в 2011 г. в выборку были включено 83 региона, в каждом из них опросили не менее 500 респондентов, общий объём выборки составил 41 500 опрошенных. Использовалась территориальная трёхступенчатая стратифицированная выборка домохозяйств. На первом этапе отбирались административные районы субъектов РФ, на втором – населённые пункты, на третьем – домохозяйства. Все интервью проводились по месту жительства респондентов.

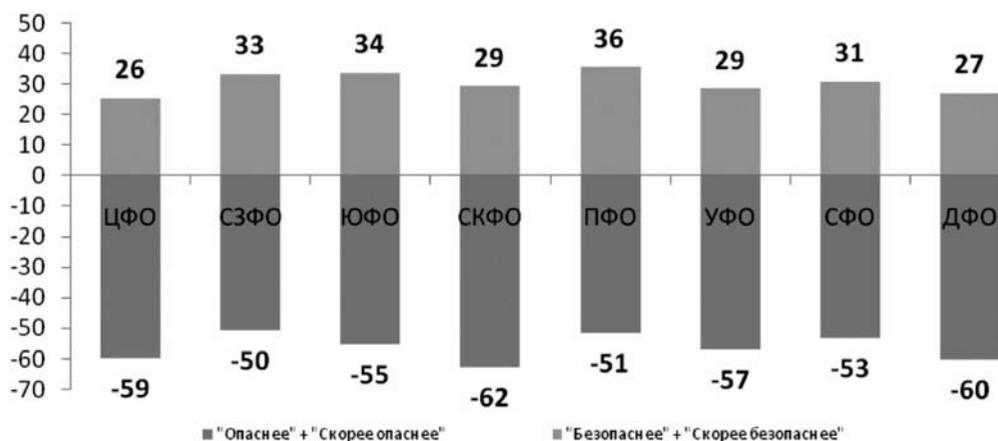
В результате проведённого исследования проведена оценка социальных рисков и опасений граждан, состояния защищённости граждан от противоправных посягательств, виктимности населения по различным видам преступлений, выявлен уровень общественного доверия и поддержки органов внутренних дел со стороны граждан. Определены основные характеристики взаимоотношений органов внутренних дел Российской Федерации с потерпевшими и заявителями, оценка эффективности работы органов внутренних дел, проанализировано воздействие средств массовой информации на оценку уровня эффективности деятельности органов внутренних дел по обеспечению личной безопасности граждан. Применён разработанный инструментарий мониторинговых исследований по криминологической проблематике, включающий в себя интегральный индекс безопасности личности.

Регион проживания является одним из ключевых параметров, определяющих восприятие всех социальных процессов, в том числе и связанных с криминальной ситуацией. Рассмотрим сначала более укрупнённые географические объекты – федеральные округа, а затем – более детально на уровне отдельных регионов.

Для оценки общего уровня опасений и социальных рисков о распространённости и интенсивности опасений, страхов, прямо или косвенно связанных с угрозой преступных посягательств, респондентам задавалось несколько вопросов.

¹ См.: Уровень безопасности личности от преступных посягательств и деятельность полиции Российской Федерации – 2011 г.: оценки и тенденции в общественном мнении: Аналитический обзор / А.Л. Ситковский, О.В. Яковлев. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. 141 с.

Как Вам кажется, жизнь в Российской Федерации сейчас стала опаснее

В какой степени Вас беспокоят следующие события и явления в нашей стране? (федеральные округа), % ответов «сильно беспокоит»

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Высокие тарифы на жильё и коммунальные услуги	73	69	67	66	69	74	64	76
Бедность, низкие зарплаты, пенсии	69	67	67	67	67	69	71	75
Наркомания, алкоголизм	66	59	54	57	59	69	64	70
Дороговизна жилья, неразвитость жилищной ипотеки	57	58	59	54	56	61	58	67
Недоступность качественного медицинского обслуживания	63	57	58	57	53	54	55	59
Криминализация общества, преступность	60	52	54	56	53	59	57	62
Утрата моральных ценностей, безответственность, распространение порнографии и проституции	60	49	55	57	50	59	53	60
Недоступность качественных продуктов питания	62	54	54	55	48	53	50	63
Широкое распространение сцен насилия и жестокости в СМИ	59	47	55	53	45	55	51	58
Ограниченные возможности досуга детей, молодёжи, взрослых	51	48	49	50	46	51	52	58

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Коррупция	55	44	52	57	43	47	46	53
Недоступность качественного образования	51	46	52	53	44	45	47	56
Социальное неравенство, социальные конфликты	48	39	48	47	38	43	41	46
Угроза террористических актов	51	41	41	57	36	33	35	41
Техногенные аварии на производстве, транспорте, в коммунальном секторе	39	32	36	35	29	30	31	37
Межэтнические, межнациональные конфликты	39	29	34	44	25	25	27	32
Ограничение демократических прав и свобод	33	26	35	34	25	25	26	30

Какого рода страхи, опасения, тревоги Вы испытываете чаще всего? (федеральные округа), % от числа опрошенных в округе

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Боюсь за будущее детей	57	54	57	54	52	56	56	59
Боюсь за благополучие своей семьи	60	55	59	55	50	48	51	52
Боюсь болезней	36	41	46	34	37	37	38	40
Боюсь, что убьют или покалечат моих близких родственников	39	42	38	38	33	36	34	45
Боюсь лишиться имущества вследствие пожара, технической аварии	29	29	24	18	31	32	31	40
Боюсь лишиться имущества в результате ограбления или кражи	22	23	25	18	20	25	23	29
Боюсь разорения, нищеты	20	25	26	21	20	23	22	28
Боюсь, что меня убьют или покалечат	21	23	31	19	16	18	17	24
Опасаясь стать жертвой произвола со стороны сотрудников правоохранительных органов	13	14	17	13	11	15	13	20

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Опасаясь увольнения	10	13	21	9	12	17	12	15
Опасаясь стать жертвой произвола со стороны руководства, чиновников	14	12	16	12	10	15	10	16
Опасаясь клеветы, наговоров	8	8	10	12	9	8	8	11
Опасаясь пострадать в ходе межэтнических, межнациональных конфликтов	7	5	11	14	5	5	5	8
Опасаясь, что посторонние узнают обо мне лишнее	5	6	11	5	6	7	5	10
Боюсь спиться, стать алкоголиком	2	5	3	3	4	3	4	6
Опасаясь стать наркоманом	1	2	3	2	2	2	2	3

Если говорить о конкретных преступлениях, опасаетесь ли Вы лично стать жертвой... (федеральные округа), % сумма «опасаясь» и «скорее опасаясь»

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Пьяных водителей	79	79	79	68	80	80	76	83
Воров	74	71	72	63	71	70	69	74
Грабителей	70	69	71	64	68	69	65	72
Вооружённых бандитов	64	62	67	62	64	64	59	66
Хулиганов	72	68	72	57	70	67	67	72
Мошенников	67	63	70	60	65	63	64	67
Вымогателей, шантажистов	58	53	62	51	53	50	51	58
Автоугонщиков	50	46	51	41	46	42	45	51
Сексуальных насильников	40	46	46	40	48	45	42	51

Опасаетесь ли Вы... (федеральные округа), % сумма «опасаясь» и «скорее опасаясь»

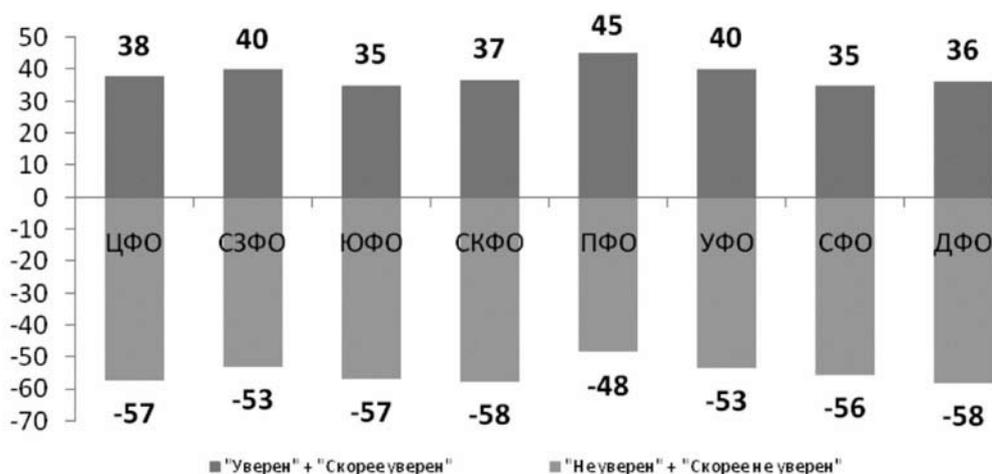
Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Людей с явными психическими отклонениями	71	69	71	62	70	67	64	69
Рецидивистов, уголовников	68	66	67	59	68	67	62	69

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Наркоманов	68	68	66	56	67	68	63	69
Экстремистских молодёжных группировок	62	57	57	54	55	52	50	62
Алкоголиков	51	45	53	41	50	43	47	47
Бродяг, бомжей	44	38	44	32	40	32	36	36
Незаконных ми- грантов	48	40	43	28	37	30	33	36

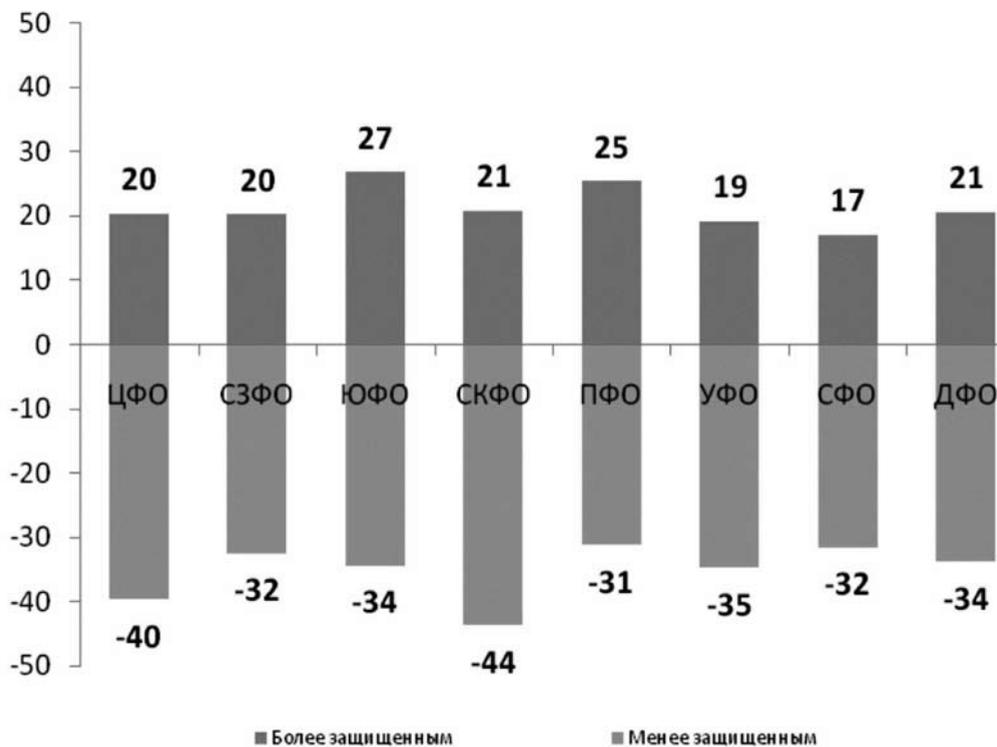
**Опасения в дневное и вечернее время (по федеральным округам)
(сумма ответов «постоянно опасаясь» и «иногда опасаясь»)
% от числа опрошенных в округе**

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Дневное время								
На автомагистра- лях, улицах, во дворах	48	59	62	51	54	56	48	60
В общественном муниципальном транспорте	36	38	49	42	32	32	33	40
На железнодорож- ном транспорте	35	41	46	40	32	36	30	39
В парках, скверах	31	38	45	37	28	33	31	34
В местах отдыха, до- суга и развлечений	27	33	44	36	25	26	29	34
Во дворе, около дома	27	33	44	29	25	29	28	31
В подъезде	27	34	33	26	23	28	26	33
На воздушном транспорте	23	30	36	36	23	26	22	35
По месту прожи- вания	24	26	36	28	23	22	26	31
На водном транс- порте	18	25	30	30	20	20	19	31
По месту работы, учёбы	17	17	30	26	15	14	16	21
Вечернее время								
На автомагистра- лях, улицах, во дворах	57	66	68	56	61	62	54	66
В общественном муниципальном транспорте	50	51	61	51	44	42	41	51
На железнодорож- ном транспорте	49	52	54	45	41	44	37	48
В парках, скверах	54	64	64	53	50	49	48	60

В какой степени Вы уверены в защищённости своих личных и имущественных интересов?
(по федеральным округам), % от числа опрошенных в округе

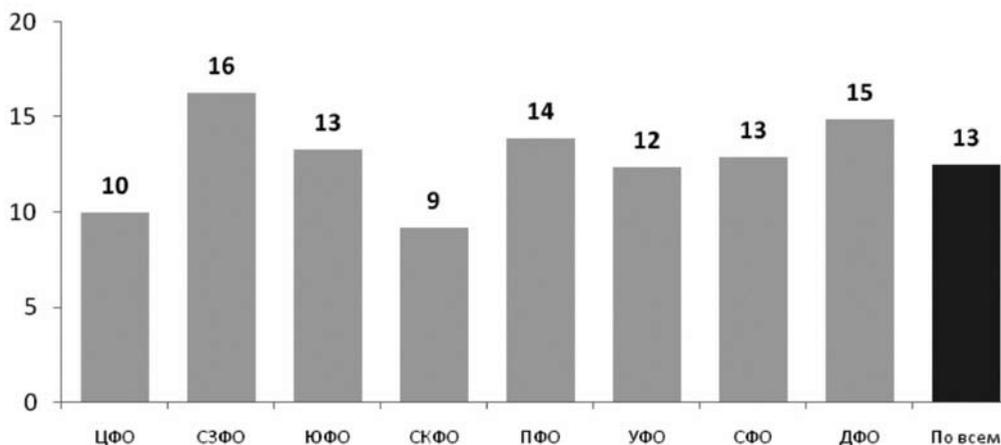

Ваше ощущение личной безопасности за последние годы изменилось или не изменилось? Если изменилось, то, как Вы себя стали чувствовать - более защищённым или менее защищённым?
(по федеральным округам), % от числа опрошенных в округе

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
В местах отдыха, досуга и развлечений	44	53	60	48	43	38	43	55
Во дворе, около дома	52	61	64	47	49	51	51	58
В подъезде	47	55	46	35	40	44	43	53
На воздушном транспорте	28	35	40	40	27	28	26	40
По месту проживания	34	37	52	40	36	33	38	46
На водном транспорте	23	30	35	33	24	23	22	37
По месту работы, учёбы	24	26	39	34	22	19	24	29

Доля пострадавших хотя бы от одного вида преступных посягательств хотя бы один раз (по федеральным округам), % от числа опрошенных в округе

Доля обращающихся в органы внутренних дел (по федеральным округам), % от числа подвергшихся преступным посягательствам каждого типа

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Угон авто- и мото-транспорта	80	92	59	46	71	85	53	48
Грабёж	54	46	60	31	62	57	56	54
Кража вещей из дома, дачи, квартиры, офиса	62	48	69	57	49	44	51	49
Изнасилование, попытки изнасилования	14	58	0	48	86	33	41	21
Разбой	28	41	52	11	53	35	50	55
Покушение на убийство	25	32	76	3	50	63	41	65

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Причинение телесных повреждений	33	40	37	30	39	55	42	45
Хулиганские действия	48	25	28	18	33	38	50	39
Мошенничество	29	27	20	46	35	35	41	34
Карманная кража	39	23	20	33	28	23	30	26
Террористические акты, проявления экстремизма	9	33	0	0	58	33	32	39
Вымогательство	9	13	25	17	24	18	27	10
Преступления с применением компьютерных технологий	16	8	28	21	23	14	15	14
Принуждение к даче взятки	3	3	11	6	5	2	11	2
Иное	59	37	57	32	61	35	56	44

Почему Вы не обращались в органы внутренних дел (полицию)?, (по федеральным округам), % от тех, кто подвергался преступным посягательствам и не обращался в полицию

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Считал, что обращение в органы внутренних дел (полицию) отнимет много времени и нервов	48	48	52	29	35	35	38	42
Не верил, что органы внутренних дел помогут	54	36	39	32	29	40	34	30
Из-за незначительности ущерба	35	19	19	21	27	21	25	26
Пытался действовать самостоятельно	15	13	6	22	18	14	22	20
Не хотел быть втянутым в следствие, судебный процесс	14	14	11	11	17	11	16	15
Не хотел огласки преступления или правонарушения	9	12	11	16	13	8	6	5
Боялся возможной мести криминальной среды или сообщников преступников	3	3	1	4	2	2	2	5
Решил прибегнуть к связям в криминальной среде	1	1	0	2	1	1	2	4

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Предпочёл обратиться в общественные или некоммерческие правозащитные организации	0	0	0	2	1	1	0	1
Воспользовался услугами частных детективных или охранных агентств	0	0	1	0	1	0	0	0
Другое	6	2	8	8	8	5	10	7
Затрудняюсь ответить	1	4	7	2	4	10	2	8

Вы в целом удовлетворены или не удовлетворены мерами, которые приняли органы внутренних дел (полиция) в связи с Вашим обращением? Или никаких мер принято не было? (по федеральным округам),

% удовлетворённых принятыми полицией мерами¹

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Карманная кража	56	15	60	48	43	14	44	38
Угон авто- и мото- транспорта	31	52	50	47	48	41	33	43
Вымогательство	33	61	27	0	54	26	42	60
Грабёж	30	22	55	26	52	27	35	45
Разбой	52	26	66	0	26	51	45	21
Хулиганские действия	33	37	48	54	30	37	38	46
Причинение телесных повреждений	39	21	53	39	49	30	28	43
Кража вещей из дома, дачи, квартиры, офиса	40	17	28	30	47	11	36	31
Мошенничество	44	24	58	20	24	18	52	34
Принуждение к даче взятки	26	51	52	9	0	25	29	0
Преступления с применением компьютерных технологий	9	44	50	0	43	19	0	43
Иное	38	84	0	33	44	33	45	35

¹ В таблицу не включены такие виды преступных посягательств, как террористические акты, проявления экстремизма, покушение на убийство и изнасилование, покушение на изнасилование в связи с небольшим количеством респондентов в выборке (0, 2% и менее).

**Обращаясь в органы внутренних дел (полицию),
Вы подавали или не подавали письменное заявление
о совершённых преступных посягательствах?
И если подавали, то это заявление было или не было зарегистрировано?
(по федеральным округам),**

% подававших заявление, которое было зарегистрировано полицией¹

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Карманная кража	56	15	60	48	43	14	44	38
Угон авто- и мото-транспорта	31	52	50	47	48	41	33	43
Вымогательство	33	61	27	0	54	26	42	60
Грабёж	30	22	55	26	52	27	35	45
Разбой	52	26	66	0	26	51	45	21
Хулиганские действия	33	37	48	54	30	37	38	46
Причинение телесных повреждений	39	21	53	39	49	30	28	43
Кража вещей из дома, дачи, квартиры, офиса	40	17	28	30	47	11	36	31
Мошенничество	44	24	58	20	24	18	52	34
Принуждение к даче взятки	26	51	52	9	0	25	29	0
Преступления с применением компьютерных технологий	9	44	50	0	43	19	0	43
Иное	38	84	0	33	44	33	45	35

¹ В таблицу не включены такие виды преступных посягательств, как террористические акты, проявления экстремизма, покушение на убийство и изнасилование, покушение на изнасилование в связи с небольшим количеством респондентов в выборке (0, 2% и менее).

**Впечатления граждан от взаимодействия с сотрудниками различных подразделений органов внутренних дел (по федеральным округам),
% от числа опрошенных в округе:
соотношение положительных/отрицательных отзывов**

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
ГИБДД	10/15	13/10	15/15	8/15	10/10	11/10	8/7	11/10
Патрульно-постовая служба	11/9	8/5	7/6	7/10	7/6	8/7	5/4	10/6
Служба участковых уполномоченных	11/8	7/4	9/6	9/7	7/5	8/4	6/4	8/4
Дежурная часть	9/9	6/5	5/5	6/7	5/3	6/5	5/4	6/5
Федеральная миграционная служба	8/5	8/2	6/4	8/7	6/2	5/3	5/2	7/3

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Следствие	5/5	3/3	2/3	5/7	3/3	3/3	3/2	3/3
Вневедомственная охрана	6/4	5/1	5/3	6/5	4/2	4/1	3/1	4/2
Органы внутренних дел (полиция) на железнодорожном, воздушном и водном транспорте	5/4	7/2	2/2	6/5	2/2	2/2	1/1	3/2
Уголовный розыск	5/4	3/3	2/3	4/7	3/2	3/2	2/2	3/2
Лицензионно-разрешительная служба	6/3	2/2	1/2	5/5	1/1	2/1	1/1	3/1
Инспектор по делам несовершеннолетних	6/2	2/1	2/2	6/5	2/2	2/1	1/1	3/1

**Как Вы полагаете, почему органы внутренних дел (полиция) плохо защищают Ваши личные и имущественные интересы?
В чём Вы видите основные причины их неудовлетворительной работы?
(по федеральным округам),
% от опрошенных в округе и не доверяющих полиции**

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Коррупция, взяточничество в органах внутренних дел (полиции)	56	48	55	56	40	46	40	41
Низкое качество отбора в ОВД	37	42	39	37	34	40	37	38
Недостаток профессионализма, навыков, компетентности	36	40	41	40	34	36	40	31
Неуважение сотрудников полиции к гражданам	30	31	31	23	30	29	31	30
Вседозволенность сотрудников ОВД: уверенность в собственной безнаказанности	22	32	22	28	26	27	22	28
Недостаточный контроль со стороны государства и общества	19	18	27	15	18	19	17	20
Низкий престиж полицейской профессии в глазах общества	20	17	16	14	17	17	17	17
Несовершенство законодательной базы по борьбе с преступностью	13	14	18	12	12	13	15	12

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Нерешённость социальных проблем сотрудников полиции	11	8	6	4	10	9	6	6
Низкий уровень технической оснащённости подразделений ОВД	3	5	5	7	8	5	6	7
Другое	3	1	1	3	2	2	2	3
Затрудняюсь ответить	6	3	3	5	6	7	4	9

**Как Вы считаете, следует или не следует гражданам помогать (оказать поддержку) органам внутренних дел (полиции)?
И если следует, то всегда, в большинстве случаев или только в некоторых случаях? (по федеральным округам)**

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Следует помогать всегда	33	30	27	38	33	37	39	35
Следует помогать в большинстве случаев	36	31	35	29	31	32	28	30
Следует помогать только в некоторых случаях	20	25	24	22	23	20	20	23
Помогать не следует	5	3	5	6	5	3	5	4
Затрудняюсь ответить	6	11	9	5	7	7	8	8

**В случае необходимости Вы готовы или не готовы оказать следующие виды поддержки органам внутренних дел (полиции)? (по федеральным округам),
% сумма ответов «готов» и «готов при определённых условиях»**

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Сообщить информацию о готовящемся или совершённом преступлении	86	85	78	81	80	83	77	77
Дать свидетельские показания	83	84	76	77	79	83	76	77
Принять участие в охране общественного порядка	50	51	53	62	56	55	51	53
Оказать содействие при задержании преступника	48	54	44	57	54	57	50	55

Что в последние 12 месяцев более всего влияло на Ваши представления о работе органов внутренних дел (полиции)? (по федеральным округам)

Варианты ответа	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Тип 1. Ориентированные на личное общение	19	22	28	23	19	25	21	28
Тип 2. Смешанные тип	39	34	41	31	29	33	27	29
Тип 3. Ориентированные на СМИ	30	31	20	29	36	28	33	26
Тип 4. Отсутствие чёткой структуры предпочтений	12	14	11	17	16	14	19	17
Новостные и публицистические теле- и радиопередачи	58	49	45	50	56	50	52	44
Беседы с друзьями, знакомыми, в кругу семьи	36	42	49	34	35	39	35	39
Публикации в прессе (газетах, журналах)	43	38	40	35	32	28	25	32
Личный опыт (очевидец, свидетель, потерпевший)	38	25	38	31	23	28	22	31
Кинофильмы, телефильмы, сериалы о полиции	25	21	18	19	24	21	26	20
Слухи, случайные беседы в общественных местах	19	17	27	22	15	17	17	20
Сведения из Интернета	15	16	14	16	12	13	10	11

Для оценки деятельности территориальных подразделений органов внутренних дел был разработан специальный комплексный индикатор защищённости, который соответствовал показателям приказа МВД Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 735 и был сформирован на основе ответов на следующие вопросы:¹

«Уверенность граждан в защищённости своих личных и имущественных интересов» (доля положительных оценок в числе опрошенных граждан).

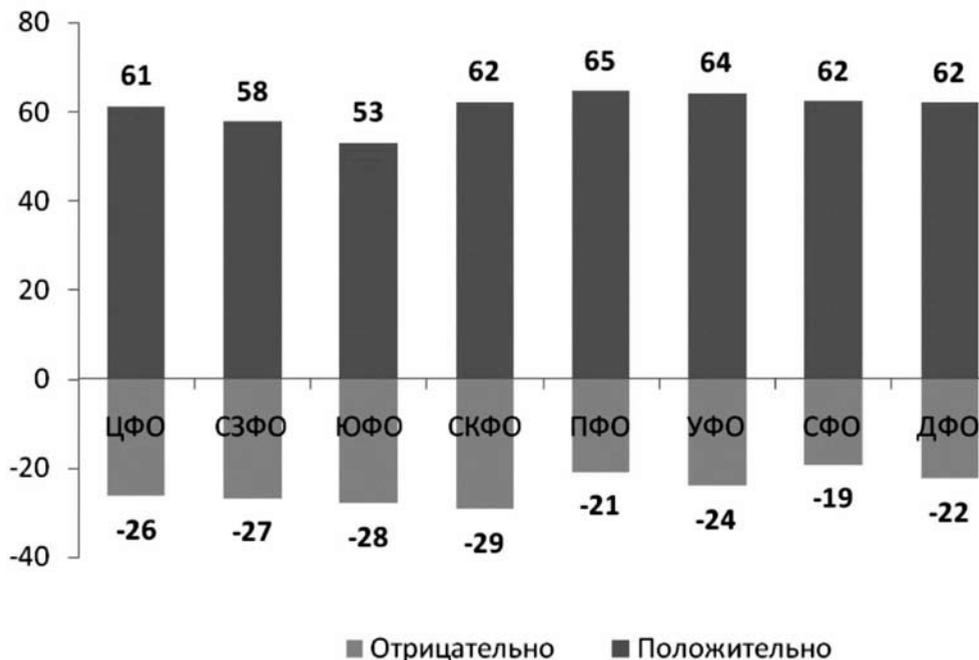
«Уровень доверия к органам внутренних дел» (доля выражающих доверие от общего числа опрошенных).

«Оценка эффективности деятельности органов внутренних дел (полиции) как государственного института по защите личных и общественных интересов граждан» (доля положительных оценок в числе опрошенных граждан).

«Готовность граждан оказать поддержку органам внутренних дел (полиции)» (доля готовых оказать поддержку от числа опрошенных).

¹ В настоящее время данный приказ отменён в связи с принятием другого приказа от 26 декабря 2011 г. № 1310, предполагающего введение других изменённых показателей.

А если говорить в целом, как Вы лично относитесь к органам внутренних дел (полиции) – положительно или отрицательно? (по федеральным округам, % от числа опрошенных в округе)

«Уверенность граждан в защищённости своих личных и имущественных интересов на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта»¹ (доля положительных оценок в числе опрошенных граждан).

Индикатор защищённости измеряется в процентах от числа опрошенных граждан (средний процент по пяти вопросам)

Далее оценивается динамика отдельных субъектов РФ на основе рассчитанного по аналогичной процедуре индикатора защищённости за 2009 г. Индикатор «работает» по принципу «чем больше, тем лучше». С 2009 г. в среднем по стране его значение заметно выросло: с 46 до 51 балла (рис. 1).

Наиболее заметный вклад в рост индикатора защищённости вносит компонент «эффективность деятельности ОВД». Оценка эффективности деятельности выросла – на 4 балла, уверенность в защищённости интересов увеличилась на 5 баллов.

На рис. 2 отражена динамика 2009 – 2010 гг. (■, ●) и 2009 – 2011 гг. (▲). К 2010 г. все федеральные округа, кроме Южного и Дальневосточного, оказались выше диагонали, т.е. индикатор защищённости вырос. К 2011 г. индикатор увеличился во всех округах без исключения.

¹ В 2009 и 2010 гг. рассматривался только железнодорожный и воздушный транспорт. В качестве положительного значения рассматривался вариант ответа «никогда не опасаясь».

Рис. 1. Динамика индикатора защищённости (по компонентам), в баллах (все опрошенные)

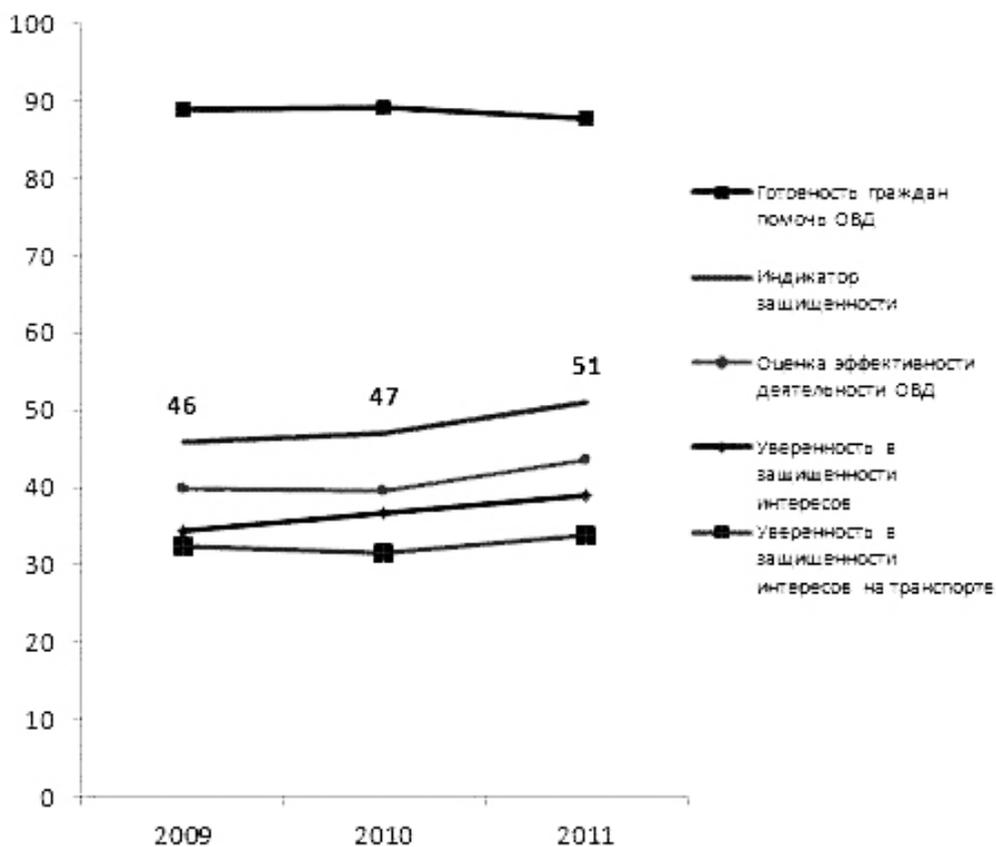
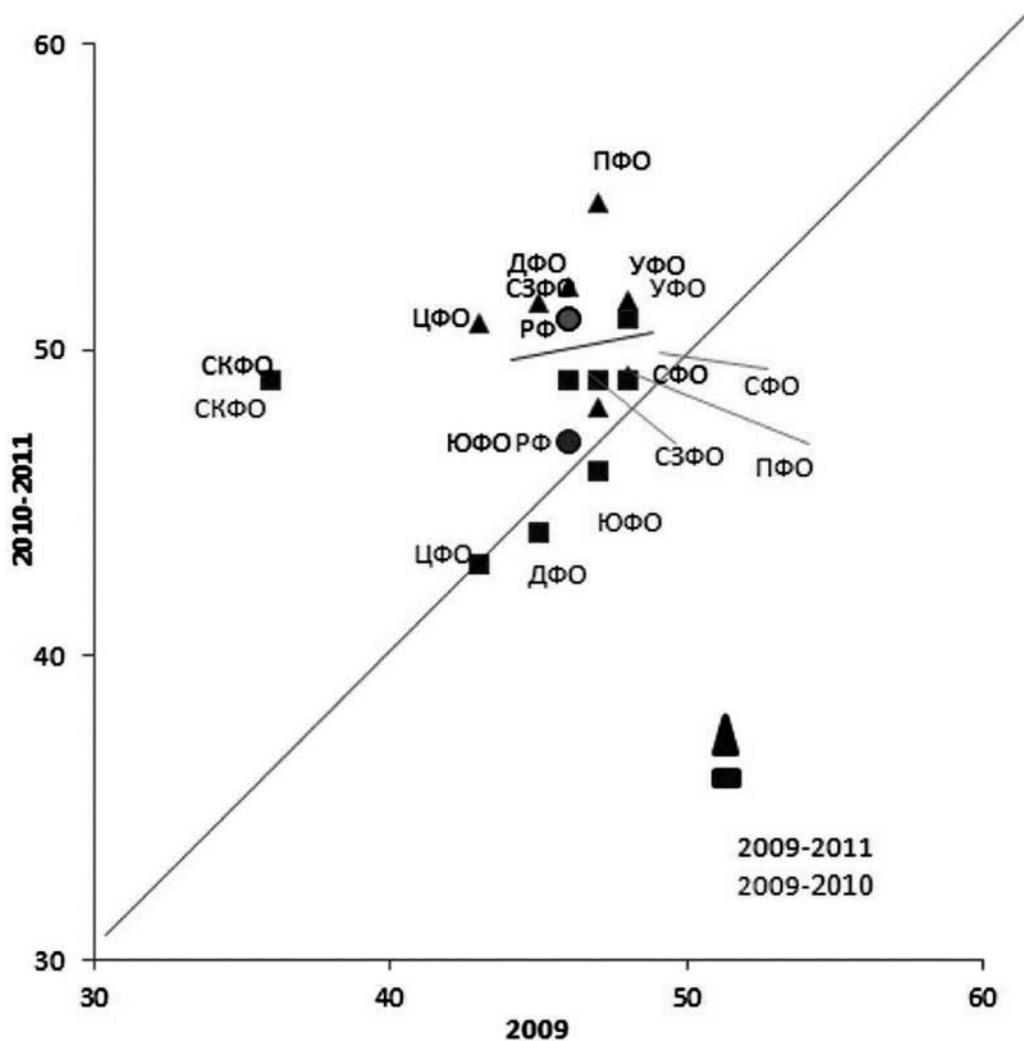

Рис. 2. Динамика индикатора защищённости 2009 – 2011 гг. (по федеральным округам)

Сводные показатели деятельности ОВД (по федеральным округам)

	Уверенность в защищённости интересов	Уровень доверия к ОВД	Оценка эффективности деятельности ОВД	Готовность граждан помочь ОВД	Уверенность в защищённости интересов на транспорте	Индикатор защищённости		
						2009 г.	2010 г.	2011 г.
						<i>Россия в целом</i>	39	52
Центральный ФО	38	50	39	89	38	43	43	51
Северо-Западный ФО	40	50	45	86	39	46	49	52
Южный ФО	35	47	37	86	36	47	46	48
Северо-Кавказский ФО	37	48	42	89	30	36	49	49
Приволжский ФО	45	58	52	87	32	47	49	55
Уральский ФО	40	53	47	90	28	48	51	52
Сибирский ФО	35	52	42	86	30	48	49	49
Дальневосточный ФО	36	52	50	88	32	45	44	52

Сводные показатели деятельности территориальных органов МВД

	2011 г.						Индикатор защищённости		
	Уверенность в защищённости в интересах	Уровень доверия к ОВД	Оценка эффективности деятельности ОВД	Готовность граждан помочь ОВД	Уверенность в защищённости на транспорте	2009 г.	2010 г.	2011 г.	
Дальневосточный ФО в целом	36	52	50	88	32	45	44	52	
Республика Саха (Якутия)	48	59	57	90	30	47	44	57	
Камчатский край	47	58	45	95	48	40	44	59	
Приморский край	38	56	61	88	20	43	38	52	
Хабаровский край	24	46	42	83	39	44	45	47	
Амурская область	33	45	41	91	36	48	49	49	
Магаданская область	48	50	36	96	44	57	62	55	
Сахалинская область	34	44	37	89	36	43	45	48	
Еврейская автономная область	29	50	44	92	38	51	52	51	
Чукотский автономный округ	68	70	55	94	54	44	60	68	

*Кузнецов А.М., Золотухин И.Н.
Kuznetsov A.M., Zolotukhin I.N.*

**Идентичность versus государство.
Международная конференция
«Политика коренной идентичности:
национальные и глобальные перспективы».
Сидней, 11-14 июля 2013 г.**

**Identity versus State. International Conference
«The Politics of Indigenous Identity: National and Global Perspectives».
Sydney, 11-14 July 2013**

С 11 по 14 июля 2013 г. в университете Маккуори (Сидней, Австралия) прошла международная конференция «The Politics of Indigenous Identity: National and Global Perspectives» («Политика коренной идентичности: национальные и глобальные перспективы»). Конференция была организована Исследовательским комитетом С-14 «Этничность и политика» Международной Ассоциацией Политической Науки (МАПН) (International Political Science Association) – престижной академической структурой, созданной в 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО и занимающейся формированием глобального сообщества политической науки в трёх направлениях: 1) организация конгрессов и конференций; 2) продвижение исследований в области политической науки через сеть специализированных исследовательских комитетов; 3) распространение результатов научных исследований через публикации.

Конференции Комитета С-14 не отличаются особой многочисленностью участников, но при этом их география, как обычно, очень обширная: проблемы коренной идентичности обсуждались докладчиками из Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Австралии и Океании.

Среди руководителей панелей и почётных докладчиков выступили Адриан Гелке (Королевский университет Белфаста), Бенни Нюбергер (Открытый университет Израиля), глава исследовательского комитета С-14 «Политика и Этничность» МАПН Бритт Картрайт (Алма Колледж, штат Мичиган), Родерик Питти (университет Западной Австралии) и др.

Тематика конференции отражает возрастание роли этнических общностей в современной политике. Результатом этого всплеска активности стало признание территориальных прав коренного населения. В результате вопрос о том, кто может считаться коренным, приобретает всё большую актуальность. Критерии самобытности и коренного происхождения размыты в условиях глобализации, но из-за этого возникает

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*) **E-mail**: akuzn@vimo.dvgu.ru

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.п.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*) **E-mail**: zolivnik@mail.ru

Грант ДВФУ: Новые теоретические основания анализа международных отношений в АТР по проекту № 12-05-03-220-07. Консолидированный проект «Россия и формирование нового международного порядка в АТР».

множество вопросов в отношении этнической политики государств. Возможно, поэтому наиболее оживлённые дискуссии вызвали доклады по вопросам, касающимся территориальных, культурных и социальных аспектов коренной идентичности, а также направлений этнической политики разных государств.

Несмотря на многообразие тем, рефреном во многих докладах снова прозвучала идея о вызовах и перспективах, которые несёт коренная идентичность для государств и регионов, а также о необходимости глубокого изучения идентичности как ключевого феномена современного мира. Конференция показала, что проблема коренной идентичности – реальный вызов не только для научного сообщества, но и для политического истеблишмента. Подобный акцент вполне понятен, так как он отражает доминирующий тренд в современной зарубежной, прежде всего, западной науке.

При этом показательно, что *подавляющее число докладчиков уделили внимание проблеме государственной политики в отношении коренных народов.*

Кэтрин Смитс (Университет Окленда, Новая Зеландия) в докладе «Самобытность и конструирование государственной современности» обозначила два направления политики переселенческих государств в отношении коренного населения: 1) перераспределение ресурсов с целью возмещения ущерба за историческую несправедливость; 2) обеспечение признания самобытных культур как части более крупных, поддерживаемых государством дискурсов мультикультурализма.

По мнению автора, в последние десятилетия культурное разнообразие коренных народов было кооперировано с общепринятыми гражданскими принципами толерантности и интеграции. В то же время, отношения между коренным населением и современным государством имеют более сложный характер, и установки, прописанные в либеральном дискурсе, не всегда соответствуют требованиям самобытных культур.

Брэден Хилл (Университет Мердок, Австралии) в докладе «Обретая подлинность в чистоте: самобытность и фундаментализм» сделал акцент на проблеме политизации самобытности, возникшей в результате либеральных действий австралийского правительства 1960-70-х гг. Автор утверждает, что понятия «культура» и «идентичность» могут быть использованы в качестве инструмента политического фундаментализма.

Бритт Картрайт (Алма Колледж штат Мичиган) в докладе «По следам исторических траекторий региональных политических различий» обозначил ключевые проблемы западноевропейского регионализма, отметив, что региональные различия связаны с этническим разнообразием и уходят корнями в историю. На примере Франции и Испании профессор Картрайт обозначил влияние этнической мобилизации на региональные политические различия, что, по мнению исследователя, может кардинально трансформировать политическую структуру Евросоюза и поставить под вопрос его существование (особенно после обретения независимости Шотландией и сепессии Каталонии).

Рави Де Коста (Университет Йорка, Торонто) в докладе «На пути к самоопределению? Критический анализ государственной системы признания статуса коренных народов» показал на результатах своего исследования практики признания государствами статуса коренного народа в отношении выходцев из Азии, Африки и России. В качестве кейсов было выбрано 20 государств: переселенческие страны (Австралия, Новая Зеландия, Канада и США), а также государства Скандинавии и Латинской Америки.

Автор выделила 3 основных концепта признания самобытности: 1) происхождение; 2) культурные требования (знание языка или участие в жизни общины); 3) самоопределение (когда государство даёт возможность аборигенным общинам самим устанавливать требования к членству в общине). В то же время, Де Коста отмечает, что «просто быть маори, саами или мунда не является основанием для получения статуса коренного населения в Новой Зеландии, Норвегии и Индии соответственно» [2, p. 3].

Сара Маддисон (Университет Нового Южного Уэльса, Сидней) в докладе «Коренная идентичность», «подлинность» и структурное насилие переселенческого колониализма» продемонстрировала примеры символического политического насилия в отношении австралийских аборигенов, проживающих в городах, которое выражается в государственном определении «подлинной принадлежности к коренному населению». Автор рассмотрела «дело Иток против Болта»: представительницы австралийских аборигенов и журналиста, опубликовавшего в «Геральд Сан» и «Геральд&Уикли Таймс» статьи, в которых он пренебрежительно отозвался об аборигенах со светлой кожей [1].

Автор считает, что переселенческие страны должны проявлять большую заботу о коренных идентичностях, а подобные действия являются отголоском политики ассимиляции.

Кэтрин Керчин (Австралийский национальный университет) посвятила доклад «Реальная» и «гибридная экономика»: два видения выживания культурной самобытности» проблемам интеграции австралийских аборигенов в экономическую структуру современного общества, осветив сохраняющуюся проблему бедности и незащищённости аборигенов, а также проблемы занятости, образования, реформы соцобеспечения, миграции в города. Автор отметила, что дебаты о развитии коренного населения Австралии по сути сводятся к спорам между сторонниками и противниками неолиберализма (защитниками и критиками ассимиляции). В работе сопоставлены идеи двух исследователей по проблемам экономического развития отдалённых территорий (где и проживает большинство аборигенов) – лидера аборигенов и вдохновителя пересмотра политики Содружества в отношении коренных народов, Ноэля Пирсона, выступающего за большую интеграцию аборигенов в «реальную экономику» и антрополога Джона Альтмана, склоняющегося к «гибридной модели», при которой аборигены сохраняют большую автономию от неаборигенных австралийцев, но, в то же время и менее интегрируются в процессы занятости, пенсионного страхования, придерживаясь традиционных форм хозяйствования.

В докладе **Гордона Чалмерса (Университет Квинсленда, Брисбен)** «Самобытность как «Насамобытность», которая в «Нас». Диссидентский взгляд на формирование «нашей общины» критикуется, понятие «аборигенность» как пережиток колониальной эпистемологической системы, которая способствует восприятию коренного населения как обездоленного, как группы риска, как замкнутого общества. Автор выступает против этнических критериев (этнических и расовых различий) определения принадлежности к аборигенному населению, считая, что тем самым доминирующее общество загоняет коренные народы в рамки ограничения и отделения от Других австралийцев, что недопустимо [2, p. 2].

Тереза Райан (Университет Канберры) в докладе «Закрывая ещё одну лауну: изучение разрыва между движениями за возвращение к истокам и политическим мейнстримом» показала проблему политизации коренной идентичности, влияния социальных движений австралийских аборигенов на внутреннюю политику Австралии. Вместе с тем,

проблема идентификации коренных аборигенов со стороны правительства остаётся острой, следовательно, аборигены вынуждены бороться не только за свои права, но и за своё признание как коренного населения.

Карен О'Брайен (Университет Сиднея) в докладе «Право на землю коренных австралийцев, конфликт с глобальным мировоззрением и самоопределение» посвящён искусству аборигенов – живописи, имеющему огромное историческое и интеллектуальное значения для культурной самобытности последних, играющей культовую роль в социализации и трансляции обычаев и традиций. Также в докладе иллюстрируется конфликт между государственной политикой и местной администрацией в отношении поселений аборигенов.

Сударсан Кант (Государственный Университет Харрис-Стоу (г. Сент-Луис), США) в докладе «Тихоокеанская упаковка: культурный продукт и политика исключения» рассказал об индустрии туризма на Фиджи, её успешности, в том числе и об этническом элементе туризма, что, впрочем, является симулякром, направленным на туристов, нежели показателем «райской жизни туземцев». Желание потребителей получить экзотику приводит к «овеществлению Другого». Автор озабочен тем, что международный туризм на Фиджи обостряет этнические и культурные различия страны, ставя в привилегированное положение коренную общность как единственную аутентичную группу, представляющую всю нацию, исключая тем самым некоренные общности и их вклад в развитие фиджийского общества [2, р. 9].

В рамках конференции были затронуты и проблемы затяжных этнополитических конфликтов, в которых государство не в состоянии решить существующие противоречия или же своими действиями само их создаёт.

Адриан Гелке (Королевский университет Белфаста, Северная Ирландия) в докладе «Кризис североирландских флагов и устойчивое наследие разделённого переселенческого общества в северо-восточной части Ирландии», посвящённом проблемам разделённого общества, рассматривает события конца 2012 г.: волнения, вызванные решением городского Совета Белфаста на ограничение вывешивания флага Великобритании в официальные дни.

Эти события вызвали интерес, поскольку после Соглашения Страстной пятницы 1998 г. правительство Великобритании взяло курс на урегулирование конфликта на институциональном уровне. В 1999 г. были приняты 4 британо-ирландских документа о создании органов сотрудничества в урегулировании ольстерского кризиса и впоследствии было предложено несколько планов по мирному урегулированию в провинции, последний из которых был обнародован в августе 2001 г.

Однако проблема сохраняется, и Гелке считает, что её рассмотрение в духе Дональда Горовица – как противостояние двух противостоящих этнонациональных сообществ в отсталом регионе страны, – не учитывает длительной истории взаимоотношений между переселенцами и местными жителями.

Бенни Ньюбергер (Открытый университет Израиля) в докладе «Дискурс самобытности и его ответы: палестинское меньшинство и еврейское большинство в Израиле» отмечает, что за последние десятилетия политическая и интеллектуальная элита израильских палестинцев взяла на вооружение дискурс, касающийся коренных народов, разработанный в США, Канаде, Латинской Америке, Австралии и Новой Зеландии. Главный аргумент, который они восприняли, заключается в том, что еврейское общество Израиля – это европейские переселенцы-колонизаторы, которые угнетают неевропейскую коренную общность арабов.

Автор обращает внимание на то, что данный дискурс вытесняет традиционное восприятие палестино-израильского конфликта с точки зрения отношений «большинства-меньшинства» и сопоставление палестинского меньшинства с другими культурными/национальными меньшинствами (афроамериканцы, квебекцы, каталонцы, венгры в Румынии, сербы в Хорватии и др.).

Элизабет Джонсон Оладжумоке (Северо-Западный университет Кейптауна, ЮАР) в докладе «Добыча нефти и газа в Анголе: нормативное разделение коренного населения провинции Кабинда» осветила проблемы разделённой этнической общности кабинда, проживающей на территории Анголы и соседнего Конго. Автор доклада показала, как в борьбе за нефтяные и газовые ресурсы «африканского Кувейта» нарушаются права коренного населения провинции в управлении собственными землями и природными ресурсами.

Лайлуфур Ясмин (Университет Маккуори, Сидней) в докладе «Конструирование коренной идентичности: столкновение между пришлым и местным населением в Бангладеш» рассмотрела противостояние между бенгальской общностью и коренными народами, к которым бенгальцы применяют ассимиляционную модель. Критика западного постколониализма.

Жаркая дискуссия разгорелась по проблеме штата Ассам. Доктор **Бийен Митей (Университет Ассама (г. Силхар), Индия)** в докладе «Этничность, колониальная администрация и проблемы политики идентичности в штате Ассам после обретения независимости (Индия)» определил политику Дели и Конституцию Индии как неэффективную и не принимающую во внимание полиэтничность Ассама.

С другой стороны, в докладе профессора **Кумара Раджи Сангита (Университет Дели)** «Самобытность как фактор в этническом насилии в Ассаме» говорилось о том, что проблемы вооружённых столкновений с властями и сепаратизм происходят из-за массовых нелегальных миграций мусульманского населения из Бангладеш.

Проблема охраны здоровья и социальной защиты коренного населения также были затронуты на конференции.

Карлос Галлегос из Австралийского национального университета обозначил проблемы здравоохранения в Эквадоре среди коренных народов и особенно недостатки политики государства в отношении коренных народов, испытывающих серьёзные психологические трудности, связанные с отношением к родной земле.

Брайан Муканди и Питер Хилл (Университет Квинсленда, Австралия) в докладе «Исследование бремени политики здравоохранения в отношении коренных народов» изучили проблемы охраны здоровья аборигенов Австралии, сопоставив государственный и традиционный подходы.

Мелисса Ловелл (Австралийский национальный университет) в докладе «Созидавая «добрых либеральных граждан»: значение австралийских режимов управления социальной защиты» отмечает, что нельзя недооценивать деятельность австралийского правительства, направленную на улучшение жизни коренного населения Австралии, в то же время говоря о том, что в программах соцзащиты в отношении австралийских аборигенов сохраняется колониальный дискурс (аборигены рассматриваются как самая незащищённая группа населения, а их поведение, нормы и ценности не соответствуют либеральным установкам).

Борьба коренного населения за свои права была обозначена в нескольких докладах.

Панель 5 была посвящена коренным общностям Латинской Америки.

Юджиния Демуро и Зулейка Араширо (Австралийский национальный университет) в докладе «Парадигма «Другого»: пограничное мышление и сапатистское движение в Мексике» осветили усиление борьбы коренного населения Латинской Америки за свои права на примере Сапатистского Движения Национального Освобождения. По мнению авторов, хотя маргинализация коренного населения и его восстания против колониального режима имеют долгую историю, требования этнических групп обретают всё большую политическую силу в условиях фрагментации социальной мобилизации, характерной для современного неолиберализма. В докладе уделено внимание организованному сапатистами восстанию в штате Чьяпас в январе 1994 г. Сапатистское движение рассмотрено как пример «радикального решения проблемы маргинализации коренных народов Америки» [2, p. 5].

Интерес аудитории вызвал доклад **Гайтана Алехандро Баррера (Университет Гриффит, Квинсленд)** «Генезис коренного автономизма за рамками сапатизма: размышления о движениях Мискито и Мапуче в Латинской Америке», в котором автор рассмотрел традиционалистский ракурс освободительной борьбы коренных народов Латинской Америки. Баррера обращает внимание на то, что коренные народы, коллективы и движения сопротивления Латинской Америки по-разному понимают и реализуют концепт «автономия»: некоторые группы требуют автономию в форме политической закрытости внутри государственных институтов; другие конструируют автономию как простое самоуправление в рамках демаркированной территории; но есть и такие, кто видит автономию как отказ от государства, отделение от переселенческих наций и требуют возврата территории и полного восстановления и возрождения древних систем знания, форм правления и образцов социального взаимодействия. К таким движениям он относит Мискито (в Никарагуа и Гондурасе) и Мапуче (в Чили и Аргентине).

Джин Саймон и Клаудио Гонсалес (Университет Концепсьон (г. Сантьяго), Чили) в докладе «Политика распыления прав коренного населения: анализ концепта коренной территории с позиций Мапуче» показали, как на протяжении 30 лет группы коренного населения Чили отходят от требований прав на землю и автономии в рамках государства, трансформировав борьбу за права коренного населения в идейную платформу, критикующую и отвергающую западные либерально-демократические ценности.

Панель 6 была посвящена современному положению маори, которые представляют собой консолидированную общность коренного населения Новой Зеландии, эффективно борющуюся за свои права.

Маргарет Фостер (Университет Массей, Новая Зеландия) в докладе «Признание интересов коренного населения в отношении к окружающей среде: уроки от Аотеароа (Новая Зеландия)» говорит о том, что колонизация грубо разрушила связи между маори – коренным населением Аотеароа и древней природной средой (ландшафтом предков) и в настоящее время маори активно борются за земли предков.

Вероника Таувай (Университет Массей, Новая Зеландия) в докладе «Конституционная трансформация: призыв самобытности к долгосрочной защите земель, вод и жизни в Аотеароа» отметила, что система новозеландского законодательства признаёт обычаи, ценности и права коренных общин участвовать в принятии решений по вопросам окружающей среды. Это создало фундамент как для развития совместного управления и администрирования отношений между правительственными органами власти и iwi (коренными народами), так и для лучшего понимания необходимости защиты земель и вод Аотеароа.

Проблемы взаимоотношений власти и маори приняли острый характер в свете проблем по вопросам территории побережья, шельфа, освоения глубоководных нефтяных месторождений, рудников, государственной приватизации водных путей.

Увеличение числа представителей маори в парламенте, рост маорийских партий и усиление политической активности маори влекут необходимость конституциональной трансформации и пересмотра колониальной системы управления с учётом прав и ценностей маори как основы для системы управления, которая предпочтительна для всех граждан и обеспечивает защиту земель, вод и жизни в Аотеароа.

Линда Те Ахо (Университет Вайкато (г. Гамильтон), Новая Зеландия) в докладе «Динамика и течение: самоопределение, идентичность и представление в Аотеароа (Новая Зеландия)» осветила взаимоотношения между маори и новозеландским правительством, в том числе проблемы самоуправления и самоопределения маори. Автор отмечает, что политическая и социальная система маори отличается динамизмом и постоянно модифицируется в ответ на такие вызовы, как изменения внешней среды и численности населения. Самые существенные изменения произошли в ответ на прибытие европейцев, которые стали самым существенным внешним фактором, приведшим к трансформации социально-политической системы маорийских племён.

В любых обстоятельствах маори адаптировали свой образ жизни, мировосприятие и племенные союзы как того требовали обстоятельства. В настоящее время существует проблема восприятия маори своей истории, а также форм самоопределения и самоуправления.

Джоанн Уоллис из Австралийского национального университета в докладе «Различные подходы к самобытности в самоопределяющихся сообществах: сравнительный анализ Восточного Тимора и Бугенвиля (Папуа-Новая Гвинея)» показала, что самобытность сыграла относительно малую роль в борьбе за самоопределение Восточного Тимора: самобытность Тимора строилась на колониальной истории. Это удивительно, поскольку коренная идентичность тиморцев существенно отличалась от идентичности индонезийского большинства.

Напротив, в Бугенвиле самобытность сыграла огромную роль в борьбе за самоопределение бугенвильцев, хотя население этой территории имеет схожую идентичность с другими этническими группами Папуа-Новой Гвинеи.

В докладе было рассмотрено влияние разных подходов к нациестроительству: на самоопределении Тимора и его независимость в большей степени повлияли современные процессы, а на идентичность бугенвильцев – этно-символический подход, уходящий в незапамятные времена и связанный с историей, прошлым.

Особый интерес у участников конференции вызвала панель, посвящённая проблемам коренной идентичности России

В своём докладе «Коренная идентичность как противоречивая идентичность: на примере южной части российского Дальнего Востока» А.М. Кузнецов отразил историко-политический ракурс проблемы коренной идентичности, актуализировав процессы этно-территориальной консолидации на Дальнем Востоке России и показав сложность категории «коренная идентичность» на примере «маньчжурского узла». В регионе есть группы коренного населения, которые часто рассматриваются как связанные со средневековыми государствами, прежде всего, Золотой империей чжурчженей (Цзинь). Как известно, после разгрома чжурчженской империи монголами только к XVI в. начинается политическая консолидация отдельных общностей чжурчженей и других групп сначала в рамках Поздней Цзинь. Затем для новой политики и её общности

было установлено название маньчжуры. В 40-е гг. маньчжуры завоевали Китай и основали здесь Цинскую династию, просуществовавшую до 1911 г. Но примерно в то же время, что и маньчжурская консолидация, уже начинается русское освоение Приамурья, которое было прервано до начала второй половины XIX в. В результате подобной сложной противоречивости этнических процессов на юге современного Дальнего Востока России вопрос о том, как же может считаться здесь коренным, приобретает особое научное и общественно-политическое значение, которое обуславливает значимость более глубокой научной разработки данной проблемы для её освобождения от наслоившихся мифов. В докладе И.Н. Золотухина «Реквием по Леналенду: Дальневосточная региональная идентичность как современная коренная идентичность» была затронута проблема конструируемой коренной идентичности с точки зрения геополитического подхода.

Исследователи из Пермского ун-та, Пётр Панов и Олег Подвинцев в докладе «Коренные народы Арктики в политике России: различные ответы на вызовы авторитаризма» рассмотрели влияние самобытной культуры на политические процессы. Авторы обратили внимание на то, что после распада СССР права интересы этнических групп, в том числе и коренных народов Севера, приобретают политическое значение: в 6 регионах коренные народы признаются титульными национальностями, являясь меньшинством. Однако с 2000-х годов, с усилением вертикали власти и авторитарных тенденций, правительство делает попытку объединения автономных округов с более крупными региональными единицами. В докладе показан этот процесс, также как и борьба коренных народов за автономию (в частности, Ханты-Мансийскому АО удалось сохранить свой статус, в то время как Таймыр, Корякский и Эвенкийский были упразднены).

В результате кропотливой работы организаторов, в первую очередь профессора университета Маккуори Стефани Лоусон, конференция прошла на высоком уровне и в атмосфере дружелюбия и взаимопонимания, что позволило участникам академического форума плодотворно поработать и обменяться опытом и мнениями.

Стоит отметить, что учёные ДВГУ-ДВФУ успешно сотрудничают с Комитетом С-14 на протяжении 5 лет. В рамках этого сотрудничества в августе 2011 г. в ДВФУ был проведён международный семинар «Этническая политика и невоенные аспекты безопасности», в организации которого приняли участие профессора Эдриан Гелке (Великобритания) и Луис Морено (Испания). Следующая конференция Исследовательского комитета С-14 будет проведена в Эдинбурге в 2015 г.

Литература

1. Bolt Andrew. It-s so hip! [Электронный ресурс]. URL: <http://bushtelegraph.files.wordpress.com/2013/03/it-is-so-hip-to-be-black.jpg> (дата обращения: 01.09.2013 г.).
2. «The Politics of Indigenous Identity: National and International Perspectives». Dunmore Lang college, Macquarie University, Sydney, 10th-14th, 2013. Abstracts. 22 p.

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Молодёжь и профсоюз РАН: итоги Санкт-Петербургского форума

Youth and trade union RAS: results of the St. Petersburg forum

С 5 по 7 июня 2013 г. в Санкт-Петербургском научном центре проходила III научно-практическая конференция «Фундаментальная и прикладная наука глазами молодых учёных. Успехи, перспективы, проблемы и пути их решения».

Организаторами данной Конференции выступили Российская академия наук, Санкт-Петербургский научный центр РАН, Совет молодых учёных и специалистов СПбНЦ РАН, Совет молодых учёных РАН, Профсоюз работников РАН, Зоологический институт РАН, Институт химии силикатов РАН, Санкт-Петербургский Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН, Деловая сеть M2IES.

Целями конференции являлись активизация научно-исследовательской деятельности молодых учёных, расширение их научного кругозора и связей, организация междисциплинарных исследований, обмен актуальной информацией, координация и взаимодействие советов молодых учёных Институты РАН.

Программа конференции включала следующие разделы:

♦ I. Секция «Развитие науки в современном мире и её состояние в РАН глазами молодёжи»;

♦ II. Секция «Проблемы научной молодёжи. СМУ и Профсоюз»;

♦ III. Секция «Научно-техническое предпринимательство: от идеи к продукту»;

♦ Круглый стол «Актуальные вопросы научной, научно-технической и образовательной деятельности»;

♦ Круглый стол «Организация специализированных ЖСК в РАН»;

♦ Экскурсии в Зоологический музей Зоологического института РАН и Санкт-Петербургский Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН.

Кроме того в рамках работы конференции состоялось выездное заседание СМУ РАН.

В конференции приняли участие около 100 человек – представители Советов молодых учёных Уральского, Сибирского и Дальневосточного отделений РАН, Кольского, Карельского, Пушчинского, Уфимского, Казанского, Кабардино-Балкарского, Нижегородского научных центров, научного центра в Черноголовке, при Правительстве СПб, а также НИУ информационных технологий, механики и оптики (г. Санкт-Петербург) и Национального минерально-сырьевого университета «Горный».

Сопредседателями конференции выступили академики РАН Ж.И. Алферов и В.В. Козлов. С приветственным словом к собравшимся обратились председатель Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, член-корреспондент РАН В.Н. Васильев, председатель СМУ РАН А.Л. Котельников, председатель СМУ СПбНЦ Н.Г. Тюрнина.

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) **E-mail:** latushko@mail.ru

На секции I. «Развитие науки в современном мире и её состояние в РАН глазами молодёжи» с докладами выступили 18 докладчиков – молодые учёные из центрального и региональных отделений РАН, многие из которых работают и в вузах. Тематика выступлений была чрезвычайно разнообразной. Многие доклады имели не только теоретическое, но и большое прикладное значение. Вот некоторые из них: «Биодеструкция углеводородов в природной среде» (автор Гоголева О.А.), «Гипоксия против депрессий» (Баранова К.А., Чурилова А.В., Ветровой О.В.), «Умная математика для умных» (Бобцов А.А.), «Перспективы внедрения базы данных силикатных анализов пород Алтайского края в практику прогнозирования месторождений полезных ископаемых, связанных с магматизмом» (Власов М.С., Табакаева Е.М.), «Фильтры для воды на основе углеродных нанотрубок» (Москвичев А.А., Москвичев А.Н.), «Особенности слухового анализа при нарушении письменной речи» (Балякова А.А.), «Трансдермальные терапевтические системы. Фундаментальный подход при решении практических задач» (Щербина А.А.) и др.

Секцию II. «Проблемы научной молодёжи. СМУ и Профсоюз» проводили председатель профсоюза РАН В.П. Калинушкин и председатель СМУ ДВО РАН Ю.В. Латушко. В рамках секции обсуждались направления и потенциал взаимодействия советов молодых учёных и профсоюзов РАН разных уровней. В.П. Калинушкин в своём выступлении отметил необходимость активизировать взаимодействие между общественными организациями, подчеркнув, что функции советов и профсоюзов во многом совпадают. Кроме того были озвучены те проблемы, которые возникают в связи с инициативой создания корпоративного пенсионного фонда для сотрудников РАН. А также собрание было проинформировано о том, что несмотря на некоторые структурные изменения, аспирантура РАН есть и будет существовать, хотя в последнее время высказываются мнения, что обучение в аспирантуре – это сугубо образовательный процесс и она должна быть передана в исключительное ведение вузов.

После выступления председателя профсоюза РАН слово для докладов перешло к представителям Советов молодых учёных региональных отделений РАН – Дальневосточного, Уральского и Сибирского (Ю.В. Латушко, П. Кривошапкин, Ю.С. Сердюкова) и научных центров РАН – Уфимского, Казанского, Пушчинского (А.Г. Каримов, Т.А. Сигбатулин, Д.В. Демин), в которых они рассказали о работе Советов, а также поделились своим видением перспектив. Во всех выступлениях отмечалась необходимость более активного привлечения молодых учёных к экспертной деятельности, поддержки научного творчества молодёжи.

В докладе председателя СМУ ДВО РАН, к.и.н. Ю.В. Латушко прозвучала мысль о том, что проблемы у молодых учёных РАН всей страны универсальны, давно известны и порождены сходными обстоятельствами, однако имеется и специфика. В центральных регионах страны, где исторически сконцентрированы основные производства, имеется необходимый кадровый потенциал, и, особенно в случаях, когда на этом фоне налажено взаимодействие научных организаций с региональными властями, более успешно идут процессы внедрения научных разработок, коммерциализация проектов, а также решаются бытовые проблемы молодых специалистов.

Эта мысль подтвердилась в последующих выступлениях. Так, например, Совет молодых учёных Пушчинского научного центра РАН сотрудничает с правительством Московской области. Одним из важных результатов такого взаимодействия стало принятие закона Московской области № 75/2006-ОЗ «О научной и научно-технической деятельности на территории Московской области» и постановления Губернатора Московской области от 13.03.2012 № 19-ПГ «О ежегодных премиях Губер-

Фото 1. Ю.В. Латушко

натора Московской области в сфере науки и инноваций для молодых учёных и специалистов». Ежегодно по итогам конкурса талантливой научной молодёжи вручается 15 премий по 700 тысяч рублей каждая. Кроме того, там на рынок приходят крупные компании (например, в сфере биотехнологий), которые понимают необходимость развития предприятий, производящих продукцию с высокой добавленной стоимостью, что невозможно без поддержки науки.

В Уфе власти пошли на беспрецедентные меры, заключив специальное соглашение с финансовыми кругами, в результате чего ставка по ипотечному кредиту для молодых учёных там не превышает 7-8%.

Активность молодых учёных в таких вопросах крайне важна, но не всё здесь зависит только от их субъективного желания и воли, есть и объективные ограничения. При этом важно понимать, что Академия наук в целом играет роль той структуры, которая поддерживает единое интеллектуальное пространство (среду) всей страны, без которой вообще невозможно никакое развитие. Если этот тезис увязать с такой важной для дальневосточников проблемой, как логистическая, то становится ясной необходимость поддержки более тесного взаимодействия молодых учёных Дальнего Востока с учёными из других регионов России. Особенно это актуально в отношении аспирантов и молодых сотрудников, которые только делают первые шаги в науке. Пути здесь могут быть самые разные. Это и создание научных коллективов во главе с молодыми учёными при финансовой поддержке научных фондов, приглашение ведущих специалистов из России и зарубежья, различные стажировки на подобие действовавшей некогда ФЦП «Интеграция». Процесс этот должен быть двусторонним. По отдельным научным направлениям возможно изуче-

Фото 2. Научные доклады молодых учёных

ние позитивного опыта, накопленного дальневосточниками. В ряде случаев в западных регионах страны имеется перепроизводство научных кадров, когда молодые учёные не могут найти достойного применения своим талантам. В этом смысле Дальний Восток уникальное место, где могут быть реализованы самые грандиозные замыслы. Например, так называемая тунгусо-маньчжурская проблема в социальной антропологии и этнографии не может решаться успешно без привлечения самых разных специалистов – лингвистов, генетиков и т. д. Кадрового потенциала одного Дальнего Востока здесь явно не достаточно. Выходом могло бы стать создание временных научных коллективов, что, при соответствующем финансировании, безусловно, даст хорошие научные результаты.

В завершении своего выступления Ю.В. Латушко проинформировал собрание о ситуации вокруг участка земли ДВО РАН в районе ул. Чапаева (история с дачным некоммерческим партнёрством «Дорожник-9») и перспективах ввода служебного жилья, в том числе для молодых учёных во Владивостоке.

Во второй половине дня состоялся круглый стол «Организация специализированных Жилищно-строительных кооперативов РАН» (ведущий встречи Я.Л. Богомолов). В его рамках выступили представители ЖСК из Новосибирска («Сигма») и Владивостока («Остров»), а также из других регионов, где в ближайшее время будут стартовать подобные проекты. Во встрече также участвовали представители фонда РЖС. ЖСК «Остров» представлял председатель правления кооператива Р.В. Ромашко. Роман Владимирович сообщил об успехах и трудностях его создания. Во Владивостоке имеется недобор по численности членов кооператива.

Фото 3. Круглый стол по ЖСК РАН. Докладывает Р.В. Ромашко

Подобную проблему признали и специалисты фонда РЖС, которые в ходе обсуждения заявили о том, что они переоценили кредитоспособный спрос дальневосточников. Тем не менее, ситуация с ЖСК «Остров» была признана как одна из самых позитивных в стране. Пользуясь случаем, напоминаем всем молодым учёным, что согласно Постановления Правительства РФ № 376 от 26.04.2013 появилась возможность для вступления в ЖСК «Остров» научным сотрудникам и инженерным работникам институтов ДВО РАН без учёта стажа работы.

В заключительный день прошла секция «Научно-техническое предпринимательство: от идеи к продукту» (Сопредседатели М.В. Прожёга, М.А. Севостьянов). Среди выступлений можно выделить доклады «Перспективы создания аспирантами малых инновационных предприятий» (В.И. Клишко), «Опыт внедрения инновационных разработок института машиноведения РАН» (М.В. Прожёга), «У.М.Н.И.К.» в Российской академии наук» (М.А. Севостьянов) и др.

В рамках состоявшегося круглого стола по актуальным вопросам научной и научно-технической деятельности также были заслушаны и обсуждены интересные сообщения по проблемам управления научно-технической деятельностью (И.А. Тихомиров), перспективам научной периодики на современном этапе (Д.В. Фомин-Нилов) и др.

Завершилась работа экскурсиями в Зоологический музей РАН и в Санкт-Петербургский Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий РАН.

По итогам форума была принята резолюция, полный текст которой в ближайшее время будет опубликован на сайте Российской академии наук в разделе Совет молодых учёных. Среди прочего, резолюция содер-

Фото 4. Молодые учёные РАН. Экскурсия в Зоологический музей РАН

жит конкретные предложения по мерам поддержки молодых учёных в социальной, жилищной и научной сферах. В частности, предложение по формированию экспертного совета на базе СМУ РАН по Программе Президиума РАН «Поддержка молодых учёных РАН» по трём основным направлениям (мобильность молодых учёных; проведение научных школ, конференций, семинаров и т.д.; инновационно ориентированные фундаментальные проекты). Кроме того, в связи с необходимостью повышения публикационной активности учёных, а также низким уровнем интегрированности российских журналов в западные системы оценки эффективности научной деятельности (индексы цитирований, импакт-факторы и пр.) внесены предложения по развитию и поддержке сетевых научных изданий и др.

Сокращения

АОИАК Архив Общества изучения Амурского края
ГАХК Государственный архив Хабаровского края
РГИА ДВ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ПВО противовоздушная оборона
ВВС военно-воздушные силы
ИБАП истребительно - бомбардировочный авиационный полк
ИАП истребительный авиационный полк
МРАД морская ракетноносная авиационная дивизия
МРАП морской ракетноносный авиационный полк
МШАП морской штурмовой авиационный полк
ОВП ПЛО отдельный вертолётный полк противолодочной обороны
ОКШАП отдельный штурмовой авиационный полк
ОПЛАП отдельный противолодочный авиационный полк
ОРАП отдельный разведывательный авиационный полк
ОСАП отдельный смешанный авиационный полк
ТБАП тяжёлый бомбардировочный авиационный полк
ШАП штурмовой авиационный полк

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестак Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не изменять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: ГАПК -Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.).
9. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. E-mail: oikomene@rambler.ru; ojcum@rambler.ru
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2013 № 3 (26)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 25. 06. 2013 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15, 23. Уч. -изд. л. 14, 89. Тираж 200 экз. Заказ 84
Цена свободная

Издательство "Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Отпечатано в Информационно-полиграфическом хозрасчётном центре
ТИГ ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Индекс 42354

